

Военно- исторический журнал

★ В НОМЕРЕ:

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

И РУССКИЕ, И НЕРУССКИЕ

Н. Г. ПАВЛЕНКО:

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБЕ Г. К. ЖУКОВА

КУДА ДЕЛИСЬ ТАНКИ?

МЫ ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В США

„МУДРЫХ СЛУШАТЬ...”

11

1988

За нашу Советскую Родину!

Военно- исторический журнал

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1939 года

11

НОЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
МОСКВА — 1988

СОДЕРЖАНИЕ

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

Л. М. САНДАЛОВ — Стояли насмерть 3

СОВЕТСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

А. И. ИСМАИЛОВ — И русские, и нерусские 11

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Н. Г. ПАВЛЕНКО — Размышления о судьбе полководца 19

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. П. КРИКУНОВ — Куда делись танки? 28

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

В. А. ЦАРЬКОВ — Без затишья и перерыва 40

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, ВЕРСИИ

И. ПФАФФ — Прага и дело о военном заговоре 47

С. Г. ИЩЕНКО — «Я из заградотряда» 57

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Так ли это было? 62

В АРМИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

В АРМИЯХ СТРАН НАТО

Мы чужими глазами 72

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

А. С. ЯКУШЕВСКИЙ — Военная история в США 78

Ю. Ф. СОКОЛОВ — «Мудрых слушать...» 84

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ

В. Н. МАЛЬЦЕВ — Совет Рабочей и Крестьянской Обороны 90

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

ВСТРЕЧИ В РЕДАКЦИИ

ИЗ АРХИВОВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Г. Т. ХОРОШИЛОВ — Боевой приказ 94

НАМ ПИШУТ

СТОЯЛИ НА СМЕРТЬ*

Генерал-полковник Л. М. САНДАЛОВ

ПОДГОТОВКА ВОЙСК 4-Й АРМИИ К ОТРАЖЕНИЮ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

Боевая подготовка войск

До осени 1940 года в тактической подготовке войск, как и в предыдущие годы, преобладали условности. Наступление стрелковых подразделений и частей обычно условно поддерживалось батальонной, редко полковой артиллерией, обозначенной одним орудием, а иногда и указками. Дивизионные артиллерийские полки и зенитно-артиллерийские дивизионы дислоцировались отдельно от стрелковых полков, весной убывали в специальные лагеря и поэтому в совместных действиях со стрелковыми войсками не тренировались. Танков в стрелковых дивизиях не было. На тактических занятиях иногда танковые группы поддержки пехоты обозначались тракторами или броневиками. Передача радиограмм на учениях в приграничных дивизиях из-за боязни перехвата запрещалась. Разрешался только обмен радиосигналами.

При отработке оборонительных действий подразделений и частей условностей допускалось еще больше. Минных полей не ставили, траншей и ходов сообщения не создавали, а производили или обозначали отрывку так называемых ячейковых окопов, которые в последующем во время войны применения не нашли. Организация обороны с привлечением танковых частей и подразделений не отрабатывалась.

Командный состав и штабы всех степеней, в том числе и штаба армии, не умели управлять войсками при помощи радио и не любили этот вид связи из-за трудности его применения по сравнению с проводной связью.

На учениях главное внимание обращалось на правильность принятого решения, его формулировку и оформление. Управление войсками на основе принятого решения отрабатывалось слабо. Опыта в управлении целыми соединениями, частями и подразделениями со всей боевой техникой и тылами командный состав почти не имел.

В ущерб подготовке подразделений и частей личный состав на длительное время привлекался к строительству пограничных оборонительных сооружений, жилых помещений, складов, столовых, конюшен, стрельбищ, тиров, танкодромов, спортгородков и т. д. После передислокации войск к новой границе большое количество личного состава, кроме того, отрывалось от боевой подготовки для охраны многочисленных карликовых военных складов и несения службы суточного наряда...

На основе опыта советско-финляндской войны осенью 1940 года в войсках приграничных военных округов управлением боевой подготовки Красной Армии проводились показные отрядные учения под лозун-

* Сандалов Л. М. Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны.— М.: Воениздат, 1961. Начало см.: Военно-исторический журнал.— 1988.— № 10.

гом «Учить войска действовать, как на войне, и только тому, что будет нужно на войне». Учения проводились непосредственно под руководством народного комиссара обороны. Такие учения состоялись и в 4-й армии в районе брестского артиллерийского полигона. На хорошо организованных показных учениях стрелковые полки выводились в полном составе, с тыловыми подразделениями, имели танковые группы поддержки пехоты (за счет 29-й танковой бригады) и наступали за разрывами снарядов поддерживающей артиллерии (за огневым валом). В обороне отрывались ячейковые окопы. На отдельных участках ставились проволочные заграждения и минные поля (из учебных мин). Широко применялись радиосредства.

Позднее подобные учения проводились под руководством командования армии и командиров соединений во всех частях армии. Однако все предвоенные учения по своим замыслам и выполнению ориентировали войска главным образом на осуществление прорыва укрепленных позиций. Маневренные наступательные действия, встречные бои, организация и ведение обороны в сложных условиях обстановки почти не отрабатывались. Кроме того, достигнутая на учениях сколоченность подразделений и частей вскоре нарушилась, так как большинство рядового и значительная часть приписного офицерского состава перед очередным призывом военнообязанных были уволены в запас.

После поступления рядового состава нового призыва зимний период обучения проводился уже в подразделениях, обновленных личным составом более чем наполовину.

В июне 1941 года в стрелковых дивизиях 4-й армии на учениях по тактической подготовке проводилось сколачивание взводов. Отрядные, полковые и дивизионные учения в приграничных соединениях предусматривалось провести по плану боевой подготовки только осенью, и то лишь в сокращенном составе.

В период обучения бойца и отделения сколачивание войск на случай действий при чрезвычайных обстоятельствах проводилось недостаточно. Моторесурсов для танков, тягачей и автотранспорта на проведение подобных учений в приграничных войсках не предусматривалось. Выделяемые моторесурсы целиком расходовались на проведение текущей боевой подготовки.

Поднять целиком дивизию по боевой тревоге для проверки ее боевой готовности имел право только командующий войсками военного округа.

В общем боевую подготовку приграничных войск в условиях необходимости поддерживать их постоянную боевую готовность нельзя было считать нормальной. Она проводилась почти так же, как и в внутренних военных округах.

Подготовка штабов

Подготовка штаба армии, штабов корпусов, дивизий и частей проводилась по плану и регулярно. Командно-штабные учения и выходы в поле в течение всего зимнего периода и весны 1941 года проводились исключительно на наступательные темы. Противник хотя и обозначался по немецкой организации, но способы его действий проигрывались без учета состояния немецкой армии того времени.

Командно-штабные учения, как правило, проводились двухстепенные, односторонние и без обозначения войск и тылов. Организация взаимодействия штаба армии и штабов корпусов с авиацией не отрабатывалась.

Осенью 1940 года по разработке и под руководством Генерального штаба в Белоруссии проводилась большая штабная военная игра на местности со средствами связи. На игру привлекались управление военного округа (в роли фронтового управления) и армейские управле-

ния. По исходной обстановке противник сосредоточил против войск Западного фронта значительно превосходящие силы и перешел в решительное наступление. 3, 10 и 4-я армии Западного фронта, прикрывая сосредоточение и развертывание главных сил фронта, с тяжелыми боями отходили от рубежа к рубежу, проводя механизированными соединениями короткие контрудары с ограниченными целями, чтобы дать возможность подготовить войскам оборонительный рубеж или ликвидировать угрозу окружения. Отход продолжался примерно до рубежа Слоним, Пинск, с которого прикрывающие армии совместно с подошедшими и развернувшимися свежими армиями перешли в контрнаступление, нанесли противнику поражение, отбросили его к границе и создали условия для следующего этапа наступательной операции.

Как видно из изложенного, обстановка на учении создавалась весьма близкой к условиям начала войны с Германией, но, к сожалению, эта военная игра имела крупный недостаток. Основное внимание на ней обращалось не на организацию отражения наступления противника, а на проведение контрнаступления.

В марте — апреле 1941 года штаб 4-й армии участвовал в окружной оперативной игре на картах в Минске. Прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава.

В конце мая проводилась армейская полевая поездка, закончившаяся игрой на картах. Проигрывалась наступательная операция из района Пружаны, Антополь, Береза-Картузская в направлении Брест, Бяла-Подляска. При этом 28-й стрелковый корпус наступал во взаимодействии с Пинской военной флотилией.

Наконец, накануне войны 21 июня 1941 года закончилось проводимое штабом армии двухстепенное командно-штабное учение 28-го стрелкового корпуса на тему «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды». На последнюю неделю июня штаб округа подготавливал игру со штабом 4-й армии также на наступательную операцию.

Следовательно, штабы всех степеней 4-й армии можно было считать готовыми для управления войсками при развитии событий в нормальной обстановке (небольшой отход армии, своевременный подход войск из глубины округа и совместный переход их в контрнаступление с целью отбросить противника за государственную границу). Для управления же войсками в сложных условиях обстановки после внезапного нападения превосходящих сил противника, когда боевые действия приняли сугубо маневренный характер во всей полосе армии и развернулись одновременно на большую глубину, штабы частей, соединений, как и штаб армии, оказались неподготовленными.

Реорганизация и перевооружение войск армии

В 4-й армии, как и в остальных армиях Западного особого военного округа и других приграничных округах, весной 1941 года по решению Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР проводились большие организационные мероприятия и перевооружение войск.

Необходимость указанных крупных мероприятий диктовалась все возраставшей угрозой военного нападения со стороны фашистской Германии на Советский Союз.

Основной задачей реорганизации войск и их перевооружения являлось создание крупных механизированных соединений (корпусов) и ликвидация отдельных танковых бригад, создание артиллерийских противотанковых бригад, увеличение количества артиллерийских полков РГК и резкое уменьшение кавалерийских соединений (корпусов и дивизий), создание бригадных районов ПВО и уменьшение личного состава

в стрелковых дивизиях при сохранении прежнего количества артиллерийских средств и незначительном уменьшении стрелкового вооружения.

В 4-й армии с апреля 1941 года начали формироваться 14-й механизированный корпус (22-я и 30-я танковые и 205-я моторизованная дивизии) и корпусные части (мотоциклистский полк и батальон связи). 22-я танковая дивизия формировалась на базе 29-й отдельной танковой бригады в Бресте, 30-я танковая дивизия — на базе 32-й отдельной танковой бригады в Пружаны. 205-я моторизованная дивизия формировалась заново в Береза-Картузская. Для ее формирования были выделены стрелковые, артиллерийские и специальные подразделения 42-й стрелковой дивизии, а для танкового полка — танковые подразделения 29-й и 32-й отдельных танковых бригад.

Гаубичные полки танковых дивизий развертывались из гаубичных подразделений стрелковых дивизий 4-й армии.

Такие же механизированные корпуса формировались и в остальных армиях округа. На стыке 4-й и 10-й армий формировался 13-й механизированный корпус, который включался в состав 13-й армии и предназначался для второго эшелона района прикрытия № 3.

Все механизированные корпуса подчинялись армиям только оперативно.

На вооружение формируемых корпусов начали поступать новые танки КВ и Т-34. Однако до начала войны их получил только 6-й механизированный корпус, находившийся в полосе 10-й армии. 14-й механизированный корпус имел только устаревшие танки Т-26 и Т-38, поступившие из 29-й и 32-й отдельных танковых бригад. К началу войны не было завершено ни формирование, ни перевооружение механизированных корпусов.

Артиллерийско-противотанковых бригад в полосе 4-й армии не формировалось. Они создавались в соседних армиях. Эти бригады получили на вооружение новые 85-мм пушки, но средств тяги к ним имели менее чем на 50 %.

В полосе армии на окружном полигоне юго-западнее Барановичи весной 1941 года имелось 480 152-мм орудий для формирования десяти артиллерийских полков РГК. Создать и сколотить эти полки до начала войны также не успели.

В корпусных зенитно-артиллерийских дивизионах 76-мм зенитные пушки заменились на 85-мм.

Весной 1941 года в округе начали формироваться бригадные районы ПВО (Кобринский, Белостокский, Гродненский). В полосе 4-й армии создавался Кобринский бригадный район ПВО. Он включал в себя стационарные части ПВО (отдельные дивизионы ПВО РГК, вооруженные 85-мм зенитными орудиями), батальоны и отдельные роты ВНОС.

Стрелковые дивизии в апреле 1941 года переводились также на новые штаты. Количество личного состава уменьшалось на 15,6% (14,5 тыс. вместо 17 тыс.), конского состава — на 28%, автомашин — на 32%, винтовок и карабинов — на 12,4%, пистолетов-пулеметов — на 23,6%. Количество станковых пулеметов, орудий и минометов всех калибров в дивизии оставалось прежним (минометов калибра от 50 до 120 мм — 150, 45-мм пушек — 54, 37- и 76-мм зенитных пушек — 12, 76-мм пушек — 34, 122- и 152-мм гаубиц — 44). Дивизия становилась менее громоздкой и более маневренной. Для противотанковой обороны дивизия могла использовать 88 орудий (батальонная артиллерия и 76-мм пушки). Артиллерийские полки дивизий и вся артиллерия стрелковых полков оставались на конной тяге. Все отдельные артиллерийские дивизионы, а в некоторых стрелковых дивизиях и гаубичные полки переводились на механическую тягу. В артиллерийских полках стрел-

ковых дивизий, как и в корпусных артиллерийских полках, устаревшая материальная часть заменялась новыми 122- и 152-мм гаубицами и 76-мм пушками. Намечалось обеспечить дивизии противотанковыми минами, но, к сожалению, это мероприятие проведено не было.

Начали перевооружаться и авиационные дивизии, оперативно подчиненные армиям. В первую очередь новые самолеты начали поступать в 9-ю смешанную авиационную дивизию соседней 10-й армии. 10-я смешанная авиационная дивизия 4-й армии получила первые самолеты новых типов только в середине июня 1941 года.

Следовательно, состояние войск в последние три месяца передвойной характеризовалось большими организационными изменениями и началом их перевооружения.

Проведение такого важного мероприятия, к сожалению, началось с большим опозданием и к моменту нападения фашистской Германии оказалось незавершенным. Перевооружение войск намечалось закончить лишь в 1942 году. Это явилось крупным просчетом с нашей стороны. Просчет усугубился тем, что материально необеспеченные реорганизация и перевооружение войск проводились одновременно во всех западных приграничных округах. Так, например, танковые бригады, многие из которых имели опыт ведения боевых действий в советско-финляндской войне (29-я танковая бригада 4-й армии и др.), обращались на формирование механизированных корпусов, а последние полностью сформировать и перевооружить не удалось.

Кроме того, проводимые мероприятия, особенно формирование механизированных корпусов и артиллерийских полков РГК, были подчинены только интересам наступления, без учета, что им придется вести и оборону. Полевая, противотанковая артиллерия и танки имели в своих боекомплектах ничтожно малое количество бронебойных снарядов, а стрелковые войска совершенно не имели противотанковых и противопехотных мин и средств заграждения.

Следует считать большой ошибкой то, что формирование и переворонование частей и соединений проводилось непосредственно в приграничных районах. Это привело к тому, что в момент возникновения военного конфликта они оказались почти небоеспособными, а между тем эти войска по планам прикрытия получили боевые задачи.

Инженерное обеспечение

Первым и основным рубежом обороны в полосе армии являлся Брестский укрепленный район, первая позиция которого строилась по восточному берегу р. Западный Буг и воспроизвела начертание ее русла. В июне 1941 года велось строительство сооружений только на первой позиции укрепленного района. В глубине этого района строительство сооружений еще не начиналось.

Полоса предполья, вследствие того что сооружения строились по берегу реки, не создавалась, за исключением участка в районе Дрохичин, где по условиям местности долговременные огневые точки строились па некотором удалении от берега.

Всего в укрепленном районе к 21 июня было забетонировано 128 дотов. Некоторые из забетонированных сооружений имели арматуру, и в них монтировалось вооружение, присланное из Мозырского укрепленного района. К началу войны в боевой готовности (с гарнизонами, оружием и боеприпасами, но без технических средств связи) имелись только 23 долговременные огневые точки: восемь в районе Бреста, главным образом в районе крепости, три — южнее Бреста, шесть — в районе Дрохичин и шесть — в районе Семятыче.

Из трех пулеметно-артиллерийских батальонов численностью по 350—400 человек проводилось развертывание пяти батальонов по 1500 человек каждый. Рядовой состав для их формирования только на-

чал прибывать, а офицерский состав поступал из артиллерийских частей округа, в частности 66 офицеров из 4-й армии. Прибывший на укомплектование формируемых батальонов необученный личный состав включался пока в состав 16, 17 и 18-го пулеметно-артиллерийских батальонов. Оружие и даже обмундирование на вновь прибывших еще не поступило.

Для строительства полевых позиций вся приграничная полоса была разбита на батальонные районы, которые оборудовались последовательно: вначале — подлежащие занятию войсками по тревоге, а в последующем и другие — в зависимости от их важности. С мая 1941 года на строительстве оборонительных сооружений в приграничной полосе работали по одному стрелковому батальону от каждого стрелкового полка дивизии.

Позиции, которые строились в виде опорных пунктов и батальонных узлов, состояли из деревоземляных и частично из бутовых сооружений, а также из окопов и незначительного количества заграждений. Окопы строились преимущественно в виде отдельных прямоугольных ячеек на одного-двух человек, без ходов сообщения, без маскировки; противотанковые заграждения создавались только на отдельных участках в виде противотанковых рвов и надолб. Противопехотные заграждения не минировались. Командных и наблюдательных пунктов и убежищ имелось незначительное количество.

Лучше других были оборудованы полевые позиции в полосе 6-й стрелковой дивизии, несколько слабее — в полосе 75-й стрелковой дивизии и совсем плохо — в полосе 42-й стрелковой дивизии, так как ее стрелковые батальоны ежемесячно меняли районы строительства укреплений.

Работа по полевому усилению Брестского укрепленного района и оборудованию полевых позиций на левом фланге армии в полосе 75-й стрелковой дивизии с начала июня 1941 года производилась ускоренными темпами. По приказу округа на оборонительные работы привлекалось уже по два батальона от каждого стрелкового полка дивизии.

В полосе армии через р. Западный Буг имелось два железнодорожных (Брест и Семятыч) и четыре дорожных (Дрохичин, Кодень, Домачево и Владава) исправных и действующих моста. Эти мосты находились под охраной 89-го (брестского) пограничного отряда, который, хотя и был включен в состав РП-4, никаких заданий по подготовке этих мостов к разрушению не получил. В результате в первый же день войны все переправы и мосты через реку противник захватил в исправном состоянии.

Тыловые рубежи обороны армии, как уже указывалось, в довоенное время не строились. Перед войной завершилась рекогносировка двух армейских рубежей: по р. Ясельда и по р. Шара.

Таким образом, в инженерном отношении полоса обороны 4-й армии была подготовлена слабо и в первый же день войны довольно легко преодолена противником. Там, где наши войска успели занять готовые долговременные сооружения, они оказали врагу упорное и длительное сопротивление (16-й и 17-й пулеметно-артиллерийские батальоны). К сожалению, таких сооружений оказалось мало.

Материальное обеспечение

Неприкосновенные запасы. В июне 1941 года все части армии имели носимый запас винтовочных патронов в ящиках, хранившихся в подразделениях. Возимый запас боеприпасов для каждого подразделения хранился на складах.

В стрелковые дивизии (кроме 75 сд) и корпусные артиллерийские полки, помимо одного боекомплекта снарядов и мин, указанного в ди-

рективе по прикрытию, артиллерийское управление округа направило еще по половине боекомплекта.

При этом в 6-ю и 42-ю стрелковые дивизии, склады которых располагались в Брестской крепости, несмотря на протесты штаба 4-й армии, органы артснабжения округа прислали сверх указанного еще значительное количество боеприпасов.

Затем, учитя, что такое большое количество запасов в случае войны легко может уничтожить авиация или артиллерией противника, округ 21 июня дал в штаб армии следующую телеграмму:

«Командующему 4-й армией. В неприкосновенном запасе 6-й и 42-й стрелковых дивизий, кроме 1,5 б/к, имеется еще: 34 вагона боеприпасов в 6-й и 9 вагонов — в 42-й стрелковых дивизиях. Этот излишек немедленно вывезти из Бреста не менее чем на 30 км на восток». Естественно, что в короткий срок (за несколько часов до начала войны) такое количество боеприпасов не могло быть вывезено.

Горючего в армии было более двух заправок на все имевшиеся машины.

Неприкосновенный запас продовольствия и фуражка на складах достигал по основным продуктам, кроме мяса, 15 суточных дач.

В силу того что тыловые органы и транспорт частей и соединений в мирное время находились в сокращенном составе и притом в некомплекте, свои неприкосновенные запасы (боеприпасы, горючее и продовольствие) они могли поднять не более чем наполовину.

Места хранения запасов. Боеприпасы, горючее и продовольствие для 6-й и 42-й стрелковых дивизий, а также 447-го корпусного артиллерийского полка хранились на складах в Брестской крепости и частично в г. Бресте; для 455-го корпусного артиллерийского полка — в Пинске; для 49-й и 75-й стрелковых дивизий — на своих дивизионных складах. Один боекомплект для танковых дивизий хранился в частях и два боекомплекта — для 22-й танковой дивизии — на дивизионном складе на территории Брестской крепости, для 30-й танковой дивизии — в Слободке. В боекомплектах для танковых частей было очень мало бро-небойных снарядов.

Запасов боеприпасов для формируемых артиллерийских полков и минометных подразделений дивизий 14-го механизированного корпуса не имелось. Запасы горючего дивизий механизированного корпуса хранились: для 22-й танковой дивизии (две заправки) — на складе горюче-смазочных материалов в Пугачеве, в 3 км от места дислокации, и одна заправка — при дивизии; для 30-й танковой дивизии все три заправки — в Слободке, в 6 км от места расположения; для 205-й моторизованной дивизии — две заправки при себе. Запасы продовольствия для них хранились соответственно в Бресте, Пружанах и при 205-й моторизованной дивизии.

Размещение окружных складов. Окружные запасы, предназначенные для соединений и частей армии, находились: боеприпасы (по одному боекомплекту) — на окружных артиллерийских складах в Бронна Гура (13 км северо-восточнее Березы-Картузской) и в Пинске; горючее (по три заправки) — на окружных складах в Оранчицы (12 км юго-восточнее Пружаны), Кобрине, Черемха, Лахва (70 км восточнее Пинска); автобронетанковое имущество — на 970-м окружном складе автобронетанкового имущества в Бресте; инженерное имущество — на окружном складе в районе Минска; имущество связи — на окружном складе в районе Барановичи; продовольствие — на окружных складах № 821 в Бресте и № 820 в Лунинец.

Госпитальная база на территории армии на первый период обеспечивала потребность армии. Госпитали размещались в Бресте, Черемха, Кобрине, Березе-Картузской, Пинске; 719-й сансклад — в Пинске.

В последние дни перед войной штаб округа решил эвакуировать из Брестской крепости окружной военный госпиталь. Это решение оказалось запоздалым, и выполнить его удалось лишь частично. Брестская железная дорога не смогла обеспечить достаточного количества вагонов.

Таким образом, имевшиеся запасы боеприпасов, горючего и продовольствия вполне обеспечивали проведение войсками армии первоначальных операций. Но размещение складов с этими запасами нельзя признать удовлетворительным. Сосредоточение большей их части в районах, непосредственно прилегающих к границе, создавало угрозу их быстрого уничтожения, тем более что транспортных средств в соединениях и тыловых органах для одновременного поднятия всех запасов не хватало.

Служба армейского и войскового тыла к началу войны, по существу, не имела продуманной организации. Тыловые части и подразделения в соединениях и частях были слабо укомплектованы личным составом и транспортными средствами даже по штатам мирного времени. На все учения, как правило, они не привлекались или привлекались только частично. Даже по боевой тревоге в частях и соединениях для погрузки имущества НЗ выделялось небольшое количество транспортных средств и людей, которые могли лишь «обозначить погрузку». Все расчеты строились на том, что с началом войны тыловые части и подразделения получат людей и транспорт по мобилизации.

Армия накануне войны не имела своих армейских тыловых частей и учреждений, а также армейского автотранспорта.

Управление и связь

В половине июня 1941 года были подготовлены запасные командные пункты с узлами связи: для штаба армии — в Буховичи, северо-восточнее Кобриня, где саперы совместно со связистами армии восстановили легкие блиндажи, в которых размещался штаб 4-й армии во время фронтовой полевой поездки в 1940 году; для штаба 28-го стрелкового корпуса — в Жабинка; для штаба 14-го механизированного корпуса — в лесу севернее Тевли.

Для управления 62-го укрепленного района готовился командный пункт в районе Высокое. Отсюда имелась непосредственная телефонная связь со штабом армии и командирами 16, 17 и 18-го пулеметно-артиллерийских батальонов.

Связь штаба армии (Кобрин) с управлением 28-го стрелкового корпуса, 6-й и 42-й стрелковыми дивизиями (Брест и Брестская крепость) до войны осуществлялась по выделенным для этой цели постоянным проводам гражданских линий связи; с 49-й и 75-й дивизиями — периодически по арендованным проводам и нарочными; с 39-м бомбардировочным полком 10-й смешанной авиационной дивизии (Пинск) и штабом округа (Минск) — по постоянному проводу.

Связь со штабами 14-го механизированного корпуса и 10-й смешанной авиационной дивизии осуществлялась непосредственно, так как они располагались в одном пункте со штабом армии. Постоянно действующей радиосвязи с выше- и нижестоящими инстанциями и с соседями штаб армии не имел.

В механизированном корпусе со средствами связи было особенно плохо. Штаб корпуса имел лишь шесть радиных танков и одну радио 5-АК, выделенную из батальона связи армии; проводных средств связи не было.

(Продолжение следует)

И русские, и нерусские

(Из опыта подготовки
офицерских кадров
в Среднеазиатском военном
округе в годы войны)

Полковник А. И. ИСМАИЛОВ,
кандидат исторических наук

С НАЧАЛОМ Великой Отечественной войны в армии и на флоте резко возросла потребность в офицерских кадрах. Это обусловливалось широким развертыванием Вооруженных Сил и значительными боевыми потерями.

К концу 1941 года было мобилизовано уже около 75 проц. офицеров запаса¹. Однако основным источником, откуда поступали офицерские кадры, являлись военно-учебные заведения.

В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) Наркомат обороны на третий день войны разработал план подготовки командно-начальствующего состава, в котором намечались досрочные выпуски слушателей академий и курсантов военных училищ, расширение сети и емкости учебных заведений, изменение программ в связи с переходом на сокращенные сроки обучения. Благодаря принятым мерам удалось успешно решить сложную задачу массовой подготовки командных, политических и военно-технических кадров. Всего в годы войны вузы, различные курсы и школы Наркомата обороны СССР выпустили свыше 1 млн. 253 тыс. командиров². На курсах усовершенствования и в академиях прошли обучение более 402 тыс. офицеров. Военно-политические учебные заведения дали армии и флоту 300 тыс. политработников среднего и старшего звена³.

Среднеазиатский военный округ (САВО) в 1941—1945 гг. сыграл важную роль в подготовке офицерских кадров. В тот период в его состав входили части и соединения, военно-учебные заведения и учреждения, расположенные на территории Средней Азии и Казахстана.

Осенью 1941 года туда были эвакуированы многие военно-учебные заведения Наркомата обороны. До войны в САВО были только Алматинское и Ташкентское пехотные училища. К концу же первого военного года офицеров для фронта здесь готовили в девяти военных академиях, двух военных институтах, на военных факультетах при двух гражданских учебных заведениях, а также примерно в 30 военных училищах и школах. В сентябре 1942 года из Астрахани в Самарканд передислоцировались Высшие специальные курсы командного состава Военно-Морского Флота⁴. Кроме того, в Среднюю Азию перебазирова-

¹ Советские Вооруженные Силы.— М.: Воениздат, 1978.— С. 296.

² ЦАМО СССР, ф. 54, оп. 12301, д. 305а, л. 20.

³ Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия.— М.: Советская энциклопедия, 1985.— С. 159.

⁴ ЦГА Уз. ССР, ф. 837, оп. 27, д. 329, л. 43; д. 185, лл. 61—90.

лись Высший военно-гидрометеорологический институт Советской Армии и три научно-исследовательских учреждения Наркомата обороны.

Командование и политическое управление Среднеазиатского военного округа, местные партийные и советские органы приняли все меры к тому, чтобы военно-учебные заведения успешно решали основную задачу — качественно и бесперебойно готовили офицерские кадры для действующей армии. Так, старейшая в Вооруженных Силах СССР Военная академия имени М. В. Фрунзе сразу же по прибытии в столицу Узбекистана получила здание курсов при ЦК КП(б) этой республики и еще несколько помещений для размещения слушателей. «Обеспечить всем необходимым для учебы и жизни такое количество людей, прибывших в Ташкент почти неожиданно, было очень трудно: не хватало учебных помещений, общежитий, все сложнее обстояло дело с продовольствием. На помощь академии пришло правительство Узбекской Советской Республики. В тех условиях оно сделало все возможное, чтобы академия функционировала нормально»⁵.

Военная академия механизации и моторизации РККА перебазировалась в Ташкент в начале ноября 1941 года. На третий день ее слушатели приступили к учебе⁶.

По прибытии в город Самарканд Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского и Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова были созданы необходимые условия для их нормальной работы. Для этих академий и Высших специальных курсов командного состава ВМФ согласно решению городского комитета партии и исполкома городского Совета депутатов трудящихся выделили три школьных здания. Совместно с местными партийными, советскими и военными органами при посещении Высших курсов заместителем Наркома Военно-Морского Флота генерал-лейтенантом И. В. Роговым были решены вопросы благоустройства личного состава, улучшения жилищно-бытовых условий семей военнослужащих⁷.

Условия для плановой работы и жизнедеятельности удалось создать многим эвакуированным в Среднюю Азию и Казахстан военно-учебным заведениям. Партийные и советские органы на местах уделяли им постоянное внимание. Например, на бюро Актюбинского областного комитета партии 6 марта 1942 года рассматривался вопрос обустройства 14-й артиллерийской специальной школы. Признав положение нормальным, бюро обкома партии в то же время обязало соответствующие организации принять максимум мер для обеспечения всем необходимым ее воспитанников и не допускать ни одного случая перебоя снабжения. Бюро обкома приняло также решение за счет местных ресурсов выделить для школы 450 пар кожаной обуви и 300 ремней.

Подольское артиллерийское училище прибыло в Бухару в октябре 1941 года. Оттуда его начальник и военный комиссар докладывали, что «общее размещение училища обеспечивает боевую подготовку вполне удовлетворительно, местные партийные и советские органы оказывают всемерную помощь, выделяют необходимые материалы для ремонтных и строительных работ, семьям офицеров предоставлено 19 квартир»⁸. А в рапорте начальника Военной академии тыла и снабжения генерал-лейтенанта П. Давыдова и начальника политотдела полковника А. Лукьянченко отмечалось, что академии в Ташкенте «были выделены лучшие здания для учебных и научных целей и созданы все условия для

⁵ Военная академия имени М. В. Фрунзе.— М.: Воениздат, 1980.— С. 125.

⁶ ЦГА Уз. ССР, ф. 837, оп. 27, д. 185, л. 187.

⁷ Партийный архив Самаркандинского обкома партии (ПАСО). ф. 31, оп. 1, д. 2331, л. 13; ЦГА Уз. ССР, ф. 837, оп. 27, д. 329, л. 43.

⁸ ЦАМО, ф. 158, оп. 12836, д. 1, лл. 61, 75; ЦГА Уз. ССР, ф. 837, оп. 27, д. 185, л. 50.

плодотворной работы всего личного состава. Благодаря этому буквально на второй день началась нормальная учебная работа академии⁹.

В начале зимы 1941 года в Казахскую ССР эвакуировались Селищенская, Серпуховская и Сталинградская военные школы авиамехаников. Они были размещены соответственно в Северо-Казахстанской, Кзыл-Ординской и Кустанайской областях. Местные партийные комитеты, советские и военные органы активно помогали этим школам в благоустройстве личного состава. В течение декабря того же года бюро Кустанайского обкома партии и исполкома областного Совета депутатов тружеников дважды рассмотрели и приняли конкретные меры, направленные на улучшение бытовых условий воинов-авиаторов. Для последних, в частности, были высвобождены помещения областных партийных курсов и ряд школьных зданий. Кроме того, из местных фондов авиашкола получила строительные материалы и электротехническое имущество¹⁰.

К концу 1941 года, как докладывал заместитель командующего военно-воздушными силами САВО Герой Советского Союза полковник Н. П. Каманин, в Узбекской ССР разместились: Кременчугская и Армавирская авиашколы, Тамбовская школа пилотов, Рязанская высшая школа штурманов (соответственно в городах Хавасте, Намангане, Джизаке, Карши). «В Карши нас встретили хорошо... — вспоминал впоследствии начальник Рязанской высшей школы штурманов Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации А. В. Беляков, — освободили нам много различных помещений и квартир... основные указания исходили от первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Усмана Юсупова... вскоре мы почувствовали себя как дома и продолжали боевую работу»¹¹.

Чугуевское авиаучилище летчиков с осени 1941 года находилось в Чимкенте. «За несколько дней до Октябрьских праздников, — писал впоследствии бывший в начале войны летчиком-инструктором этого училища трижды Герой Советского Союза маршал авиации И. Н. Кожедуб, — прибыли в зеленый живописный город Чимкент — конечный пункт долгого пути. Здесь на аэродроме нам предстоит собрать самолеты, а потом на них перелететь в Манкент, где будет базироваться наша эскадрилья»¹². С первыми эшелонами в Чимкент передислоцировались 7 эскадрилий. Личный состав училища насчитывал тогда около 5000 человек, из них 411 коммунистов и 2350 комсомольцев. Согласно решениям Южно-Казахстанского обкома партии, облисполкома и городского руководства училищу отвели два здания для размещения штаба, столовой и курсантов¹³.

Напряженно, в боевом ритме работали авиационные военно-учебные заведения САВО, насчитывающие в 1942 году примерно 20 училищ и школ¹⁴. За годы войны они подготовили 8000 летчиков, более 2000 штурманов и несколько тысяч авиаспециалистов.

Количество слушателей на курсах при Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева в октябре 1941 года по сравнению с дооценным временем возросло в 20 раз¹⁵. Большую помощь в размещении и материальном обеспечении личного состава академии оказывали

⁹ ЦГА Уз. ССР, ф. 837, оп. 27, д. 371, л. 1.

¹⁰ Партахархив Каз. филиала ИМЛ, ф. 708, оп. 5, д. 1125, лл. 72, 74; д. 2283, л. 125; д. 2284, л. 46.

¹¹ Беляков А. В. В полет сквозь годы.— М.: Воениздат, 1982.— С. 320—321.

¹² Кожедуб И. Н. Верность Отчизне.— М.: Воениздат, 1975.— С. 121.

¹³ ЦАМО, ф. 158, оп. 12819, д. 8, л. 201.

¹⁴ Там же, д. 44, лл. 225—233.

¹⁵ См.: Иовлев А. М. Деятельность КПСС по подготовке военных кадров.— М.: Воениздат, 1976.— С. 155.

ЦК КП(б) Киргизии (первый секретарь А. С. Вагов) и правительство этой республики (председатель СНК Киргизской ССР Т. Кулатов), горком партии Фрунзе (первый секретарь А. И. Васьков). Профессорско-преподавательскому составу выделялись продукты из местных ресурсов и были отведены земельные участки для подсобного хозяйства¹⁶. Военная инженерная академия имени В. В. Куйбышева и Военный институт физической культуры имени Лесгафта до октября 1943 года находились во Фрунзе, готовили офицерские кадры для армии и флота.

В период формирования в столице Киргизии школы пилотов осенью 1941 года Центральный Комитет Компартии и правительство республики в сжатые сроки обеспечили школу казарменными помещениями, учебными классами и столовыми, а ее начсостав — жильем. Были построены семь аэродромов. Новое военное учебное заведение получило также достаточное количество емкостей для авиагорючего¹⁷. Об этом свидетельствует доклад руководителей указанной авиационной школы.

Следует подчеркнуть, что в военных училищах, школах и на курсах округа в сложных условиях военного времени удавалось достаточно успешно решать вопросы подготовки офицерских кадров командного профиля. В августе 1945 года в докладе управления военно-учебных заведений Главного управления кадров Наркомата обороны СССР в числе «крепких и наиболее обеспеченных» училищ назывались Ташкентское, Фрунзенское, Алма-Атинское, Ашхабадское, Тамбовское (г. Семипалатинск) и Одесское (г. Уральск) пехотные училища¹⁸.

Напряженно трудились преподаватели, упорно и инициативно учились слушатели. Военно-учебные заведения, эвакуированные в тыловые районы, жили полнокровной жизнью. В практику подготовки офицеров срочно внедрялся фронтовой опыт. Его освоение явилось целью двух научно-практических конференций, проведенных с преподавателями, слушателями и научными работниками высших учебных заведений и научных учреждений: в Ташкенте, в Военной академии механизации и моторизации РККА в мае 1942 года, и в Самарканде в апреле 1943 года. На конференции в академии среди выступавших большинство составляли офицеры-фронтовики, которых в октябре 1941 года на командном факультете было около 60 проц. общего числа, а в 1943 году — уже 85 проц.

Занятия в академиях и училищах строились с учетом максимального использования опыта боевых действий и практики организации взаимодействия родов войск. Значительная часть учебного времени отводилась для отработки задач в поле, на танкодромах и в парках. Выпускник Первого Туркестанского пулеметного училища (г. Кушка) 1943 года, ныне заместитель командующего войсками Среднеазиатского военного округа Герой Советского Союза генерал-лейтенант С. К. Нурмагамбетов в своих воспоминаниях об учебе в те годы пишет: «Хотя училище было молодое, но имело неплохую учебно-материальную базу, приличные бытовые условия. Обучали нас квалифицированные и требовательные командиры. Они делали все для того, чтобы мы за тысячи километров от фронта все постигали и делали так, как потребуется там, в самом пекле войны»¹⁹.

За полтора года, в течение которых Военная академия имени М. В. Фрунзе находилась в Ташкенте, состоялось несколько выпусков офицеров-командиров для фронта. С апреля 1942 года в этом учебном заве-

¹⁶ ЦАМО, ф. 32, оп. 11289, д. 155, л. 5.

¹⁷ ЦГА Кирг. ССР, ф. 350, оп. 14, д. 130, л. 516.

¹⁸ ЦАМО, ф. 54, оп. 12301, д. 305 а, л. 28.

¹⁹ Нурмагамбетов С. К. Лицом к огню.— Алма-Ата, 1984.— С. 17.

дении был установлен четырехмесячный срок обучения и введен 12-часовой рабочий день. При академии действовали также ускоренные курсы переподготовки и усовершенствования офицерского состава. Только в 1941 году она направила в армию около 3000 офицеров, а всего за годы войны — примерно 11 000. В Военной академии механизации и моторизации РККА за первых два месяца в эвакуации подготовлено и направлено на фронт 1675 командиров-танкистов и 476 политработников для бронетанковых войск, прошедших обучение на курсах при академии²⁰.

На фронте выпускники военных академий успешно командовали подразделениями, частями и соединениями. Например, подполковник А. Х. Бабаджанян, окончивший курсы при Военной академии имени М. В. Фрунзе, стал впоследствии известным советским военачальником, а подполковник П. Д. Гудзы, майор И. Я. Брайко, капитан Г. Т. Завицион и другие проявили большие командирские способности, стали генералами, плодотворно трудились или трудятся в системе военных вузов.

14 пехотными и пулеметно-минометными училищами САВО и окружными курсами «Выстрел» за два первых года войны подготовлено приблизительно 42 300 офицеров и 8000 политбойцов. Кроме того, из числа курсантов на укомплектование формируемых частей было направлено 63 тыс. человек²¹. В тот период только Харьковское пехотное училище, эвакуированное в Наманган, дало фронту 3482 офицера и 183 политработника. 6373 его питомца стали красноармейцами и младшими командирами в формируемых в округе частях²².

С ноября 1941 года в Самарканде успешно готовило кадры для бронетанковых войск 2-е Харьковское танковое училище. Комиссия во главе с заместителем генерал-инспектора ГАБТУ РККА генерал-майором танковых войск И. Г. Лазаревым, принимавшая выпускные экзамены, отметила, что «училище на новом месте вполне оформилось в крупную учебную организацию и есть все условия для качественной подготовки командиров-танкистов». На экзаменах знания большинства выпускников (свыше 92 проц.) были оценены как хорошие и отличные²³.

Во время экзаменов в декабре 1942 года курсанты-выпускники Тамбовского пехотного училища (г. Семипалатинск) показали готовность к практической службе в войсках. Более 72 проц. из них получили на экзаменах по всем предметам обучения отличные и хорошие оценки²⁴.

Сразу же по прибытии в Чирчик в 1-м Харьковском танковом училище началась интенсивная учеба курсантов. Главной задачей в деятельности командиров, политработников и преподавателей училища стала подготовка преданных ленинской партии и Советской Родине офицеров, всесторонне знающих и умело применяющих бронетанковую технику в бою. Из 2600 человек, окончивших его в 1942 году, около 80 проц. сдали выпускные экзамены на хорошо и отлично²⁵.

Отважно шли в бой офицеры-танкисты из Ташкентского танкового училища. 56 из них стали Героями Советского Союза. Среди них Г. Склезнев, В. Шаландин, В. Мартехов, И. Мерзляк и Е. Уткин, которые навечно зачислены в списки курсантских рот. За заслуги в подготовке командиров-танкистов училище в ноябре 1943 года награждено орденом Ленина.

²⁰ ЦАМО, ф. 158, оп. 12819, д. 154, л. 46.

²¹ Там же, ф. 54, оп. 12301, д. 236 (Подсчитано по формулярам училищ).

²² Там же, лл. 71—73.

²³ Там же, ф. 158, оп. 12836, д. 1, лл. 97, 100.

²⁴ Там же, оп. 123016, д. 126, л. 153.

²⁵ Там же, оп. 12819, д. 3, л. 26 а.

В столице Советского Туркменистана готовило общевойсковых командиров Ашхабадское пехотное училище. В нем произведено за годы войны 11 выпусков офицеров (около 3000 человек). Кроме того, училище направило в действующую армию 5400 младших командиров. Храбро сражались питомцы Ашхабадского пехотного. Свыше 5000 из них награждено орденами и медалями. Четверо удостоились Золотой Звезды Героя, а 23 февраля 1944 года само училище — ордена Красного Знамени²⁶.

Харьковское военно-медицинское училище, находясь с октября 1941 года и до конца войны в Ашхабаде, подготовило более 3100 офицеров-медиков, в том числе 130 фельдшеров и фармацевтов, которые являлись представителями коренных национальностей Средней Азии. В связи с 10-летием образования и за заслуги в подготовке кадров медицинской службы 31 марта 1945 года училище было награждено Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Туркменской ССР²⁷.

В Волчанской военной школе авиамехаников, эвакуированной в столицу Таджикской ССР, значительное количество курсантов составляли сыны народов, проживающих в этой республике. В 1942—1943 гг. 354 из них стали авиамеханиками, в том числе 10 таджиков²⁸.

В военные училища постоянно направлялся наиболее подготовленный контингент. С июня 1941 года до 1944-го в ряды курсантов влились 42 439 представителей Казахстана, причем 8146 молодых людей были казахами²⁹.

Военно-учебные заведения округа принимали активное участие в формировании частей и соединений для фронта. Из числа курсантов училищ и школ пополнялись вновь создаваемые бригады и дивизии, укомплектовывались должности младших командиров. Так, на базе авиационной школы пилотов первоначального обучения (г. Фрунзе) к началу декабря 1941 года были сформированы четыре авиааполка. При активной помощи советских и партийных организаций Киргизии их полностью обеспечили всем необходимым, и они убыли на фронт³⁰. Из подготовленных на окружных курсах «Выстрел» офицеров более 700 из почти 3000 было направлено на должности командиров взводов и рот формируемых в САВО частей³¹.

Командование и политуправление Среднеазиатского военного округа, опираясь на помочь местных партийных комитетов и советских органов, в срочном порядке организовали обучение кадров политработников и подготовку политбойцов для частей и подразделений национальных формирований. В Воронежском военном училище связи (г. Самарканд) и Харьковском военно-политическом училище (г. Ташкент) обучались соответственно 183 и 200 узбеков. В проведении занятий в этих училищах наряду с офицерами политуправления и штаба округа активно участвовали работники Самаркандинского и Ташкентского обкомов партии. В результате 40 человек закончили Воронежское училище, имея по всем предметам отличные оценки, а 97 воинам-узбекам при выпуске была объявлена благодарность за добросовестную учебу и примерное поведение³².

²⁶ Пархархив Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма (ПА ТФ ИМЛ), ф. 1, оп. 22, д. 33, л. 6; Терентьев А. В. Во имя жизни на земле.— Ашхабад, 1985.— С. 152.

²⁷ ПА ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 22, д. 33, л. 6.

²⁸ ПА Тадж. Ф. ИМЛ, ф. 3, оп. 12829, д. 49, л. 355.

²⁹ ЦАМО, ф. 158, оп. 12829, д. 49, л. 355.

³⁰ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 350, оп. 14, д. 130, л. 516.

³¹ ЦАМО, ф. 158, оп. 12819, д. 152, лл. 18, 32, 71, 119, 165

³² Там же, ф. 32, оп. 11289, д. 122, лл. 76—77; д. 170, л. 45

Приказом командующего войсками САВО в семи военных гарнизонах, в том числе в столицах среднеазиатских республик, были организованы десятидневные курсы для подготовки заместителей политруков в национальных частях. Обучение прошли 1290 человек, 750 из них распределили в национальные стрелковые бригады, остальные получили назначение в национальные кавалерийские дивизии³³. Это были коммунисты и комсомольцы, направленные местными партийными комитетами.

Вооруженные Силы СССР, многонациональные по составу, в годы войны еще в больших масштабах стали пополняться воинами нерусских национальностей. Так, в мае 1942 года в действующих фронтах и на флотах воины из советских республик составляли 5,5 млн. человек, в том числе 1,2 млн. грузин, азербайджанцев, армян, узбеков, казахов, киргизов³⁴. По решению ЦК ВКП(б) Главное политическое управление РККА значительно увеличило подготовку политработников из нерусских национальностей.

Центральные комитеты компартий республик Средней Азии и Казахстана совместно с политическим управлением округа отобрали наиболее подготовленных коммунистов для политработы в войсках. В числе направленных Каракалпакским обкомом партии в сентябре 1942 года в военно-политические училища были секретари райкомов партии и заведующие отделами, работники политотделов МТС, райисполкомов и областных идеологических учреждений, среди них — Х. Примбетов, закончивший в 1936 году Среднеазиатский государственный университет, опытный журналист, редактор газеты «Қызыл-Каракалпакстан», М. Калимбетов и Т. Тлегенов — секретари Каракалпакского областного комитета ЛКСМ Узбекистана³⁵. Из Казахской ССР в феврале 1942 года на учебу были направлены 214 политработников запаса, в том числе 20 человек — в Военно-педагогический институт, 120 человек — в Харьковское и Брянское военно-политические училища³⁶.

В период формирования национальных кавалерийских дивизий и стрелковых бригад в республиках Средней Азии и Казахстане (ноябрь 1941 г. — февраль 1942 г.) в вузах округа прошло переподготовку немало командиров и политработников, обучались заместители политруков для этих национальных соединений. Например, к началу 1942 года в Ташкентском кавалерийском (г. Чирчик) и Военно-политическом (г. Ленинабад) училищах занимались 125 коммунистов и комсомольцев, направленных ЦК КП(б) Таджикистана³⁷, а из Узбекской ССР — 525 человек, которые в последующем были направлены на укомплектование национальных дивизий и бригад³⁸. Более 500 человек из числа комсомольского актива Узбекистана прошли подготовку в училищах и школах округа и стали заместителями политруков в национальных частях³⁹. Значительную помощь партийным комитетам оказали военные вузы округа в обучении и переподготовке офицеров запаса, в пропаганде военных знаний среди населения, в работе с призывниками. На базе военных академий, училищ и школ местные партийные, советские и военные органы проводили сборы и специальные занятия с офицерами запаса, другие мероприятия по обучению военнообязанных. В це-

³³ ПА Каз. Ф ИМЛ, ф. 708, оп. 5, д. 1125, лл. 8, 21.

³⁴ Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. — М.: Политиздат, 1987. — С. 308.

³⁵ ПА Уз. Ф ИМЛ, ф. 58, оп. 18, д. 178, л. 199; д. 251, лл. 85—88.

³⁶ ЦАМО, ф. 32, оп. 11289, д. 177, л. 100.

³⁷ ПА Тадж. Ф ИМЛ, ф. 3, оп. 125, д. 176, лл. 196 — 197.

³⁸ ЦАМО, ф. 158, оп. 12819, д. 170, лл. 44 — 45, 76 — 77, 188 — 189.

³⁹ ПА Уз. Ф ИМЛ, ф. 15, оп. 24, д. 3978, лл. 17—145.

лях подготовки руководящих работников республики, к примеру, решением ЦК КП(б) Узбекистана в декабре 1942 года в Военной академии имени М. В. Фрунзе были созданы полуторамесячные курсы. В них опытные преподаватели обучили 130 человек из состава партийных, советских и хозяйственных кадров.

На территории САВО в годы войны имелось 55 военных училищ, школ и курсов. Кроме них, по решению Советского правительства в декабре 1943 года в Ташкенте открыто суворовское училище, рассчитанное на 700 воспитанников.

Личный состав военно-учебных заведений напряженную учебу сочетал с активным участием в общественно-политической и хозяйственной жизни Среднеазиатских республик. Командиры, политработники, профессорско-преподавательский состав, слушатели и курсанты военных академий и училищ регулярно выступали перед трудящимися, а также в воинских частях и госпиталях с лекциями и докладами на военно-политические темы, проводили занятия по военно-патриотическому воспитанию молодежи. В период нахождения в Ташкенте агитационно-пропагандистскими коллективами академий имени М. В. Фрунзе и бронетанковых войск проведено 1600 докладов и лекций, на которых присутствовало свыше 260 тыс. человек⁴⁰.

Слушатели Военной академии механизации и моторизации РККА производственную практику прошли на машинно-тракторных станциях Узбекистана. Дирекции и политические отделы Аккурганской и 2-й Сырдарьинской МТС дали прекрасные отзывы о работе офицеров-танкистов на колхозных полях. Директор Хавастской МТС, в частности, писал: «...воентехники, прибывшие из академии, отлично наладили уход за тракторами. В результате 60 тракторов находятся в хорошем состоянии и готовы к работе»⁴¹.

В рапорте на имя Председателя Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР начальник военного факультета Московского института связи генерал-майор войск связи А. Карапулов отмечал активную помощь слушателей и сотрудников факультета под руководством доктора технических наук генерал-майора технических войск И. Г. Кляцкина в успешном выполнении правительственного задания. 16 человек из этой группы были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР⁴².

Таким образом, сложная обстановка на фронтах и в тылу в начале войны, хотя и нарушила плановую работу военно-учебных заведений, но не могла ее приостановить. Большая организаторская деятельность командования округа, партийных и советских органов Среднеазиатских республик и Казахстана способствовала непрерывному обеспечению пополнения действующей армии офицерами различных специальностей. Более того, учебный процесс постоянно совершенствовался, в результате чего армия и флот получали высококвалифицированные офицерские кадры. Тысячи командиров и политработников, выпускников военно-учебных заведений, дислоцированных в Среднеазиатском военном округе, проявили в боях высокие организаторские способности, политическую зрелость, профессиональное мастерство и беззаветную преданность Советской Родине, внесли достойный вклад в победу над немецко-фашистскими захватчиками.

⁴⁰ Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны. — Т. 2. — Ташкент, 1983. — С. 180 — 181.

⁴¹ ЦАМО, ф. 158, оп. 12819, д. 154, лл. 48 — 49.

⁴² ЦГА Уз. ССР, ф. 837, оп. 27, д. 239, л. 189.

РАЗМЫШЛЕНИЯ о судьбе полководца*

(Записки военного историка)

Генерал-лейтенант Н. Г. ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук, профессор

ПОЧТИ десять лет писал Георгий Константинович Жуков свой труд, но завершить его так, как он замышлял, не удалось. Пять последних лет работы полководца над мемуарами совпали с развертыванием кампании по «ликвидации перекосов в борьбе с культом личности» (вторая половина 60-х годов). Поэтому из рукописи вопреки авторской позиции выбрасывались многие критические мысли, связанные с деятельностью И. В. Сталина, репрессиями, недостатками и просчетами в войне и т. д.

Еще до выхода в свет мемуаров Г. К. Жукова у руководства на Старой площади были разные точки зрения на труд полководца. Например, член Политбюро ЦК КПСС А. М. Суслов, ведавший в те годы идеологией, считал, что никакими купюрами изменить содержание книги Г. К. Жукова нельзя. Ее лучше не издавать совсем. Других взглядов придерживался Л. И. Брежnev. Он в конечном итоге и дал разрешение на публикацию. Но раньше, чем это произошло, над ней довольно основательно «потрудились» две группы доработчиков (из Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота и из Военно-научного управления Генштаба). Общий контроль за их деятельностью осуществлял один из ближайших соратников Л. И. Брежнева — С. П. Трапезников.

По свидетельству редактора мемуаров Г. К. Жукова А. Д. Миркиной, его труд после доработчиков понес невосполнимые потери: «К ним относится прежде всего написанная Г. К. Жуковым глава о репрессиях 37-го года по отношению к высшему комсоставу Красной Армии. Блестящая характеристика, данная Г. К. Жуковым талантливейшим советским полководцам — М. Н. Тухачевскому, И. П. Уборевичу, И. Э. Якиру, А. И. Егорову, В. К. Блюхеру и многим другим... его личные впечатления от общения с этими военачальниками, с которых он брал пример и у которых учился военной стратегии и тактике... Главу эту отстоять не удалось»¹.

Далее указывается, что под влиянием времени (развертывавшейся кампании по преодолению перекосов в борьбе с культом личности И. В. Сталина) смешались акценты и при характеристике И. В. Сталина, и при оценке степени нашей подготовленности к войне, а также в ряде других моментов.

У Жукова была своя точка зрения на содержание мемуаров. Он считал, что в них должны быть освещены его дела, его мысли и те со-

* Продолжение. См. Военно-исторический журнал.— 1988.— № 10.

¹ Огонек. — 1988. — № 17. — С. 15.

бытия, которые он видел или переживал. Воспоминания командующего войсками фронта, а тем более представителя Ставки, по его мнению, вряд ли уместно насыщать боевыми эпизодами, хотя часто он и не знал и не слыхал о них вообще. Искусственное насыщение мемуаров такими эпизодами не характеризует деятельности командующего фронтом, а « злоупотребление этим выглядит как ложный демократизм, ложное загрязнение»². Но доработчики действовали по-своему. В соответствии с инструкциями С. П. Трапезникова они вписывали и вычеркивали все то, что считали нужным. О выбросах говорилось выше, а вот что же добавлялось в текст мемуаров? Как потом вспоминал один из руководителей группы доработчиков М. Х. Калашник, они «устраивали» недооценку партийно-политической работы в мемуарах Г. К. Жукова. А устраивали они эту так называемую «недооценку» своеобразно: включали в текст мемуаров полководца боевые эпизоды о героизме солдат и офицеров и вписывали в его книгу фамилии политработников, многих из которых Георгий Константинович на войне даже не встречал.

Пожалуй, самым забавным фактом является предыстория появления фамилии Л. И. Брежнева в книге полководца. Вот что рассказала недавно на страницах журнала «Огонек»³ А. Д. Миркина. По ее словам, подготовленная рукопись в набор долго не посыпалась. Наконец дали понять, что Л. И. Брежnev пожелал, чтобы маршал Г. К. Жуков упомянул его в своей книге. «Но вот беда, за все годы войны они ни разу ни на одном из фронтов не встретились. Как быть? И тогда написали, — вспоминает А. Д. Миркина, — что, находясь в 18-й армии генерала К. Н. Леселидзе, маршал Жуков якобы поехал «посоветоваться» с начальником политотдела армии Л. И. Брежневым, но, к сожалению, его на месте не оказалось. «Он как раз находился на Малой земле, где шли тяжелейшие бои»⁴.

Г. К. Жуков и здесь пошел на уступки, сказав с горькой усмешкой: «Умный поймет». А для того, чтобы сей эпизод, включенный в книгу, выглядел более естественно, вписали в нее еще несколько имен начальников политотделов армий, в том числе, конечно, одного из руководителей группы доработчиков, бывшего начальника политотдела 47-й армии М. Х. Калашника.

Безусловно, доработчики в немалой степени ухудшили мемуары полководца. И мы можем сейчас только сожалеть об этом. Будем надеяться, что настанет все же такая пора, когда в свет выйдет изначальный вариант воспоминаний маршала.

Работая над мемуарами, Георгий Константинович сознавал, что от него, как бывшего начальника Генерального штаба, читатель ждет очень многое, надеясь получить наконец вразумительный ответ на вопрос, почему наша армия, обладая столь большими возможностями, проиграла сражения в приграничной зоне и вынуждена была отступать в глубь страны. Маршал Г. К. Жуков хотя и не полностью, но все же дал ответ на этот жгучий вопрос. Суть его в конечном итоге сводится к некомпетентности военного руководства. По его мнению, он лично сам не был подготовлен к выполнению обязанностей начальника Генерального штаба. Однако с его нежеланием занять эту должность никто не считался. Весьма слабо себе представляли особенности подготовки и ведения операций в начальном периоде войны нарком обороны С. К. Тимошенко и «самый великий из всех великих» И. В. Сталин.

Характер полководца, ярко проявлявшийся в ходе военных действий, в определенной степени раскрылся и в его мемуарах. В них видны критический подход к оценке событий и руководящих деятелей, само-

² Военно-исторический журнал. — 1987. — № 12. — С. 44.

³ Огонек. — 1988. — № 18. — С. 19.

⁴ Там же.

критичность, прямота и честность суждений. Пожалуй, в нашей военной мемуаристике мало трудов, которые бы по богатству содержания и самокритичности можно было бы поставить в один ряд с воспоминаниями маршала Г. К. Жукова. Ниже приводятся отдельные критические замечания полководца по важнейшим вопросам подготовки к операциям начального периода войны.

1. Отставание практики от теории. «...Военная теория тех лет, — пишет Г. К. Жуков, — выраженная в трудах, лекциях, закрепленная в уставах, в основном была, как говорится, на уровне времени. Однако практика в известной степени отставала от теории...»⁵. Отставание выразилось прежде всего в том, что военные теоретики, анализируя тенденции развития военного дела, не сумели правильно определить характер вооруженной борьбы в будущей войне и ее начального периода, обобщить опыт стратегического развертывания, раскрыть новые способы вступления армии в сражения начального периода войны. Например, считалось, что одновременный ввод в сражения главных сил действующей армии, применявшийся фашистским командованием в ряде кампаний (в Польше, в Западной Европе и на Балканах), явится типичным способом наступления в начале будущей войны. Между тем, по словам Г. К. Жукова, Наркомат обороны и Генштаб предполагали, что война между СССР и Германией начнется так же, как и первая мировая война: главные силы вступят в сражение через несколько дней после приграничных сражений⁶. Подобный взгляд повлек за собой ошибочную группировку наших сил.

2. Частая смена начальников Генерального штаба перед войной и в начале ее. Так, с лета 1940 года до лета 1941-го четырежды менялись начальники Генерального штаба (Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков, Г. К. Жуков, вновь Б. М. Шапошников). За краткое пребывание на столь сложном и ответственном посту, конечно, ни К. А. Мерецков, ни Г. К. Жуков не успели освоиться со своими обязанностями. К примеру, Г. К. Жуков находился во главе Генштаба всего четыре с половиной месяца. В тот период высшее военное руководство, в том числе и он, допустило немало крупных ошибок, а с началом военных действий их стало еще больше. Полководец справедливо указывал, что все эти ошибки являлись следствием отсутствия «у всех нас достаточного опыта руководства войсками в сложной обстановке...»⁷.

3. Недооценка обороны как вида стратегических действий. Ближайшая стратегическая цель войск наших приграничных округов состояла в том, чтобы отразить удары противника и создать благоприятные условия для ответных ударов. Следовательно, военные действия в начальном периоде войны предполагалось осуществлять как бы в два этапа: на первом — оборона, на втором — наступление. Очевидно, что, не отразив удары врага, не может идти и речи о переходе в наступление. Между тем непосредственно перед войной вопросы подготовки и ведения оборонительных действий были отодвинуты на задний план. Оборонительные действия обычно разрабатывались и изучались в оперативно-тактических рамках. О стратегической обороне, которая была нам навязана противником летом 1941 года, наше руководство и не думало. Например, на декабрьском совещании высшего командного состава в 1940 году генерал армии И. В. Тюленев сделал доклад о характере современной обороны. Но этот доклад, по замыслу Генштаба, «не выходил за рамки армейской обороны и не раскрывал специфику... стратегической обороны»⁸. Недооценка обороны в высших сферах на-

⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М.: Изд-во АПН, 1969. — С. 215.

⁶ Там же. — С. 224.

⁷ Там же. — С. 264.

⁸ Там же. — С. 190.

шего военного руководства явилась одной из причин того, что советские войска оказались неподготовленными к отражению вражеской агрессии.

4. **Научная оценка реальных фактов подменялась высказываниями «великого вождя».** По данным разведки, в начале мая 1941 года вблизи наших границ сконцентрировалось свыше 100 немецких дивизий. Причем большая часть этих сил, в том числе три танковые группы из четырех, находилась к северу от Полесья. И в последующие недели значительные контингенты немецких войск, выдвигавшихся из глубины, направлялись туда же. Эти факты свидетельствовали о том, что враг готовится к главному удару на смоленско-московском направлении. Однако реальные факты отвергались в угоду ошибочной версии И. В. Сталина, считавшего, что главный удар противник нанесет к югу от Полесья. «И. В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, — вспоминал Г. К. Жуков, — никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях»⁹. Такое положение наблюдалось и во многих других случаях. В тот период военное командование еще не смело отстаивать свои профессиональные взгляды перед «всезнающим и мудрым вождем».

5. **Слабый учет опыта немецко-фашистских армий в кампаниях в Европе.** Мощные ударные группировки немецкой армии обладали большой пробивной способностью. В силу этого вооруженная борьба потеряла прежнюю линейность и приобрела глубокий характер. Крупные танковые группировки, вторгаясь в глубокий тыл оборонявшегося противника, прерывали его коммуникации. Подобные действия противника не привлекли внимания военных руководителей нашей страны. Они игнорировали этот опыт и сочли необходимым в условиях надвигающейся войны подтянуть материально-технические средства ближе к войскам, ближе к потребителям. «Казалось бы, правильно, — писал Г. К. Жуков, — но потом выяснилось, что все мы допустили в этом вопросе ошибку»¹⁰. В результате глубокого вклинивания танковых группировок врага советские войска лишились многих материальных средств, находившихся не только на армейских и фронтовых базах, но и на складах центрального подчинения. Противник захватил запасы боевой техники, вооружения, боеприпасов, горючего, интендантского имущества, продовольствия и других материальных средств.

6. **Игнорирование изменений в обстановке.** Группировка советских войск на западных границах создавалась осенью 1940 года. В это время на территории Восточной Пруссии и Польши находилось около 50 немецких дивизий. При разработке плана исходили из следующей гипотезы: оборонительный период займет немного времени. В целях быстрейшего перехода от обороны к контраступлению в белостокском и львовском выступах, глубоко вклинившимся на запад, создавались сильные группировки. К весне 1941 года обстановка коренным образом изменилась. В Восточной Пруссии и в восточных районах Польши насчитывалось уже более 120 немецких дивизий. Темпы прибытия новых вражеских дивизий наращивались каждый день. Ожидалось также, что вскоре к нашим границам будут подтягиваться и войска сателлитов Германии.

Тем самым создавалась угрожающая обстановка для войск, находившихся в белостокском выступе. По словам Г. К. Жукова, бывшая там 10-я армия «занимала самое невыгодное расположение. Такая оперативная конфигурация войск создавала угрозу глубокого охвата и окружения их со стороны Гродно и Бреста путем удара по флангам... Это ошибочное расположение войск, допущенное в 1940 году, не было

⁹ Там же. — С. 220.

¹⁰ Там же. — С. 224.

устранено вплоть до самой войны... Аналогичная ошибка повторилась и с армиями Юго-Западного фронта, которые также с запозданием отводились из-под угрозы окружения»¹¹.

7. Самый большой наш просчет состоял в том, что военное руководство с большим опозданием отдало распоряжение о приведении войск приграничных округов в боевую готовность. Оно было доведено до войск тогда, когда практически уже ничего нельзя было сделать. В мемуарах полководца указывается, что С. К. Тимошенко и он неоднократно предлагали И. В. Сталину привести войска приграничных округов в боевую готовность. Но их предложения не принимались во внимание, вызывали раздражение. Так, в середине июня 1941 года С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков были у И. В. Сталина. На предложение привести войска приграничных округов в полную готовность он ответил: «Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и выдвинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?»¹². Конечно, приведение войск приграничных округов в боевую готовность можно было осуществить и без проведения мобилизации в стране. Тех сил, которые находились в приграничных округах, было явно мало для перехода в наступление, но их было достаточно, чтобы вместе с подходившими резервами из глубины вести оборонительные операции.

Большой бедой тех дней стало и то, что военно-политическое руководство больше верило в свою непогрешимость, чем событиям, происходившим на западных границах. В середине июня 1941 года вблизи наших границ немцы имели уже полторы сотни дивизий. Многие из них выводились на рубежи развертывания. Особенно настораживало то, что стало выселяться население из приграничной зоны, убирались заграждения, установленные ранее на границе, выкладывались боеприпасы на грунт и т. д. Эти и подобные факты, безусловно, были хорошо известны военному руководству (С. К. Тимошено и Г. К. Жукову), но оно по-прежнему продолжало ожидать указаний от И. В. Сталина.

Более глубоко и трезво оценивали создавшуюся ситуацию в округах и армиях. Там пытались даже проводить некоторые мероприятия оборонного характера. Например, в Киевском особом военном округе было принято решение занять частями укрепленных районов предполье и подготовиться к обороне. Как только об этом стало известно в Москве, из Генштаба последовала телеграмма. В ней, в частности, указывалось: «...такие действия могут спровоцировать немцев на вооруженное столкновение». Поэтому предписывалось это решение немедленно отменить¹³. Об уровне зрелости военно-политического руководства свидетельствует и тот факт, что Генеральному штабу было приказано в двухнедельный срок наметить новое сокращение штатов центрального и окружных аппаратов на 20 проц. Слухи об этом быстро распространялись в армии¹⁴. Нелепое сокращение органов управления накануне нападения противника было отменено, но не руководством, а войной.

О положении и состоянии наших войск в приграничных округах накануне войны довольно точно рассказал Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. «Просьбы некоторых командующих войсками округов, — писал он, — разрешить им привести войска в боевую готовность и выдвинуть их ближе к границе И. В. Сталиным единолично отвергались. Войска продолжали учиться по-мирному: артиллерия стрелковых дивизий была в артиллерийских лагерях и на полигонах,

¹¹ Там же. — С. 263—264.

¹² Там же. — С. 241.

¹³ Баграмян И. Х. Так начиналась война. — М.: Воениздат, 1971. — С. 76.

¹⁴ Там же. — С. 78 — 79.

зенитные средства на зенитных полигонах, саперные части в инженерных лагерях, а «голые» стрелковые полки дивизий отдельно в своих лагерях. При надвигавшейся угрозе войны эти грубейшие ошибки граничили с преступлением. Можно ли было этого избежать? Можно и должно»¹⁵.

Неспособность руководства разобраться в обстановке и его необычайная беспечность сыграли главную роль в том, что удар врага оказался внезапным для войск наших приграничных округов. Причем достичь внезапности противнику удалось не столько благодаря своему военному искусству, сколько именно крупным ошибкам и просчетам нашего стратегического руководства.

После длительных размышлений полководец высказал следующую мысль. «Если бы войска приграничных округов были заранее приведены в полную боевую готовность, — писал он в мемуарах, — можно было нанести врагу в первые же дни войны более значительный урон, дольше задержать на западных оборонительных рубежах. Все это позволило бы более организованно вводить в действие подходившие части из внутренних военных округов»¹⁶.

Можно, конечно, по-разному относиться к этому признанию. На наш взгляд, оно слишком общо и явно сглаживает пагубное влияние ошибок и просчетов нашего стратегического руководства. Иной точки зрения придерживается академик А. М. Самсонов. «Если бы не пропорты, — заявил он корреспонденту, — я не сомневаюсь, что войска вермахта, даже проникнув на нашу территорию, не дошли бы до Ленинграда и Москвы. Вот цена ошибки, которая была допущена на кануне войны»¹⁷.

Наиболее опасный характер имели те ошибки, которые совершились из-за игнорирования реальной обстановки и стремления подменить всесторонний ее анализ интуитивными и волюнтаристскими решениями. В начале войны за них пришлось платить по слишком дорогой цене. Но положение осложнялось и тем, что одни ошибки порождали другие, все новые и новые. В связи с этим нельзя не упомянуть об одной из таких ошибок, имевшей серьезные последствия.

В первые же часы войны Генштаб и штабы фронтов потеряли управление войсками. Для выяснения действительного положения дел на фронтах и оказания помощи их командованию в отпоре врагу в середине дня 22 июня на Западный фронт был командирован Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, а на Юго-Западный — генерал армии Г. К. Жуков. Прибытие их на фронты не улучшило положения, но стратегическое звено руководства Вооруженными Силами было значительно ослаблено.

Наши войска, застигнутые врасплох, не сумели в первый день войны отразить сильные удары врага и вынуждены были начать отход. К исходу 22 июня к северу от Полесья противник продвинулся на 30—35 км, а местами на 50 км. Между тем в сводке Генштаба на 22 часа первого дня войны указывалось, что продвижение врага незначительное, что «с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника»¹⁸. Сведения, приведенные в ней, не соответствовали действительности.

На основе неправильной оценки обстановки в 21 ч 15 мин 22 июня нарком обороны подписал директиву № 3 о переходе наших войск в решительное контрнаступление с целью разгрома ударных группиро-

¹⁵ Военно-исторический журнал. — 1961. — № 6. — С. 6 — 7.

¹⁶ Жуков Г. К. Указ. соч. — С. 411 — 412.

¹⁷ Аргументы и факты. — 1987. — № 10. — 14 — 20 марта.

¹⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945.

— Т. 2. — М.: Воениздат, 1963. — С. 29.

вок врага и переноса военных действий на его территорию. 24 июня к исходу дня советским войскам надлежало овладеть районами Сувалок и Люблина. Задача была, конечно, нереальной: за двое суток невозможно создать даже ударных группировок, не говоря уже о чем-либо другом. Как и следовало ожидать, контрнаступления не получилось. Разрозненные удары отдельных соединений вскоре заглохли. К ночи 24 июня вместо переноса военных действий на территорию противника наши войска отошли на расстояние от 50 до 100 км.

Как известно, директива № 3 о контрнаступлении советских войск подписана Г. К. Жуковым. Но это не помешало полководцу отметить ее порочность. «Ставя задачу на контрнаступление, — писал он, — Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знал обстановки и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы»¹⁹. В сложившихся условиях обстановки к исходу 22 июня наиболее целесообразным способом действий, по его мнению, были «контрудары мехкорпусов против клиньев бронетанковых группировок противника»²⁰. Однако в то время стратегическое руководство больше полагалось на интуицию, оказавшуюся беспочвенной, и страдало гигантоманией.

Естественно, возникает вопрос, как же С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков, являвшиеся военными специалистами высокого класса, могли подписать такую директиву. Ответ на него дают переговоры по телефону Г. К. Жукова, находившегося в войсках Юго-Западного фронта, с генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутином, заменившим его в Генеральном штабе. Вечером 22 июня 1941 года Н. Ф. Ватутин сообщил Г. К. Жукову о том, что требуется его подпись под директивой о переходе в контрнаступление. Г. К. Жуков ответил на это: «Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары... Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение». Н. Ф. Ватутин возразил: «Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное». Г. К. Жукову не оставалось никакого выбора. И он сказал: «Хорошо, ставьте мою подпись»²¹.

Советское Верховное Главнокомандование не сразу избавилось от тех болезней, которыми страдало в первые дни войны. Наблюдались еще рецидивы игнорирования реальной обстановки, отсутствовал учет возможностей войск, тщательные расчеты подменялись требованиями о непрерывности наступательных действий любой ценой. Следствием всего указанного явились огромные потери в личном составе, дезорганизация войск, но с этим не считались.

Порочность стиля стратегического руководства проявлялась также в стремлении к чрезмерной централизации управления войсками. В начале войны, когда управление ими не отличалось устойчивостью, возрастало значение инициативных действий командования фронтов и армий. Но часто эта инициатива глушилась в зародыше. Например, после напряженных боев, продолжавшихся неделю, командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник М. П. Кирпонос принял решение: «Стрелковым корпусам временно занять оборону по линии рек Стоход, Стырь и населенных пунктов Кременец, Золочев. Механизированные корпуса отвести за этот рубеж. За три-четыре дня подготовить мощный контрудар с целью уничтожения вторгшихся на луцком и дубненском направлениях войск противника»²². И буквально

¹⁹ Жуков Г. К. — Указ. соч. — С. 264.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. — С. 251.

²² Баграмян И. Х. — Указ. соч. — С. 140.

через несколько часов из Москвы передали: «...Ставка запретила отход и требует продолжать контрудар. Ни дня не давать покоя агрессору...»²³.

Анализ обстановки тех дней на Юго-Западном фронте свидетельствует о том, что решение М. П. Кирпоноса было целесообразным. Что касается стратегического руководства, то оно в то время было одержимо идеей наступательных действий и пренебрегало обороной. Требуя от войск высокой активности, оно надеялось, что из этого что-нибудь да получится. Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский назвал такую активность «игрой в поддавки».

Во время встреч с Г. К. Жуковым неоднократно поднимались вопросы о начальном периоде войны. Он отвечал на них примерно так же, как написал потом в мемуарах. Правда, в беседах маршал проявлял большую откровенность и самокритичность. Самая длительная беседа с полководцем по вопросам начального периода состоялась у нас летом 1966 года. Тогда редакция «Военно-исторического журнала» решила опубликовать к 70-летию Георгия Константиновича статью. Первоначальный вариант ее надлежало подготовить заместителю главного редактора журнала полковнику В. М. Кравцову и начальнику отдела редакции полковнику Н. А. Светлинину. И вот мы вместе с полковником В. М. Кравцовым у Георгия Константиновича.

Беседа наша проходила в большом, но основательно запущенном саду, окружавшем его особняк в Сосновке. После уточнения некоторых биографических данных мы перешли к рассмотрению вопросов начального периода войны. Беседа началась с того, что мы привели маршалу некоторые данные о количестве произведенной боевой техники за два с половиной предвоенных года в фашистской Германии и у нас. Причем цифры о производстве техники в СССР были взяты из его рукописи²⁴.

Согласно этим сведениям, промышленность фашистской Германии производила танков всех типов на 20—26 проц., а полевых орудий — в 2—2,5 раза меньше, чем наша. Лишь самолетов она выпустила примерно столько же²⁵.

Георгий Константинович подтвердил, что Советская страна имела больше людских ресурсов и боевой техники, чем фашистская Германия вместе со своими сателлитами. Но германские группировки превосходили советские войска по силам в приграничных округах. Это явилось следствием грубого просчета Генерального штаба и Наркомата обороны, недооценивших возможности противника²⁶. Маршал, однако, упрекнул историков за то, что те долго не могли разобраться со статистикой, указал на разнобой в цифрах в различных трудах. В то же время он считал ошибкой не видеть тех преимуществ, которые были у против-

²³ Там же. — С. 141.

²⁴ За период с начала 1939 г. до середины 1941 г. Советская Армия получила от промышленности: полевых орудий — около 30 тыс., танков всех типов — более 7 тыс. (в том числе танков КВ и Т-34 — 1860 единиц), самолетов — примерно 18 тыс. (включая 3700 самолетов новых типов). После уточнения эти цифры были помещены в мемуарах полководца (см.: Жуков Г. К. Указ. соч. — С. 205, 206, 209).

²⁵ За те же два с половиной года промышленность Германии произвела: орудий калибра 75 мм и выше — 13,5 тыс., танков — 5,5 тыс., самолетов — 17,5 тыс. (см. Промышленность Германии в период войны 1939 — 1945. — М.: Изд-во иностр. лит., 1956. — С. 106, 270; Вторая мировая война 1939 — 1945. — М.: Воениздат, 1958. — С. 31).

²⁶ В середине 60-х годов Г. К. Жуков, да и мы, военные историки, считали, что к началу войны противник имел превосходство в силах и средствах над нашими группировками в приграничной зоне. Сейчас, в связи с новыми публикациями данных по войскам, действовавшим на юго-западном направлении, взгляд на соотношение сил коренным образом меняется. Новые данные, конечно, поблекут за собой и новые оценки.

ника. К последним Г. К. Жуков относил: обладание инициативой в действиях, качественное превосходство врага в авиации, хорошая выучка его и слаженность органов управления, а также наличие боевого опыта у всего личного состава вермахта.

В ходе беседы мы спросили Георгия Константиновича, почему историки не находят в архивах докладных записок начальника Генерального штаба И. В. Сталину о необходимости приведения войск в боевую готовность. Он сказал, что они (Г. К. Жуков и С. К. Тимошенко) подобных записок не писали, а докладывали об этом устно. И признался, что была допущена крупная ошибка, о необходимости приведения войск в боевую готовность следовало докладывать главе правительства и письменно, и устно. «Письменные документы, — сказал маршал, — нужны не только для дела и прокурора, но и для истории».

На одном из заседаний редколлегии «Военно-исторического журнала» бывший начальник Тыла Вооруженных Сил генерал армии А. В. Хрулев заявил, что Г. К. Жуков, будучи начальником Генштаба, недооценивал значение службы тыла в современной войне, что это являлось одной из главных причин полной его дезорганизации. По словам А. В. Хрулева, Г. К. Жуков якобы противился и реорганизации всей системы тыловой службы летом 1941 года во время отступления советских войск. Рассказав об этом Георгию Константиновичу, мы полагали, что он будет не соглашаться с суждением начальника Тыла и опровергать его. Однако наши ожидания не оправдались. Полководец заметил: «В этом вопросе Андрей Васильевич прав». И дал объяснение: до июня 1941 года он не представлял себе гигантские масштабы и необычайную сложность Тыла в современной войне; с этой проблемой ознакомился по-настоящему лишь в ее ходе. А касаясь причин освобождения его с поста начальника Генерального штаба, заметил, что, возможно, И. В. Stalin при решении этого вопроса имел в виду не только разногласия по поводу возможности обороны Киева, но и реорганизации Тыла.

Таким образом, оценивая мысли Г. К. Жукова о подготовке и ведении операций начального периода войны, мы можем сказать, что они значительно приблизили нас к пониманию главных причин наших неудач в тот период. Крупные ошибки, допущенные нашим стратегическим руководством, позволили противнику создать превосходящие группировки войск, обеспечить внезапность их ударов и нанести крупные поражения советским войскам, находившимся в приграничной зоне.

(Окончание следует)

Дискуссии и обсуждения

КУДА ДЕЛИСЬ ТАНКИ?

(Материалы и документы)

*Полковник В. П. КРИКУНОВ,
редактор по проблемам истории стратегии
и оперативного искусства*

В СВЯЗИ с проводимой на страницах журнала дискуссией по начальному периоду Великой Отечественной войны редакция получает много писем от читателей. В них высказываются замечания и пожелания по публикуемым материалам. В частности, председатель совета военно-научного общества при Николаевском гарнизонном Доме офицеров **П. Мущинский** пишет: «Членов нашей военно-исторической секции не удовлетворила статья Ю. Г. Перечнева о событиях 1941 года. Статья, по нашему мнению, лишена конкретики...»

И. Н. Гапоненко (г. Клин Московской области) отмечает: «К сожалению, он (Ю. Г. Перечнев.— В. К.) затронул массу вопросов, но ...сам лишь повторил уже давно известные истины».

С претензиями к военным историкам по рассматриваемой проблеме обратился **В. В. Каминский** (г. Борисов Минской области): «Сколько можно делать секрет из того, что без особых проблем можно вычислить? Я имею в виду данные о состоянии нашей армии на западе накануне войны. Статьи о начальном периоде войны в № 4 и 5, увы, не отошли от этой «традиции».

Майор А. Я. Волосник (г. Щучин Гродненской области) не согласен с автором статьи (в № 6 журнала «Помнить уроки истории. Всемерно укреплять боевую готовность». — В. К.), что начальный период войны для советских людей был просто «тяжелым». «Начальный период войны — это народная трагедия. Погибли миллионы людей, была оккупирована значительная часть советской территории, на которой оккупанты творили свои злодеяния и зверства... Тяжелым он был для тех, кто своими «ошибками» создавал предпосылки этой трагедии».

О. Т. Савченко (г. Витебск), **А. Т. Сафонов** (г. Москва), **И. П. Певнев** (г. Вильнюс), **В. М. Поденный** (г. Винница) и многие другие читатели журнала спрашивают, куда делись тысячи танков механизированных корпусов приграничных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны.

Отвечая на эти и другие вопросы наших читателей, мы публикуем отчеты о боевых действиях некоторых механизированных корпусов и танковых дивизий западных военных округов в приграничных сражениях. Отдельные данные взяты и из других архивных документов.

Почти до конца 1939 года в составе бронетанковых войск Красной Армии имелись танковые корпуса, состоявшие из двух танковых и моторизованной бригад (по штату до 500 танков). Однако в результате неправильных выводов из опыта войны в Испании и освободительных походов советских войск в западные районы Белоруссии и Украины решением Главного военного совета от 21 ноября 1939 года эти корпуса были расформированы.

Начавшаяся вторая мировая война показала ошибочность такого решения. Поэтому 9 июня 1940 года нарком обороны утвердил план

формирования новых механизированных корпусов. Согласно ему к концу года создавалось 9 межкорпусов. В феврале—марте 1941-го началось формирование еще 20 в составе двух танковых и моторизованной дивизий со штатной численностью 1031 танк каждый. Это повлекло за собой новую ошибку: не было учтено наличие и возможное поступление боевых машин, ремонтных средств, технических и командных кадров. К началу Великой Отечественной войны в западных приграничных военных округах числилось 20 механизированных корпусов. В их составе имелось около 10 150 танков разных марок, из них 1475 типа КВ и Т-34. Ряд корпусов (9, 11, 13, 18, 19, 24 мк) насчитывали от 220 до 295 танков, в основном старых марок (КВ и Т-34 только 31 и 11 соответственно в 11 и 19 мк). А 17-й и 20-й механизированные корпуса из-за малого количества машин (соответственно 36 и 93) вообще не являли собой механизированные соединения¹. Например, в докладе начальнику Главного автобронетанкового управления (ГАБТУ) Советской Армии генерал-лейтенанту танковых войск Я. Н. Федоренко о боевых действиях 17-го механизированного корпуса (командир генерал-майор М. П. Петров) отмечалось: «На 22.6.41 г. в составе корпуса было только 36 танков, автомашин грузовых — 480... Наличное количество машин принадлежало к учебному парку. Это обусловило использование танковых дивизий как стрелковых, причем недостаточное насыщение средствами ПТО, автоматическим и стрелковым оружием делало их неполноценными и как стрелковые.

Отсутствие транспорта и средств связи затрудняло передвижение частей и управление ими.

Все же корпус в течение месяца, отходя, вел непрерывные бои с межчастями противника»².

Как видно из вышеизложенного, мало было танков типа КВ и Т-34. Это объясняется прежде всего тем, что они приняты на вооружение в декабре 1939 года. И естественно, промышленность не могла в короткий срок выпускать их в достаточном количестве. На вооружении продолжали оставаться танки устаревших марок типа БТ и Т-26, имевшие запас хода 40—150 моточасов, что не обеспечивало ведения продолжительных боевых действий. Кроме того, к началу войны 29 проц. из них требовало капитального и 44 проц. — среднего ремонта³. Большой недостаток ощущался в автотранспорте и тракторах. Общая укомплектованность ими составляла соответственно около 39 и 44 проц.⁴.

Надо отметить и то, что в формируемые корпуса командиры прибыли в основном из кавалерийских и пехотных частей и не имели навыков руководства танковыми частями и подразделениями. В отчете командира 9-го механизированного корпуса генерал-майора К. К. Рокоссовского о боевой подготовке корпуса за зимний период обучения 1940/41 учебного года подчеркивалось: «У командно-начальствующего состава еще нет твердого навыка и умения командовать своей частью (подразделением), так как в большинстве своем командиры на своих должностях работали мало, приобрести опыт за короткий срок (февраль — март) (1941 г.— В. К.) и научиться они не успели»⁵. Были и другие недостатки: слабая склонность штабов всех степеней, острая нехватка боеприпасов, особенно бронебойных снарядов, массовый выпуск которых еще не был наложен, и др.

¹ Подсчитано по: Военно-исторический журнал.— 1988.— № 7.— С. 45; № 8.— С. 36; ЦАМО СССР, ф. 127, оп. 12915, д. 89, лл. 39—102, 125, 129 — 138, 160 — 166; ф. 38, оп. 11360, д. 5, л. 35; д. 2, л. 3.

² ЦАМО, ф. 38, оп. 11353, д. 5, лл. 83 — 85.

³ Военно-исторический журнал.— 1964.— № 3.— С. 34.

⁴ ЦАМО, ф. 38, оп. 80030, д. 4, лл. 14 — 16.

⁵ Там же, ф. 131, оп. 454226, д. 9, л. 60.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны боеспособность механизированных корпусов западных приграничных округов в силу их слабой укомплектованности боевой техникой, автотранспортом и вспомогательными машинами, подготовленными командными кадрами и личным составом, а также вследствие необеспеченности боеприпасами была весьма ограниченной. Такое положение явилось результатом крупного просчета, выразившегося в одновременном формировании большого количества механизированных корпусов.

Имели место недочеты и в планировании боевого применения мехкорпусов. Большинство их в западных приграничных военных округах было придано общевойсковым армиям, прикрывавшим государственную границу. Так, из имевшихся в округах 20 механизированных корпусов армиям прикрытия подчинялось 11.

В соответствии с общим планом прикрытия госграницы межкорпуса, входившие в состав армий прикрытия, с началом боевых действий должны были сосредоточиться в запланированных районах в готовности к нанесению контрударов по противнику, прорвавшему оборону. Механизированным же корпусам, находившимся в подчинении фронтов, конкретных задач не ставилось. Их предполагалось использовать в зависимости от обстановки в ходе начавшихся боевых действий.

Дислокация многих механизированных корпусов не соответствовала замыслам командования. Как отмечалось в кратком оперативно-тактическом очерке боевых действий БТ и МВ Западного фронта в приграничном сражении, «13 и 14 мк были размещены в непосредственной близости от границы, а танковая дивизия, располагавшаяся в г. Бресте, оказалась под воздействием артиллерийского огня противника. Времени для выхода 13 и 14 мк в исходное положение требовалось гораздо больше, чем противнику в условиях внезапного нападения пройти от границы до района расположения этих корпусов»⁶.

В обзоре боевых действий 14-го механизированного корпуса (командир генерал-майор С. И. Оборин) указывалось: «22 июня в 4 часа 22 тд (Брест) подверглась неожиданному сильному артобстрелу, от которого уничтожена часть боевых машин, большое количество вспомогательных, уничтожен склад боеприпасов и горючего, ранено и убито до 20 проц. личного состава и семей. По тревоге 22 и 30 тд выходят в район сбора. Штаб корпуса имел потери в личном составе, без батальона связи (уничтожен) вышел на КП. Сосредоточение в районе сбора проходило под сильным воздействием авиации противника. К исходу 22 июня танковые дивизии заняли оборону на рубеже Заверши—Шевка»⁷.

Из-за несоответствия дислокации соединений межкорпусов возникшим с началом боевых действий задачам им пришлось в первые дни войны совершать большие перегруппировки. Это обусловливалось еще и незнанием командующими и штабами фронтов и армий реальной обстановки, принятием ими решений, не соответствовавших сложившемуся положению в их полосах обороны (док. 1). Командир 8-го механизированного корпуса генерал-лейтенант Д. И. Рябышев писал: «В период... с 22 по 26 июня 1941 года корпус, совершая напряженные «сверхфорсированные» марши без соблюдения элементарных уставных требований обслуживания матчасти и отдыха личного состава, был подведен к полю боя, имея до 500 км пробега боевой материальной части. В результате этого количественный состав боевых машин был выведен из строя по техническим причинам на 40—50 проц. (это усугублялось тем, что к началу войны старая боевая матчасть израсходо-

⁶ Там же, ф. 15, оп. 977444, д. 58, л. 2.

⁷ Там же, ф. 38, оп. 11360, д. 5, л. 21.

вала запас моторесурсов на 50 проц.). Указанные 40—50 проц. материальной части были оставлены на маршрутах движения дивизий. Оставшаяся материальная часть вследствие таких скоростных маршей оказалась для боя неподготовленной в техническом отношении.

Несоблюдение элементарных уставных норм в организации и проведении маршей явилось главной причиной потери боеспособности боевой материальной части». К этому он добавил: «Отсутствие службы регулирования со стороны фронта и армии на важнейших оперативных магистралях приводило к беспорядочному передвижению войск, созданию «пробок», огромному количеству аварий и несчастных случаев, а также к бесполезной затрате времени на передвижение войск, что вело в результате к несвоевременному выполнению приказов»⁸.

В донесении о ходе боевых действий 37-й танковой дивизии (командир полковник Ф. Г. Аникушкин) 15-го механизированного корпуса указывалось: «В течение всего периода дивизия находилась в условиях постоянного движения, совершая продолжительные по времени и расстоянию марши без остановок для приведения в порядок личного состава и матчасти. В результате части дивизии за короткий промежуток времени (10—12 дней) в большинстве ночными маршрутами прошли расстояние свыше 1500 км. Отсутствие времени на восстановление матчасти приводило к резкому количественному сокращению танков по причине их технического состояния»⁹.

Следует учитывать и то, что марши соединений осуществлялись в условиях превосходства врага в воздухе. Танковые и механизированные части несли большие потери от непрерывных ударов авиации противника и выходили в исходные районы ослабленными.

В кратком оперативно-тактическом очерке боевых действий БТ и МВ Западного фронта с 22 июня по 13 июля 1941 года отмечалось: «14 мк в течение трех дней выведен из строя по причине неполной готовности, недостаточно умелых действий, отсутствия поддержки авиации, отсутствия противотанковых и зенитных средств, слабого взаимодействия с пехотой, плохой организации тыла и обеспечения, а также внезапности нападения противника и сильного воздействия его авиации»¹⁰.

Были и другие причины потери танков. Например, генерал-майор танковых войск А. В. Борзиков (начальник управления боевой подготовки ГАБТУ СА) докладывал: «Корпуса (5-й и 7-й механизированные.— В. К.) дерутся хорошо, плохо только то, что штабы малооперативны и неповоротливы, и еще плохо, что много машин достаются противнику из-за неисправности пустяшной. Организовывать ремонт, эвакуацию не умеют ни дивизия, ни межкорпус, ни армия, ни фронт. Нет запчастей, нет резины, снабжают плохо. У межкорпусов нет авиации, а отсюда они слепы, подчас бьют по пустому месту и отсутствует связь между ними. Потери у 5 и 7 большие. Сейчас 5 у Орши и 7 у Витебска и юго-западнее, будут действовать во взаимодействии с пехотой. Противник применяет поливку зажигательной смеси... танки горят. Самые большие потери от авиации. Потеряно 50 проц. матчасти и большая часть танков требует уже ремонта»¹¹.

В отчете командира 8-го механизированного корпуса отмечалось: «Слабое знание тактики использования и применения мотомехчастей, а также плохое представление о технических возможностях боевой матчасти и вооружения со стороны некоторой части командно-начальствующего состава часто приводило к неверию в свои силы, иногда к

⁸ Там же, д. 2, лл. 105, 106.

⁹ Там же, л. 94.

¹⁰ Там же, ф. 15, оп. 977444, д. 58, л. 12.

¹¹ Там же, ф. 38, оп. 11353, д. 5, л. 11.

напрасному отходу и неэффективному ведению боя»¹². Кроме того, не предоставлялось времени на организацию боевых действий. Об этом говорится в докладе командования 37-й танковой дивизии. «Несмотря на трудные условия действий в лесисто-болотистом районе, к тому же при отсутствии пехоты, саперов и артиллерии дивизия не имела хотя бы минимум времени для организации наступления. Так, приказ № 07/оп штакора 15, в котором дивизии ставилась задача 28 июня 1941 года форсировать реку Стырь у Бородуляки и м. Станиславчик и наступать в направлении местечко Берестечко, был подписан в 4 ч 30 мин 27 июня 41 года, а в дивизии получен только в 8 часов 28 июня, т. е. с опозданием более чем на сутки. Это положение привело к тому, что дивизия, не имея времени, не могла организовать взаимодействие не только с соседом, наступавшим слева, но и достаточно хорошо взаимодействовать между частями дивизии»¹³. Более подробно об этом отмечено в выводах по использованию и боевым действиям 15-го и 8-го механизированных корпусов (док. 2, 3).

Потери танков в механизированных корпусах в приграничном сражении были связаны также с неудовлетворительной работой войскового и оперативного тыла. С первого же дня войны была нарушена система снабжения войск материальными средствами, особенно боеприпасами и горюче-смазочными материалами. Обеспечение боевых действий танковых частей и соединений осуществлялось за счет возимых запасов, имевшихся на их складах. Однако в связи с нехваткой тары под горючее и неукомплектованностью автотранспортом взятых возимых запасов оказалось недостаточно, и межкорпуса уже на второй-третий день боевых действий начали испытывать затруднения с боеприпасами и горючим.

Из-за низкой укомплектованности ремонтных подразделений личным составом и эвакосредствами, а также слабой организации технического обслуживания боевой техники межкорпуса в ходе боевых действий имели большие потери в танках из-за технических неисправностей.

Анализ многочисленных документов, представленных в ГАБТУ Советской Армии, дает нам исчерпывающую картину потерь бронетанковой техники, которая ярко выражена в сводных ведомостях 8-й танковой дивизии (командир полковник П. С. Фотченков) 4-го механизированного корпуса (табл. 1) и 10-й танковой дивизии (командир генерал-майор С. Я. Огурцов) 15-го механизированного корпуса (табл. 2).

Как видно из таблиц, большие потери танков произошли по вышеизложенным причинам, а также из-за того, что оставлены и уничтожены экипажами при отходе на восток. Можно ли судить по ним о потерях во всех механизированных корпусах западных приграничных округов (фронтов)? Нам думается, можно. Ведь только в начальном периоде Великой Отечественной войны, например, Юго-Западный фронт потерял из 4201 танка, имевшегося на 22 июня в его составе, 2648 единиц¹⁴.

Как докладывал в августе 1941 года начальник АБТУ Западного фронта полковник Ивакин, на территории Западной Белоруссии только 6, 11, 13 и 14-й механизированные корпуса оставили по различным причинам около 2100 танков (100 проц.), в том числе 383 КВ и Т-34¹⁵.

Наиболее подробно обо всех недочетах в применении механизированных корпусов в начальный период войны, приведших к огромным потерям танков, высказал в докладе генерал-майор танковых войск В. Т. Вольский (док. 4).

¹² Там же, оп. 11360, д. 2, л. 106.

¹³ Там же, л. 94.

¹⁴ Военно-исторический журнал.— 1988.— № 8.— С. 36, 38.

¹⁵ ЦАМО, ф. 38, оп. 11353, д. 5, л. 139.

Таблица 1

**Сведения о наличии боевых машин в 8 тд на 22 июня и их потери
к 1 августа 1941 года***

Марка машин	Состояло на 22.6 1941 г.	Подбито в бою	Пропало без вести	Завязло в болотах	Отработало мото-часы	Оставлено и уничтожено экипажем	Эвакуировано на завод	Прочие невыясн. причины
КВ	50	13	—	2	3	25	5	—
Т-34	140	54	8	2	—	31	32	10
Т-28	68	10	—	—	—	26	—	1
БТ-7	31	2	1	1	—	12	3	1
Т-26	36	6	1	1	—	13	5	—
БА-10	57	7	—	—	—	14	5	13

* ЦАМО, ф. 38, оп. 11360, д. 5, лл. 153, 156.

Таблица 2

**Сведения о наличии боевых машин в 10 тд на 22 июня и их потери
к 1 августа 1941 года****

Марка машин	Состояло на 22.6 1941 г.	Вышло по боевой тревоге	Подбито в бою	Пропало без вести	Оставлено при отходе по различным причинам
КВ	63	63	22	—	34
Т-34	38	37	23	—	9
Т-28	61	44	4	3	37
БТ-7	181	147	54	—	46
Т-26	22	19	7	3	14
Бронемашины	83	72	24	—	27

** ЦАМО, ф. 38, оп. 11360, д. 2, лл. 46, 64.

Документ 1

ДОКЛАД
командира 7-й танковой дивизии 6-го механизированного
корпуса генерал-майора танковых войск Борзилова Семена
Васильевича о состоянии и действиях 7 тд
(В ГАБТУ СА поступил 4 августа 1941 года)

1. На 22 июня 1941 года дивизия была укомплектована в личном составе: рядовыми на 98 проц., младшим начсоставом на 60 проц. и командным составом на 80 проц.

Материальной частью: КВ — 51, Т-34 — 150, БТ-5-7 — 125, Т-26 — 42 единицы.

2. Обеспеченность дивизии боевым имуществом: снарядов 76-мм — 1 бк, бронебойных снарядов 76-мм — не было, снарядов 45-мм — 1,5 бк, патронов всех марок — 1,25 бк, бензина Б-70 и КБ-70 — 3 заправки, дизельного топлива — 1 заправка.

3. На 22 июня части дивизии продолжали выполнять план боевой подготовки и дислоцировались: 7 озад — на сборах Крупки (за Минском). Станковые и ручные пулеметы 7 мсп на сборах в районе Кнышен, 2-й батальон 13-го полка на стрельбище Зеленое. Остальные части дивизии находились в основном районе дислокации м. Хорош, Ново-

селки и Жолтки, готовились к учению на 23 июня 1941 года, которое должно было проводиться штабом армии. О предполагаемом нападении германской армии мне не было известно, хотя части дивизии были готовы к бою.

4. 20 июня 1941 года командиром корпуса было проведено совещание с командирами дивизий, на котором была поставлена задача о повышении боевой готовности, т. е. было приказано окончательно снаряжать снаряды и магазины, вложить в танки, усилить охрану парков и складов, проверить еще раз районы сборов частей по боевой тревоге, установить радиосвязь со штабом корпуса, причем командир корпуса предупредил, чтобы эти мероприятия проводить без шумихи, никому об этом не говорить, учебу продолжать по плану. Все эти указания были выполнены в срок.

5. 22 июня в 2 часа был получен пароль через делегата связи о боевой тревоге со вскрытием «красного пакета». Через 10 минут частям дивизии была объявлена боевая тревога и в 4 ч 30 мин части дивизии сосредоточились на сборном пункте по боевой тревоге. В 4 часа авиация противника бомбила Белосток, м. Хорош и Новоселки, но части дивизии не были подвержены бомбардировке, кроме остатков 13 тп. Потери: 26 чел. раненых и 4 убитых, материальная часть не пострадала.

6. Боевые действия 7 тд. 22 июня 1941 года по приказу командира корпуса дивизия вела разведку разведывательным батальоном по Варшавскому шоссе на запад. Разведка работала хорошо. Кроме этого, она имела задачу восстановить связь с частями 1 ск.

Первый день войны дивизия больше задач не имела до 22 часов.

7. В 22 часа 22 июня дивизия получила приказ о переходе в новый район сосредоточения — ст. Валпа (вост. Белостока) и последующую задачу: уничтожить танковую дивизию, прорвавшуюся в районе Белостока.

Дивизия, выполняя приказ, столкнулась с созданными на всех дорогах пробками из-за беспорядочного отступления тылов армии из Белостока (дорожная служба не была налажена). Дивизия, находясь на марше и в районе сосредоточения с 4 до 9 часов и с 11 до 14 часов 23 июня, все время находилась под ударами авиации противника.

За период марша и нахождения в районе сосредоточения до 14 часов дивизия имела потери: подбито танков — 63, разбиты все тылы полков, в особенности пострадал тыл 13-го полка.

8. Танковой дивизии противника не оказалось в районе Бельска, благодаря чему дивизия не была использована. Поступили новые сведения: танковая дивизия противника прорвалась между Гродно и Сокулка. В 14 часов 23 июня дивизия получила новую задачу — двигаться в направлении Сокулка—Кузница, уничтожить прорвавшуюся тд с выходом в район сбора южнее Гродно (примерно 140 км). Выполняя задачу, дивизия в первой половине дня 24 июня сосредоточилась на рубеже для атаки южнее Сокулки и Старое Дубовое. Разведкой было установлено, что танковой дивизии противника нет, а были мелкие группы танков, взаимодействующих с пехотой и конницей.

24—25 июня дивизия, выполняя приказ командира корпуса и маршала т. Кулика, наносила удар 14 тп Старое Дубно и далее Гродно, 13 тп Кузница и далее Гродно с запада, где было уничтожено до двух батальонов пехоты и до двух артиллерийских батарей.

После выполнения задачи части дивизии сосредоточились в районе Кузница и Старое Дубовое, при этом части дивизии потеряли танков 18 штук сгоревшими и завязшими в болотах. 25—26 июня до 21 часа дивизия вела оборонительный бой во взаимодействии с 29 мсд и 36 кд, наносила удары перед фронтом 128 мсп 29 мсд и 36 кд.

9. В частях дивизии ГСМ было на исходе, заправку производить не представлялось никакой возможности из-за отсутствия тары и головных складов, правда, удалось заполучить одну заправку из сгоревших складов Кузница и м. Кринки (вообще ГСМ добывали как кто сумел). К исходу дня 25 июня был получен приказ командира корпуса на отход за р. Свислочь, но выполняли его только по особому сигналу. По предварительным данным, 4 тд 6-го мехкорпуса в ночь на 26 июня отошла за р. Свислочь, в результате чего был открыт фланг 36-й кавалерийской дивизии.

К исходу 26 июня противник, использовав резерв, перешел в наступление. В 21 час части 36 кд и 128 мсп 29 мсд беспорядочно начали отход. Мною были приняты меры для восстановления положения, но это успеха не имело. Я отдал приказ прикрывать отходящие части 29 мсд и 36 кд в районе м. Кринки, сделал вторую попытку задержать отходящие части, где удалось задержать 128 мсп, и в ночь на 27 июня переправился через р. Свислочь восточнее м. Кринки (это было начало общего беспорядочного отступления), в это время нарушалась связь со штабом корпуса. Связь удалось восстановить к исходу 27 июня на переправах у Волковыска.

Части дивизии все время от Кузницы, Сокулки и до Слонима вели бои с преследующими десантными частями противника. 29 июня в 11 часов с остатками матчасти (3 машины Т-34) и отрядом пехоты и конницы подошел в леса восточнее Слонима, где вел бой 29 и 30 июня. 30 июня в 22 часа двинулся с отрядом в леса и далее в Пинские болота по маршруту Вулька, Величковичи, Постолы, ст. Старушка, Гомель, Вязьма.

10. Материальная часть вся оставлена на территории, занятой противником от Белостока до Слонима. Оставляемая матчасть приводилась в негодность. Материальная часть оставлена по причине отсутствия ГСМ и ремфонда. Экипажи присоединялись к отступающей пехоте.

Генерал-майор танковых войск БОРЗИЛОВ (подпись)

(ЦАМО, ф. 38, оп. 11353, д. 5, лл. 51 — 54)

Документ 2

ВЫВОДЫ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ И ДЕЙСТВИЯМ 15 мк
(Из краткого обзора действий механизированных соединений
фронтов за период с 22 июня по 1 августа 1941 года)

(Составлен 28 января 1942 года.— В. К.)

Дислокация 15 мк в мирное время не обеспечивала частям корпуса одновременного сосредоточения и быстрого удара в одном направлении. Части корпуса в район сосредоточения выходили и вступали в бой неодновременно, без взаимодействия с другими частями.

Маршруты в район сосредоточения разведаны не были, в связи с чем 19 тп 10 тд застрял в болотах в районе Соколовка, Конты и опоздал на целые сутки.

15 мк действовал на широком фронте (до 70 км). Это сильно затрудняло управление и вело к запаздыванию отдачи и получения приказов и распоряжений. Решением командира корпуса 212 мсд действовала в отрыве от танковых дивизий, прикрывая район Броды, тем самым не представлялось возможности удерживать рубежи, захваченные танками. Взаимодействие родов оружия в силу этого отсутствовало, и не достигалось решительного успеха по разгрому и уничтожению противника.

Штабы фронта и 6-й армии о противнике штаб мк не информировали, данных авиаразведки за весь период действий корпус не имел.

Совершение больших маршей (за весь период около 1500 км) и непрерывных боев без осмотра и текущего ремонта материальной части привело к большим потерям по техническим неисправностям.

Частое изменение задач корпусу и доставка приказов штабов фронта и 6-й армии с большим опозданием вносили неясность, путаницу и излишнюю затрату моторесурсов. Например, 24 июня был получен приказ штаба фронта о выходе 15 мк с рубежа Колесники, Охладув, Холоюв в район юго-западнее Броды для нанесения совместного удара с 8 мк в направлении Берестечко, Дубно.

Части корпуса приступили к выполнению этого приказа и были в пути следования, а некоторые уже достигли района своего сосредоточения. 25 июня последовал приказ на обратное возвращение частей корпуса на ранее занимаемый рубеж с целью подготовки наступления в направлении Радзехув, Соколь совместно с 4 мк.

В 23 часа 26 июня получен новый приказ штаба фронта: 15 мк разгромить межгруппу противника, действующего на Дубно, нанося удар в направлении м. Лопатынь, Берестечко, Дубно.

27 июня был получен опять новый приказ, в корне меняющий задачу корпуса: отойти в район Злочувских высот. Корпус приступил к выполнению приказа, но последовал новый приказ фронта: «Невзирая ни на какие трудности и техническое состояние матчасти, корпусу 28 июня наступать в направлении м. Берестечко».

(ЦАМО, ф. 38, оп. 11360, д. 5, л. 31)

Документ 3

ВЫВОДЫ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ И ДЕЙСТВИЯМ 8 мк

(Из краткого обзора действий механизированных

соединений фронтов за период с 22 июня по 1 августа 1941 года)

(Составлен 28 января 1942 года.— В. К.)

Дислокация 8 мк в мирное время соответствовала планам развертывания и обеспечивала своевременное его развертывание для боя.

Непонятно, почему 8 мк приказом командующего 26-й армией № 002 от 17 мая 1941 года не получал самостоятельной задачи и составлял резерв армии.

22 июня 1941 года, не дав корпусу выполнить приказ 26-й армии, командующий фронтом назначает новый район сосредоточения и подчиняет корпус 6-й армии.

Командующий 6-й армией, не учитывая, что корпус совершает марш, выполняя приказ командующего войсками Юго-Западного фронта, дает новый район сосредоточения. В силу этого приказа командир 8 мк должен был поворачивать совершающие марш части в новом направлении.

24 июня командующий 6-й армией перебрасывает корпус в новый район.

26 июня приказом командующего фронтом № 0015 корпус снова перебрасывается в новый район.

Таким образом, не участвуя в боевых действиях, а совершая «сверхфорсированные» марши по замкнутому кругу, выполняя последовательно приказы командующих 26-й, 6-й армиями и фронтом, корпус прошел в среднем 495 км, оставив на дорогах за время маршей до 50 проц. имевшейся в наличии боевой материальной части, измотал оставшуюся материальную часть и водительский состав.

26 июня, выполняя приказы фронта № 0015 и 0016, командир 8 мк, не сосредоточив все части, вводит в бой свой корпус по частям, без разведки противника, не выяснив его расположение и силы. В результате этого части нарываются на сильную ПТО и болота и несут тяжелые потери, не выполнив поставленной задачи.

Действия корпуса с воздуха не прикрывались, взаимодействие в масштабе фронта организовано не было.

Нервозность высших штабов в управлении и постановке задач, обилие приказов, не увязанных один с другим, несоблюдение элементарных уставных норм в организации и проведении маршей явились главной причиной потери боеспособности корпуса и потери материальной части.

(ЦАМО, ф. 38, оп. 11360, д. 5, л. 28)

Документ 4

Заместителю народного комиссара обороны СССР
генерал-лейтенанту танковых войск т. ФЕДОRENКО
ДОКЛАД

(Составлен 5 августа 1941 года.— В. К.)

Киевский особый военный округ, впоследствии реорганизованный в Юго-Западный фронт, имел в своем составе следующие механизированные корпуса: 8 мк, 4 мк, 9 мк, 19 мк, 16 мк, 15 мк, 22 мк и 24 мк. Причем 4 и 8 мк были сформированы осенью 1940 года, остальные корпуса — в апреле 1941 года. Таким образом, времени на сколачивание было крайне недостаточно, тем более что в новых мк отсутствовала длительный период времени боевая материальная часть.

Разбирая действия мк, нельзя их отрывать от общей обстановки, сложившейся на фронте в первые дни войны. Разбирать же действия всех войск, не изучив весь материал, будет неправильно, и можно впасть в ошибку и сделать неправильные выводы, поэтому я в своем докладе остановлюсь исключительно на анализируемых мною материалах, представленных командирами корпусов и дивизий, а также на вопросах, которые мне удалось установить в личных беседах с командирами соединений и частей и, наконец, непосредственно при личном наблюдении в ходе боевых действий, в частности, 16 мк. Прихожу к выводу, что основными причинами быстрого выхода танковых частей из строя являются следующие:

1. С первого же дня войны мк были неправильно использованы, ибо они все были приданы армиям, в то время как мк, я говорю не о всех, являлись фронтовым средством, и естественно, что могли иметь место случаи переподчинения отдельным армиям одного мк, но в тех случаях, когда действительно этого требовала обстановка и это надо было делать, создавая из них ударные группы.

Если обстановка сложилась так, что командование решило отходить на линии укрепленных районов, то в этом случае необходимо их занять пехотой.

Механизированные корпуса компактно должны быть применены перед УРом, а потом их следует немедленно отвести за УР и там вновь использовать как броневой кулак. Практически же получилось, что наши части не успевали занимать УР, а противник на плечах отходящих входил в УР.

2. Все боевые действия мк проходили без тщательной разведки, некоторые части совершенно не знали, что происходит в непосредственной близости. Авиационной разведки в интересах мк совершенно не велось.

Управление мехкорпусами со стороны общевойсковых командиров было поставлено плохо, соединения были разбросаны (8 мк) и к моменту наступления были оторваны друг от друга.

Штабы армий совершенно не были подготовлены к управлению такими крупными механизированными соединениями, как мк. Пехота, как правило, действовала самостоятельно, а обстановка не позволяла организовать взаимодействия.

Имели место случаи, когда общевойсковые командиры использовали танки не только мелкими группами, но и отдельными машинами, особенно характерно это было с 41-й танковой дивизией.

3. Штабы армий совершенно забыли, что материальная часть имеет определенные моточасы, что она требует просмотра, мелкого ремонта, дополнительного пополнения горючим и боеприпасами, а технический состав и начальники АБТО армий не подсказали им этого, и вместо того, чтобы после выполнения задачи отвести мк, предоставив ему время, необходимое для этой цели, общевойсковые командиры требовали только давай и больше ничего. Не было совершенно взаимодействий с воздушными силами. Мехкорпуса совершенно не имели прикрытия как на марше, так и на поле боя, особенно плохо обстоял вопрос об одновременной обработке переднего края артиллерией и авиацией.

4. Информация сверху вниз, а также с соседями была поставлена из рук вон плохо.

Война с первого дня приняла маневренный характер, противник оказался подвижнее, главное в его действиях состоит в том, что он широко применял и применяет обходы и фланговые удары. Лобовых встреч избегал и немедленно противопоставлял подвижные противотанковые средства, располагая их главным образом в противотанковых районах, а сам действовал обходом с одного, а в большинстве обоих флангов.

Наши же действия носили характер обороны на широком фронте, и, к великому сожалению, мк также вынуждены были в отдельных случаях в начальный период боевых действий, а в последующем как система вести оборонительные бои.

Наш командный состав мало натренирован в мирное время именно к аналогичным действиям, поэтому стремится к обороне с локтевой связью с соседом, а сил было недостаточно именно для того, чтобы иметь такую оборону.

Крупнейшим недостатком было то, что приказы очень часто насливались, в них подчас конкретные задачи не ставились, а часто смена обстановки подчас приводила к тому, что штабы армий совершенно теряли управление мк.

Это все, что касается общевойсковых командиров.

Но много было недочетов, допущенных непосредственно и командирами механизированных частей и соединений. К ним относятся:

1. Штабы мк, тд и тп еще не овладели должным оперативно-тактическим кругозором. Они не смогли делать правильные выводы и полностью не понимали замысла командования армии и фронта.

2. Командный состав обладает недостаточной инициативой.

3. Не были использованы все средства подвижности, которыми обладают мехчасти.

4. Не было маневренности — была вялость, медлительность в решении задач.

5. Действия, как правило, носили характер лобовых ударов, что приводило к ненужной потере материальной части и личного состава. Это было потому, что командиры всех степеней пренебрегали разведкой.

6. Неумение организовывать боевые порядки корпуса по направлениям, прикрывать пути движения противника, а последний главным образом двигался по дорогам.

7. Не использовались средства заграждения, совершенно отсутствовало взаимодействие с инженерными войсками.

8. Не было стремления лишить противника возможности подвоза горючего, боеприпасов. Засады на главных направлениях его действий не практиковались.

9. Действия противника по флангам привели к боязни быть окруженным, тогда как танковым частям нечего бояться окружения.

10. Не использовались крупные населенные пункты для уничтожения противника и неумение действовать в них.

11. Управление, начиная от командира взвода до больших командинров, было плохое, радио использовалось плохо, скрытое управление войсками поставлено плохо, очень много тратится времени на кодирование и раскодирование.

12. Исключительно плохо поставлена подготовка экипажей в вопросах сохранения материальной части. Имели место случаи, когда экипажи оставляли машины, имеющие боеприпасы, были отдельные случаи, когда экипажи оставляли машины и сами уходили.

13. Во всех частях и соединениях отсутствовали эвакуационные средства, а имеющиеся в наличии могли бы обеспечить мк и тд только в наступательных операциях.

14. Личный состав новой техники не освоил, особенно КВ и Т-34, и совершенно не научен производству ремонта в полевых условиях. Ремонтные средства тд оказались неспособными обеспечить ремонт в таком виде боя, как отход.

15. Большой процент комначсостава задач не знал, карт не имел, что приводило к тому, что не только отдельные танки, но и целые подразделения блуждали.

16. Технических средств замыкания в мк еще в мирное время не имелось, и этому вопросу в подготовке уделялось совершенно мало внимания.

17. Существовавшая организация тылов исключительно громоздка. Помощник командира по технической части вместо работы с боевой материальной частью, как правило, оставлялся во втором эшелоне с тылами. Тылы необходимо сократить, оставив в мехкорпусе только средства подвоза горючего, боеприпасов и продовольствия.

18. Армейские сборные пункты аварийных машин, как правило, не организовывались, их работой никто не руководил. Отсутствие штатной организации эвакосредств приводило к тому, что эвакуация боевой материальной части, как правило, в армейском и фронтовом тылу отсутствовала.

19. Начальники АБТО армий выполняли функции только снабжения, да и с ними полностью не справлялись. Аппарат начальников АБТО армий очень куцый и не обеспечивает управление войсками. Подбор их был создан очень неудачно, в результате чего начальника АБТО 6-й армии отстранили от занимаемой должности, как несправившегося со своей работой.

20. Штабы оказались малоподготовленными, укомплектованы, как правило, общевойсковыми командирами, не имеющими опыта работы в танковых частях.

21. Много лиц командовало механизированными корпусами: фронт ставил задачи, армия ставила задачи, командиры ск ставили задачи. Наиболее ясно это показывает применение 41 тд 22 мк.

22. Часть командинров в мк оказалась не на должной высоте и совершенно не представляла себе управление им.

23. В высших учебных заведениях (академии) таких видов боя, с которыми пришлось встретиться, никогда не прорабатывалось, а это явилось большим недостатком в оперативно-тактическом кругозоре большинства комначсостава.

Помощник командующего войсками
генерал-майор танковых войск БОЛЬСКИЙ (подпись)

Партийно-политическая работа

Без затишья и перерыва

(Из опыта политической работы
Центрального штаба партизанского движения)

Майор В. А. ЦАРЬКОВ, адъюнкт

В ЦЕЛЯХ объединения руководства партизанским движением и его дальнейшего развития Государственный Комитет Обороны (ГКО) 30 мая 1942 года принял решение о создании при Ставке Верховного Главнокомандования Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). Начальником его был утвержден член ЦК ВКП(б), первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко.

Специального органа, который бы непосредственно занимался вопросами организации политической работы в тылу врага и ее руководством, в первые месяцы деятельности ЦШПД не было. Но потребность в нем диктовалась всем ходом событий. Учитывая это, 28 сентября 1942 года ГКО принял решение о создании в ЦШПД политического управления. Последнее состояло из трех отделов: партийных и советских организаций; печати, агитации и пропаганды; исторического. Задачи политуправления определены в приказе главнокомандующего партизанским движением от 30 сентября 1942 года: «На политическое управление ЦШПД возложить руководство и развитие агитационно-пропагандистской работы среди местного населения в тылу врага, наложение и руководство подпольными партийными организациями»¹. Кроме того, вновь созданный орган должен был оказывать помощь республиканским и областным партийным органам в подготовке и засылке партийных организаторов и связников в тыл противника, налаживать связь с подпольными обкомами, горкомами и райкомами партии или уполномоченными, помогать комсомольским органам засыпать в оккупированные советские районы своих работников и создавать там подпольные комсомольские и другие антифашистские организации, руководить деятельностью комиссаров партизанских отрядов и бригад, организовывать подпольные типографии и выпуск газет, листовок и других печатных материалов во вражеском тылу, доставлять партизанам и местному населению газеты, листовки и другую литературу, издававшуюся в централизованном порядке и пр.².

Однако быстро изменившиеся условия военного времени и накопившийся опыт диктовали новые решения. Постановлением ГКО от 26 ноября 1942 года были произведены организационно-штатные изменения в структуре ЦШПД. В частности, политическое управление штаба преобразовали в политический отдел. В нем по штату числилось 9 человек, которые занимались вопросами деятельности подпольных организаций, печати, а также агитации и пропаганды³. Возглавляя политическое управление, а затем политотдел ЦШПД секретарь ЦК КП(б) Белоруссии В. Н. Малин.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 1, д. 1061, л. 3.

² Там же, л. 3.

³ Там же, лл. 3, 4.

Одним из направлений политической работы ЦШПД являлась организационно-партийная работа. Совместно с подпольными обкомами и райкомами партии, комиссарами и партийными организациями партизанских формирований политотдел ЦШПД разрабатывал основные мероприятия по повышению боевой активности, идеино-политического уровня партизан и местного населения. Это находило отражение в многочисленных директивах, приказах ЦШПД, инструктаже лиц перед отправкой в тыл противника — в партизанские отряды и подпольные организации. Политотдел взял на учет партийные организации и коммунистов многих формирований, с которыми ЦШПД поддерживал прямые связи. К лету 1943 года на территории Белоруссии, например, была установлена связь более чем с 300, а в Орловской области и районе Брянских лесов с 54 партизанскими партийными организациями⁴.

Проводя работу по созданию парторганизаций в партизанских отрядах, политотдел ЦШПД внимательно изучал опыт партийного строительства, приемы и формы работы партийных органов в нелегальных условиях, обобщал все положительное и рекомендовал наиболее ценное для использования в практической деятельности в тылу врага. Структура таких парторганизаций не была единой. Она зависела от организационно-штатного строения отрядов, их территориального расположения и характера выполняемых ими задач. С образованием централизованного руководства сложилась следующая типичная структура партийных организаций партизанских формирований.

Парторганизация партизанского отряда работала на правах первичной. В батальонах и ротах создавались низовые (цеховые) партийные организации и группы. Парторганизации отрядов объединялись в полковые или бригадные организации, возглавляли которые партийные бюро или партийные комитеты, избиравшиеся на партийных конференциях. Партию были также и в отдельных отрядах, не входивших в состав соединений, а непосредственно подчинявшихся штабам партизанского движения. Когда же боевая обстановка не позволяла созывать партийную конференцию, состав бюро (партийного комитета) определялся комиссаром соединения. Секретари партийных бюро, как правило, являлись заместителями комиссаров соединений по политической работе. Руководили работой парторганизаций соединений подпольные партийные органы.

По мере роста партизанского движения и укрупнения партизанских формирований структура партийных организаций соединений после согласования с политотделом ЦШПД периодически менялась. Например, в 3-й ленинградской партизанской бригаде в 1943 году число первичных партийных организаций достигло 26. Отряды действовали во многих районах южной Псковщины и западной части Калининской области. Вот почему парторганизации не могли поддерживать связь с теми подпольными районами, на которые они замыкались. Поэтому по рекомендации Ленинградского обкома партии и политотдела ЦШПД в бригаде был создан политический отдел и при нем партийная комиссия, получившая право окончательно решать вопросы о приеме в партию и персональные дела коммунистов. Решения парткомиссии утверждались начальником политотдела и комиссаром бригады. В полках и отрядах сохранялись партийные бюро, а в ротах — партийные группы. Подобная структура партийных организаций сложилась и в ряде других соединений.

Значительно увеличилось количество крупных партизанских формирований во втором периоде Великой Отечественной войны. Многие из них стали применять новую тактику действий: громить фашистских

⁴ Партия во главе народной борьбы в тылу врага 1941 — 1944 гг. — М.: Мысль, 1976. — С. 223.

оккупантов в ходе продолжительных рейдов. Партийные организации рейдирующих соединений не имели постоянной связи с местными партийными органами, а руководствовались общими указаниями ЦК ВКП(б), ЦК компартий республик, а также политотдела ЦШПД. Организация партийных органов, формы и методы их работы в таких соединениях отличались своими особенностями, которые обусловливались экстерриториальным характером их боевой деятельности.

В крупных рейдирующих партизанских соединениях по рекомендации политотдела ЦШПД обычно создавались партийные бюро из 5—7 человек. Члены бюро не избирались на общем собрании, а назначались комиссаром соединения и утверждались ЦК КП(б) республики. В партизанских же полках и отрядах образовывались партийные организации во главе с парторгами, которых назначали комиссары полков и отрядов, а утверждали партийные бюро соединений.

Большое место в деятельности политотдела ЦШПД занимала организаторская работа по приему лучших партизан в кандидаты и в члены партии. В письмах, направленных подпольным комитетам Белоруссии, комиссарам партизанских отрядов Брянских лесов и других формирований, политотдел ЦШПД давал конкретные указания об активизации этой деятельности, усилении индивидуальной работы с кандидатами партии, о сокращении испытательного стажа и пр.⁵. Прямыми следствием этой работы явился рост партийных организаций в партизанских частях и подразделениях. Так, если к лету 1942 года еще не во всех партизанских отрядах имелись парторганизации, то к концу года их отсутствие было уже редким исключением. С сентября по декабрь в партизанских формированиях Смоленской области образовалось, например, более 100 первичных парторганизаций⁶. По далеко не полным данным, летом и осенью 1942 года на оккупированной территории Украины возникло около 200 подпольных партийных, комсомольских и антифашистских организаций⁷. К концу 1942 года в Белоруссии действовали 472 парторганизации, объединявшие свыше 8000 членов партии⁸.

О повышении уровня организационно-партийной работы местных партийных органов и политотдела ЦШПД свидетельствует созыв в тылу врага партийных конференций. Это имело не только огромный политический резонанс, укрепляло веру людей в победу, но и позволяло обсудить назревшие вопросы партизанского движения и пути их решения, обменяться опытом, наметить планы согласованных и целенаправленных ударов по противнику.

Изучив опыт проведения первых партизанских партийных конференций, которые состоялись летом 1942 года во 2-й ленинградской партизанской бригаде и в партизанских отрядах юго-западных и южных районов Брянских лесов, политотдел ЦШПД рекомендовал всем ШПД созывать их и впредь. Уже в декабре 1942 года состоялась партийная конференция в партизанской бригаде под командованием Ф. С. Данченкова (Орловская область). Коммунисты обсудили итоги работы партийной организации бригады и приняли решение, в котором обязали каждого члена и кандидата в члены ВКП(б) возглавить борьбу за быстрейшее изгнание с советской земли немецких оккупантов. Партийные конференции созывались и в других соединениях.

Политотдел ЦШПД много внимания уделял работе с комиссарами партизанских формирований. По указанию ЦК ВКП(б) ЦШПД организовал подготовку командиров и комиссаров партизанских отрядов,

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 1, д. 1061, л. 16.

⁶ Там же, д. 65, л. 19.

⁷ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. — Т. 1. — Киев: Политиздат Украины, 1975. — С. 477.

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 1, д. 784, л. 39.

разведчиков, минеров в специально созданных школах. К марта 1943 года их закончили 70 комиссаров партизанских формирований⁹. Указания и рекомендации по работе в тылу врага они получали в специально направляемых им письмах ЦШПД. Кроме того, каждому политработнику перед отправкой за линию фронта был дан подробный инструктаж в политотделе ЦШПД.

Важным направлением политической работы ЦШПД являлась организация агитационно-массовой работы среди партизан и населения в тылу врага. Главная цель этой деятельности заключалась в том, чтобы своевременно информировать партизан и население о ходе борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, содействовать развертыванию массового партизанского движения, разоблачать лживость гитлеровской пропаганды, нацеливать народные массы на срыв военных, экономических и политических планов гитлеровского командования.

Одной из наиболее действенных форм агитационно-пропагандистской работы стала печатная пропаганда. Создание центрального и зональных штабов партизанского движения, политического отдела ЦШПД, их тесная связь с местными подпольными партийными органами позволили в значительной степени улучшить координацию издательского дела и организацию доставки в тыл врага пропагандистской литературы.

Насколько широкий размах приобрела агитационно-пропагандистская деятельность ЦШПД, свидетельствует такой факт: только с декабря 1942 года по март 1943 года политотдел ЦШПД направил в тыл врага более 6 млн. листовок, газет и брошюр¹⁰, в том числе «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду», «Красную звезду», «Московский большевик», «Ленинградскую правду», «За Советскую Украину», «Пропагандист», «Блокнот агитатора Красной Армии» и др. В районы действий партизанских отрядов засыпались листовки: «Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении медали «Партизану Великой Отечественной войны» I и II степени», «Призыв к партизанам в связи с наступлением Красной Армии», «Новые удары по врагу», «Час освобождения близится», «Итоги наступления наших войск у Сталинграда» и др. (тираж — 150—300 тыс. экземпляров)¹¹.

По неполным данным, в 1942 году политотдел ЦШПД отправил в тыл противника более 52 млн. листовок, брошюр и другой печатной продукции¹². Туда направлялись также комплекты библиотечек, составленных из общественно-политической, военной и художественной литературы. Приведу перечень лишь некоторых книг: «Об изучении Краткого курса истории ВКП(б) в условиях Великой Отечественной войны», «Комсомол в боях за Родину», «Спутник партизана», «Наступательный бой в лесу», «Минометы в бою», «Руководство по наземной разведке», пьеса А. Корнейчука «Фронт» и др.¹³.

Центральная и республиканская печать, которая доставлялась за линию фронта, была могучим идеологическим оружием в борьбе с оккупантами. В докладной записке начальника политотдела В. Н. Малина в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1942 года подчеркивалось: «...интерес к нашим газетам, к печатному большевистскому слову со стороны партизан и населения оккупированных районов исключительно велик... У каждого работника, посланного в тыл противника, при встречах и партизаны, и местные жители в

⁹ Там же, д. 793, л. 82.

¹⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. — Т. 5. — Кн. 1. — М.: Политиздат, 1970. — С. 486.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 1, д. 1061, л. 20.

¹² Партия во главе народной борьбы в тылу врага 1941 — 1944 гг. — С. 223.

¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 69, оп. 1, д. 1061, л. 21.

первую очередь спрашивают, не привез ли он с собой газет и листовок»¹⁴.

Политотдел ЦШПД не только распространял, но и вместе с обкомами партии участвовал в издании специальных номеров областных газет. Совместные издания предпринимались, например, в Калининской области (газета «Пролетарская правда»)¹⁵.

Все печатные издания, направляемые во вражеский тыл, информировали советских граждан, оказавшихся на оккупированной фашистами территории, о внутреннем и международном положении Советского Союза, об обстановке на советско-германском фронте, разоблачали гитлеровский фашизм, и прежде всего провокационные измышления Геббельса о разгроме Советских Вооруженных Сил, разъясняли, что нужно делать, чтобы помочь Советской Армии победить ненавистного врага. При этом учитывались местные условия. Например, в западных областях Украины, Белоруссии, в республиках Прибалтики, где партизанам приходилось бороться не только с фашистами, но и с буржуазными националистами, в специальных печатных изданиях наряду с разъяснением характера и хода войны большое внимание уделялось разоблачению попыток фашистов противопоставить одну нацию другой, национальные традиции — интернациональным интересам, а рабочий класс — крестьянству и интеллигенции.

Несмотря на огромный тираж и обширную тематику печатных материалов, подготовленных силами и средствами советского тыла, они не могли полностью удовлетворить запросы населения и партизан. Кроме того, центральная печать не имела возможности оперативно откликаться на события в тылу врага, конкретно отвечать на вопросы, которые возникали у жителей того или иного района. Эти задачи могла решить лишь местная подпольная и партизанская печать.

ЦК ВКП(б), ЦК компартий союзных республик, обкомы партий, Главное политическое управление Советской Армии, республиканские штабы партизанского движения принимали все необходимые меры, чтобы обеспечить подпольные партийные органы и партизанские соединения оборудованием, материалами, бумагой для выпуска мало-тиражных местных газет и листовок. Политотдел ЦШПД, к примеру, с 1 декабря 1942 года по 17 марта 1943 года заслал в партизанские отряды и соединения 75 портативных и 7 так называемых «карманных» типографий, из них в Белоруссию — 20, на Украину — 11, в Смоленскую область — 10, Орловскую — 5, Ленинградскую — 5, Воронежскую — 3, Краснодарский край — 10, Крым — 1, а представителю ЦШПД на Юго-Западном фронте для переброски в южные районы Украины — 10 портативных и 7 «карманных» типографий. Кроме того, в тыл врага было направлено 13 т бумаги и 120 клише для партизанских газет¹⁶.

Вместе с печатной техникой в крупные партизанские формирования засылались квалифицированные кадры полиграфистов. Представительство Украинского ШПД при военном совете 3-го Украинского фронта дважды организовывало курсы редакторов-типографов, где партизаны обучались типографскому делу. С весны 1943 года и до окончания партизанских действий спецшкола ЦШПД подготовила 67 редакторов, 115 печатников, 118 наборщиков¹⁷. В результате издание подпольных газет расширилось. Они стали регулярно поступать к читателям. Значительно увеличились их тиражи. За годы войны на оккупированной территории СССР в разное время выходило около 400 под-

¹⁴ Там же, лл. 2, 3.

¹⁵ Там же, л. 24.

¹⁶ Там же, л. 25.

¹⁷ Там же, оп. 1, д. 793, л. 83.

польных газет. В партизанских отрядах Украины, Белоруссии, Ленинградской, Орловской, Смоленской областей стали регулярно, 4—5 раз в месяц, издаваться листовки тиражом 500—2000 экземпляров каждая¹⁸.

Партизанская печать рассказывала о славных боевых делах партизан и подпольщиков, на ярких, волнующих примерах их подвигов учила население любить Родину и ненавидеть врагов, с оружием в руках отстаивать ее свободу и независимость. В газетах и листовках печаталось немало местного материала, в котором назывались фамилии врагов — гауляйтеров, комендантов, бургомистров, карателей-гестаповцев, сообщалось об их преступной деятельности, клеймились по зором предатели. В них приводились многочисленные факты и документы, разоблачавшие агрессивные планы фашистов, их чудовищные преступления на советской земле, публиковались письма местных жителей, угнанных на фашистскую катогр. Население также предупреждалось о подготавливаемых оккупантами провокациях, указывались конкретные пути борьбы с немецкими захватчиками.

Не менее важной формой агитационно-пропагандистской работы являлась устная агитация и пропаганда. Ее организации политотдел ЦШПД уделял большое внимание. Планировалась она в тесном контакте с областными и республиканскими партийными органами. В тех населенных пунктах, где не стояли фашистские гарнизоны, политотдел ЦШПД советовал проводить митинги и собрания. На них перед населением выступали командиры и комиссары партизанских соединений и отрядов, секретари подпольных партийных комитетов и первичных парторганизаций. Так, в канун 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Крымский партизанский отряд под командованием Ф. И. Федоренко отбил у гитлеровцев колонну автомашин. Украсив трофеи машины красными флагами, партизаны поехали по деревням, расположенным на пути к Симферополю. Они побывали в 14 населенных пунктах и провели там митинги. С докладами о положении на советско-германском фронте и в Крыму, о событиях на Большой земле выступали руководители отряда и командиры подразделений¹⁹.

В районах, где партизанское движение приобрело широкий размах, ЦШПД рекомендовал создавать специальные агитотряды, которые не только бы проводили беседы, собрания, митинги, но и устраивали для местного населения концерты художественной самодеятельности. Так, например, образованный Вилейским подпольным обкомом партии агитотряд из 25 партизан провел в деревнях и селах области 97 выступлений, собравших свыше 15 тыс. человек. Концерты агитотряда пользовались большой популярностью. Если же боевая обстановка не позволяла организовывать коллективные мероприятия, командованию партизанских формирований предлагалось проводить беседы с небольшими группами населения или индивидуальные собеседования. Точного учета таких бесед не велось. Однако представление о размахе устной агитации могут дать сведения по отдельным областям и партизанским отрядам. К примеру, только за август—сентябрь 1943 года члены агитколлективов партизанских формирований Могилевской области сделали 750 докладов и провели около 5000 бесед. В Вилейской области в январе—феврале 1944 года агитаторы прочитали 3576 докладов, на которых присутствовало свыше 120 тыс. человек²⁰.

Для усиления руководства политической работой и оказания помощи командованию партизанских формирований ЦШПД регулярно на-

¹⁸ Там же, д. 1061, л. 26.

¹⁹ Пламя над Крымом. — Симферополь: Крым, 1969. — С. 190.

²⁰ ПАИИП при ЦК КП Белоруссии, ф. 63, оп. 16, д. 2, лл. 29, 30.

правлял в тыл противника своих представителей. Так, в начале декабря 1942 года для развертывания партийно-политической работы в тылу врага на Северный Кавказ командировался заместитель начальника политотдела ЦШПД Д. О. Дзарагазов. В конце 1942 года сотрудник политотдела И. Ф. Конкин выезжал в Курский и Орловский обкомы ВКП(б). В феврале 1943 года в политотдел соединения партизанских отрядов Брянских лесов направлялся сотрудник политотдела М. А. Крюков.

В партизанских краях и зонах работники ЦШПД регулярно проводили совещания секретарей подпольных райкомов и комиссаров партизанских соединений. На них обсуждались очередные задачи партийных и комсомольских организаций, анализировалась их деятельность, намечались меры по усилению политической работы. Все это явилось необходимым условием успешного развертывания партизанского движения на временно оккупированной территории СССР.

Политическая работа Центрального штаба партизанского движения явилась неотъемлемой частью всей идеино-политической работы партии. Она строилась на основе решений ЦК ВКП(б) и Советского правительства, приказов Верховного Главнокомандующего, решений и директив центральных, республиканских и областных органов партии.

Немногим более полугода лет просуществовал ЦШПД, но за это время он проделал огромную организационно-партийную работу, благодаря которой партизанское движение приобрело небывалый размах и организованность. Политотдел ЦШПД наладил активную агитационно-пропагандистскую работу, сыгравшую важную роль в воспитании советского патриотизма у партизан и местного населения. Главным результатом политической деятельности в тылу врага явилось широкое вовлечение народных масс в борьбу против немецко-фашистских захватчиков и превращение партизанского движения в важный стратегический фактор вооруженной борьбы в ходе Великой Отечественной войны.

Точки зрения, суждения, версии

ПРАГА И ДЕЛО О ВОЕННОМ ЗАГОВОРЕ*

И. ПФАФФ

ДО 1937 ГОДА Бенеш ни разу не принимал Александровского. И то, что содержание февральской телеграммы Мастного не попадало в руки советского посланника каким-либо другим путем, подтверждает сообщение Александровского Литвинову от 8 марта относительно его беседы с министром иностранных дел Крофтой. Крофта через четыре недели после сенсационного сообщения графа Траутмандорфа не сделал ни малейшего намека Александровскому на то, что он сам и Бенеш 11 и 13 февраля узнали от Мастного¹. Часто встречающиеся в литературе ссылки на то, что Бенеш немедленно информировал Сталина, относятся к событиям последних апрельских и первых майских дней, т. е. к почти на три месяца более позднему периоду². Вполне очевидная медлительность Бенеша относительно передачи полученной информации в Москву и Париж диктовалась осмотрительностью политического деятеля, который хотел еще перепроверить это чрезвычайно важное сообщение и подкрепить его дополнительными данными и в соответствии со своим характером не был готов действовать импульсивно, что, очевидно, не осталось незамеченным и для СД. По меньшей мере Мастный в своей телеграмме от 20 марта Крофте настаивал после почти шестинедельного молчания на ясной реакции Праги, причем он выражал сожаление, что он сам не располагал «более подробной информацией» по данному делу³. Если бы Мастный пришел к выводу, что контакты доверенных Гитлера преследуют цель нейтрализации чехословацко-советского договора о взаимной помощи, то он бы не ошибся. Однако он не понял главной цели германского маневра: заставить Бенеша передать Сталину информацию относительно надежды Гитлера на переворот в СССР.

Ту «более подробную информацию», которой недоставало Мастному, передал ему, очевидно, Геринг 7 апреля, разъяснения которого, хотя у нас и нет никаких материалов о содержании беседы Мастного и Геринга, были, очевидно, более выразительными и, по-видимому, также более конкретными, чем те, которые Мастный услышал за два месяца до того от Траутмандорфа. И это наверняка по следующей причине: в Берлине установили, что в феврале Бенеш не проинформировал Сталина и что, безусловно, необходимо, во-первых, задействовать более прочные «аргументы» с конкретными «данными» и, во-вторых, использовать для их передачи более авторитетную личность, чем Траутмандорф, например кого-либо из членов национал-социалистической верхушки. После беседы, состоявшейся между Мастным и Герингом, лавина действительно пришла в движение: ранним утром 12 ап-

* Продолжение. См.: Военно-исторический журнал.— 1988.— № 10.

¹ Сообщение Александровского Литвинову из Праги от 8 марта 1937 г. // В сб.: Мюнхен в документах.— Т. II.— Прага, 1958.— С. 94 и далее.

² Вторая мировая война.— Т. 6.— Берн, 1954.— С. 295; Карр Эдвард. Берлин — Москва — Штутгарт, 1954.— С. 155; Теске Генрих. Генерал Эрнст Кёстринг.— Франкфурт, 1966.— С. 95.

³ Телеграмма Мастного Крофте из Берлина от 20 марта.— Берлин, 1937.— № 19 // Архив министерства иностранных дел в Праге.

реля Мастьный попросил встречи с Бенешем, которую назначили на 17 апреля в Праге⁴. Сразу же после беседы с Мастьным Бенеш решил пригласить к себе на 22 апреля Александровского⁵. А накануне, 21 апреля, два высокопоставленных чиновника министерства внутренних дел (одним из них был начальник политической полиции министерства альянс-директор д-р Карел Новак) по поручению президента страны, министра иностранных дел и министра внутренних дел выехали в Берлин, где они находились два дня и имели беседу также с начальником гестапо Мюллером⁶. Их поездка вполне однозначно предназначалась для проверки и дополнения тех сведений, которые были переданы разведывательной службе министерства иностранных дел Виттигом уже после беседы между Мастьным и Герингом. Сразу же после возвращения обоих эмиссаров Бенеш и Крофта три раза в течение короткого промежутка времени приняли Александровского: 24 и 26 апреля и 7 мая⁷. Таким образом, в течение 16 дней советский посланник был четырежды принят президентом страны и министром иностранных дел, что в контактах между Бенешем и Александровским за период 1934—1938 годов было чрезвычайным и единственным случаем.

В результате уже через четыре дня после последней беседы между Александровским и Бенешем Тухачевский был снят с постов заместителя народного комиссара обороны и начальника Генерального штаба. Непосредственная взаимосвязь, соотношение между посещениями Александровским Бенеша и снятием Тухачевского более чем очевидны. Причинную связь еще более усиливают события, которые произошли в Москве 3 и 4 мая (т. е. в период между предпоследним и последним посещениями Александровским Бенеша). Еще 3 мая Кремль направил в английское посольство в Москве заграничный паспорт Тухачевского с просьбой дать визу (маршал должен был возглавлять советскую делегацию на торжествах по случаю коронации в Лондоне). Менее чем через 24 часа ходатайство о выдаче визы было взято назад с объяснением, что Тухачевский «внезапно заболел»⁸. То, что 4 мая Кремль воспрепятствовал выезду Тухачевского из страны и имел его под подозрением, хотя открыто еще не обвинил, является следствием беседы Александровского и Бенеша 26 апреля. Снятие Тухачевского с занимаемых постов 11 мая и его последующий арест оказались, по-видимому, следствием последней встречи 7 мая, на которой присутствовал также и Мастьный, и прежде всего прямым результатом личного послания Бенеша Сталину 8 мая⁹, которое окончательно и бесповоротно решило судьбу маршала вследствие выдвижения против него самых тяжелых обвинений. Эти обвинения, с одной стороны, исходили от Геринга и Виттига, а с другой — появились в результате дополнительных выяснений в Берлине, произведенных представителями чехословацкой политической полиции в период с 21 по 23 апреля (Гейдрих, по-видимому, дал указание передать им фальшивые документы). Предположение, что сообщения о решающей роли Бенеша в этом являются

⁴ А/543/37. — Архив канцелярии президента республики в Праге.

⁵ А/578/37. — Там же.

⁶ Запись посланника д-ра Йина, начальника канцелярии министерства иностранных дел.— Кав. 1937.— № 2150 // Архив канцелярии президента республики в Праге.

⁷ А/596/37, А/604/37, А/695/37. — Там же.

⁸ Сообщение Шулленбурга министерству иностранных дел из Москвы от 5 мая 1937 г.— IV политическое управление//Pol. — Т. 3. — Россия. — Т. 2. — Бонн, 1937.

⁹ Решение Политбюро ЦК ВКП(б).— Москва.— 1937.— 24 мая; V политическое управление // Pol.— Т. 5.— Внутренняя политика, парламентская и партийная деятельность в России.— Т. 3.— Бонн, 1937. Относительно кратко уже сообщалось. См.: Ногэра Анри. Мюнхен или ложный мир.— Лондон, 1965.— С. 36.

лишь одной из тех легенд, которые в последующем начали распространяться вокруг дела Тухачевского, оказалось абсолютно ошибочным¹⁰. Тем не менее совершенно неприемлемой является неуклюжая попытка, предпринятая по незнанию сути дела, настойчиво выставлять Бенеша как преднамеренно действующего в данной афере пособника и лакея Гитлера. Ведь известно, что начиная с 1933 года он являлся самым последовательным противником фюрера в европейской политике¹¹.

Из категоричных и кратких формулировок в записях, содержащихся в канцелярии президента, как кажется, даже язвствует, что первые две беседы с Александровским, 22 и 24 апреля, сопровождались возбужденными дискуссиями между советским посланником, который стремился отвергнуть обвинения против Тухачевского как абсурдные, и Бенешем, которому не удалось поколебать эту уверенность посланника, и что Александровский лишь 26 апреля и 7 мая капитулировал перед «обличающим материалом», предъявленным ему Бенешем¹². На то, что в Советском Союзе первые два сообщения Бенеша восприняли с недоверием и сомнениями, косвенно указывают заверения советских дипломатов в Праге и Москве от 21 и 27 апреля, согласно которым между Москвой и Берлином никогда не проводилось никаких переговоров¹³. Что Бенеш конкретно сообщил или передал Александровскому, мы могли лишь предполагать, пока в 1979 году не удалось найти принятое в Москве решение Политбюро от 24 мая. В нем передается содержание личного послания Бенеша Сталину от 8 мая (которое было доставлено в Москву не ранее 11, а скорее всего 12 мая), а также делаются ссылки на приложенные к этому посланию «документы», однако без каких-либо дополнительных уточнений. Оно также наводит на мысль, что Stalin не представил членам Политбюро полу-

¹⁰ Пиркер Теодор. Московские показательные процессы 1936—1938 годов. — Мюнхен, 1963. — С. 75.

¹¹ «Бенеш пытался уже и ранее быть полезным гиглеровской Германии (именно так сказано! — Авт.), когда он переданные ему в руки национал-социалистским правительством (именно так сказано! — Авт.) документы относительно существующего якобы заговора Тухачевского направил Сталину... То, что Бенеш, которому ведь было известно происхождение документов, сознательно хотел оказать услугу Гитлеру (именно так сказано! — Авт.) и Сталину, явствует из всей ориентации Бенеша... Эпизод предательства Тухачевского доказывает, судя по этому, что накануне второй мировой войны возможность сотрудничества между Гитлером, Сталиным и Бенешем (именно так сказано! — Авт.) не являлась невероятной... То, что Бенеш считал сотрудничество с Гитлером возможным (именно так сказано! — Авт.), вполне совпадает с его внешнеполитической концепцией»//Ньюмен К. Дж. Уничтожение или самоуничтожение демократии. Европа в период 1918—1938 годов. — Штутгарт, 1984. — С. 180 и далее.

¹² Молниеносные меры, принятые в Москве в отношении Тухачевского после вмешательства Бенеша, исключают утверждение французского дипломата Кулондра о том, что Бенеш информировал Париж раньше, чем Москву, и что Даладье, как министр обороны, передал Потемкину предупреждение, полученное якобы перед этим в Париже от Бенеша, еще в феврале 1937 г. В такой же мере мало соответствуют истине и другие его сведения. Например, доверительное сообщение Даладье (также еще в феврале 1937 года), полученное якобы из надежного источника (очевидно, не от Бенеша), о контактах между представителями рейха и членами высоких советских командных инстанций и ведущейся полным ходом подготовке военного переворота, свержения Советского правительства и заключения договора с Берлином. То, что «заговорщики» через советскую миссию в Праге поддерживали мнимую связь с немцами, полностью исключается. См.: Кулондр Роберт. От Москвы до Берлина. 1936—1939 годы. — Бонн, 1937. — С. 82 и далее; Черчилль У. Указ. соч. — С. 259.

¹³ Запись Крофты о беседе с Александровским. — Кав. 1937. № 2206//Архив министерства иностранных дел в Праге; Сообщение Павлу Крофте о демарше Потемкина из Москвы от 27 апреля. — М., 1937. № 36//Архив министерства иностранных дел в Праге; Сообщение Александровского Литвинову из Праги от 22 апреля//Документы и материалы по истории чехословацко-советских отношений. — Т. III. — Прага, 1979. — № 204. — С. 357.

ченные материалы, а лишь проинформировал об их наличии. Несмотря на прямо-таки сенсационные данные этого решения, все же и с его помощью невозможно конкретизировать и проанализировать материал, подброшенный национал-социалистами в Прагу. Из содержания решения Политбюро не представляется возможным четко выяснить содержание послания Бенеша, разделить оба комплекса и дать описание характера и происхождения «документов». Однако на основе решения Политбюро можно по меньшей мере в общих чертах обрисовать обвинения против Тухачевского и других генералов. «Заговорщики» якобы планировали «во взаимодействии с германским генеральным штабом и гестапо... в результате военного переворота свергнуть Сталина и Советское правительство, а также все органы партии и Советской власти, установить... военную диктатуру». Это должно было быть произведено с помощью антикоммунистического «национального правительства», связанного с Германией и имевшего целью осуществить убийство Сталина и его ведущих соратников, «предоставить Германии за ее помощь особые привилегии внутри Советского Союза» и сделать «территориальные уступки Германии... на Украине...», уже не говоря о расторжении союзов с Парижем и Прагой. Все это должно было бы произойти под лозунгом создания «национальной России», которая находилась бы под сильной военной властью¹⁴. Хотя это описание существовавшего якобы плана, который настолько абсурдно звучит, что его неправдоподобность не должна бы вызывать ни у кого никаких сомнений, вообще не дает никаких сведений, какими путями и с помощью каких средств конкретно должен быть совершен этот переворот (что с самого начала должно было бы казаться подозрительным), все же из него ясно видно, как значительно и заметно сами по себе абстрактные сведения совпадают с первыми информацией Мастного от февраля 1937 года. Это совпадение не могло, видимо, остаться незамеченным со стороны Бенеша и руководителей чехословацкой внешней политики, оно, по-видимому, усилило в Праге доверие к фальшивкам. И легко себе представить, какую панику должны были вызвать эти сообщения в Праге. Это объясняет также и то, почему их в Праге так халатно не подвергли никакой серьезной перепроверке разведывательными органами¹⁵.

Слишком поздно и лишь в ограниченной степени чехословацкая дипломатия выяснила национал-социалистское происхождение слухов о советско-германских переговорах, распространявшихся в конце апреля, не поняв, однако, всей изощренности обвинений против Тухачевского накануне процесса по его делу¹⁶. Это видно из того, что чехословацкая миссия в Москве самоуверенно комментировала снятие Тухачевского со ссылкой на имевшиеся якобы у него связи с троцкистами и на его «бонапартистский комплекс», вследствие чего имелась будто бы опас-

¹⁴ Решение Политбюро ЦК ВКП(б). — М., 1937. — 24 мая.

¹⁵ Примечательно, что в Москве, согласно недвусмысленному заявлению Сталина, переданный Прагой материал восприняли с «особой благодарностью». Поэтому Политбюро заявило о готовности заключить с Прагой «благоприятную для Чехословакии военную концепцию», в качестве «знака тесной связи» пригласить с официальным визитом в Москву военную, экономическую и культурную делегации, а также министра иностранных дел Крофту и осуществить визит Литвина в Прагу. Советская литература последних лет откровенно признает, что в самом СССР направленный из Праги в Москву материал вообще не проверялся ввиду «атмосферы взаимных подозрений» и «недоверия Сталина, который повсюду видел предательство». и «рассматривался как безусловно достоверный». — См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. — Т. 1. — Берлин (Восточный), 1962. — С. 118.

¹⁶ Циркуляр министерства иностранных дел от 30 мая. — 1937. — №№ 211 — 235/37//Архив министерства иностранных дел в Праге.

ность, что маршал захватит власть в свои руки¹⁷. 20 июня 1937 года в позиции чехословацкой миссии в Москве наметился, однако, принципиальный поворот. Представительство категорически отвергло официальную советскую версию, согласно которой восемь ведущих командиров Красной Армии поддерживали якобы связи с германской секретной службой, и квалифицировало весь процесс как извращение правосудия¹⁸. Как бы то ни было, хотя эта интересная интерпретация не превышала по своему значению размеров гипотезы, однако с ее помощью в значительной мере критически предпринималась попытка логического и рационального толкования там, где официальная версия звучала неправдоподобно, ошибочно, нелогично, фантастически. Если бы она в своем анализе обстановки содержала реальное зерно, тогда снятие Тухачевского было бы для Чехословакии вдвойне трагично, особенно если бы маршал в противоположность Сталину в действительности проводил курс на подготовку войны против Германии, таким образом, противоположное тому, в чем он обвинялся. Помимо этого, подтверждение правильности этой информации окончательно объяснило бы, почему режим Берлина так сильно был заинтересован в ликвидации Тухачевского. Во всяком случае выводы чехословацких дипломатов в Москве были значительно точнее и реалистичнее, чем ослепленное мнение Праги, где настаивали на убеждении, что Тухачевский виновен.

Так, Крофта через два дня после казни генералов в беседе с румынским посланником выразил свое удовлетворение процессом и рассказал, что он так же, как и Бенеш, еще за четыре месяца до этого узнал из Берлина, что Гитлер полон решимости после удачного военного путча и после стабилизации военной диктатуры установить дружественные отношения с Москвой и что твердые, решительные меры Сталина Прага может только приветствовать¹⁹. Через неделю после этого Крофта поведал также английскому посланнику о том, что он располагает достоверными доказательствами вины Тухачевского²⁰. Когда Бенеш утверждал, что он получил из Берлина неопровергимые, убедительные, совершенно «достоверные» доказательства относительно заговора Тухачевского, когда он еще приблизительно в середине сентября 1937 года заверял американского посланника в том, что он знает, что Тухачевский поддерживал конспиративную связь с Берлином и Берлин уже ранним летом 1937 года подготавливал договор с Россией на случай успешного военного переворота в Москве²¹, когда он уже после присоединения Австрии считал необходимой чистку в Красной

¹⁷ Посланник Павлу заблуждался, когда он в своем сообщении от 15 июня утверждал, что судьба Тухачевского была решена лишь 1 — 4 июня на заседании Высшего военного совета на основании доклада Ворошилова. Из цитированного выше решения Политбюро четко яствует, что это произошло еще 24 мая, т. е. за два дня до ареста Тухачевского. Сообщения Павлу Крофте из Москвы от 11 мая и 12 июня. — 1937. — №№ 40, 49 и 316//Архив министерства иностранных дел в Праге.

¹⁸ Сообщение Павлу Крофте из Москвы от 20 июня. — М., 1937. — № 50//Архив министерства иностранных дел в Праге.

¹⁹ Сообщение Аурелиану (Aurelianu) в Бухарест из Праги от 13 июня. — 1937. — № 71/1937-40 С 1//Архив министерства иностранных дел СРР в Бухаресте. 21 июля Бенеш пытался убедить генерального директора промышленного банка д-ра Прейсса, самого могущественного руководителя чехословацкой экономики, в необходимости устранения Тухачевского. — 1937. S — VI/1-1/15, 136 — 137//Архив государственного банка в Праге.

²⁰ Сообщение Ньютона в министерство иностранных дел Великобритании из Праги от 21 июня. — 1937. — № 3287. — FO/371, Vol. 21104 // PRO в Лондоне.

²¹ Сообщение Карпа в государственный департамент США из Праги от 18 сентября. — 1937. — FRUS/1.— Вашингтон, 1954.— С. 130 и далее.

Армии после аферы Тухачевского и выдвинул абсурдное утверждение, что Советский Союз после всех чисток стал сильнее, чем прежде²², хотя чехословацкий военный атташе в Москве подполковник Дастих с июня и по октябрь пытался в ряде подобных телеграмм с точными формулировками и конкретными контраргументами убедить Бенеша в необоснованности обвинений Сталина²³, то Бенеш при этом по-прежнему продолжал лишь проявлять свое доктринерское упорство и тщеславную убежденность в собственной непогрешимости, поскольку именно он проинформировал Москву и именно он добыл информацию о заговоре генералов. Не по-иному ли бы он думал, если бы он знал, что даже среди советского руководства существовали большие сомнения относительно вины Тухачевского, как это впечатляюще доказывает возмущение Литвинова по поводу процесса²⁴.

Бенеш не осознал также и в последующем фатальных последствий процесса по делу Тухачевского, а также развернувшихся в результате этого жестоких чисток в армии для Чехословакии — значения, которое сразу же понял германский посол в Москве, заявивший, что снятие Тухачевского означает потерю самой способной головы, которую Красная Армия когда-либо имела, а также распространение чисток на ту единственную силу, которой пока не касался сталинский террор, — на армию²⁵. В Праге верили скорее абсурдным заверениям, которые были адресованы только что назначенным заместителем Литвинова Потемкиным Праге и Парижу о том, что «последние события упрочили прежнюю ориентировку советской внешней политики» и что Москва ликвидацией «предателей» доказала верность своим союзническим обязательствам²⁶. Наверняка позиция Бенеша по этому вопросу еще более утвердилась весной 1938 года вследствие тенденциозных, дружественных по отношению к Советскому Союзу сообщений его нового посланника в Москве Фирлингера, который плыл полностью в советском фарватере²⁷.

²² Донесение Ньютона в министерство иностранных дел Великобритании из Праги от 19 марта. — № 1622. — FO/371, Vol. 22286//PRO в Лондоне.

²³ Донесение подполковника Дастиха в военную канцелярию президента Республики из Москвы от 23 июня, 6 и 21 июля, 14 и 31 августа, 23 сентября и 12 октября. — 1937. — Кав. № 2399, 2514, 2921, 3209, 3401, 3798 и 4198//VKPR, военно-исторический архив в Праге. См. также: Ц е л о в с к и й Борис. Мюнхенское соглашение 1938 года // Брошюра. — Штутгарт, 1958. — С. 89—92.

²⁴ «Странно. Процесс является... Цвет нашего главного командования, Михаил Тухачевский! Гордость Красной Армии! Слава ее побед! Великолепный организатор!.. Я пытаюсь понять и объяснить себе историческую необходимость этого убийства. Это чудовищно тяжело... После каждого маршала расстреливаются несколько сотен офицеров из его окружения. Кровь требует крови. Где же предел всему?» // Л и т в и н о в Максим. Воспоминания. Из тайных дневников. — Мюнхен, 1956. — С. 246.

²⁵ Донесение Шулленбурга в министерство иностранных дел Германии из Москвы от 15 мая. — 1937. — V политическое управление, Pol. 13 по России. — Т. 1 // РА АА в Бонне.

²⁶ Сообщение Павлу Крофте из Москвы от 2 августа. — М., 1937. — № 61 // Архив министерства иностранных дел в Праге.

²⁷ «Если бы намерения Тухачевского осуществились, — сообщал Фирлингер Бенешу из Москвы, — то он наверняка попытался бы установить военную диктатуру... Неудивительно, что оппозиция также очень быстро нашла контакт с Тухачевским и другими генералами. Сегодня характеристика Тухачевского как способного на все политического авантюриста является ясной и достаточно определенной, так что относительно его роли не может быть никаких сомнений. Тухачевский стал бы в свое время всемогущим хозяином армии и мог бы поэтому постепенно выдвинуть своих друзей на важные руководящие посты. Роль и значение армии в государстве он понимал полностью в духе немецких генералов, которым он завидовал в связи с их положением в Германии и которыми он восхищался. Поэтому он тяжело переносил также вмешательство политических органов и стремился уйти из-под их влияния». Подобного мнения придерживался и председатель военного комитета палаты депутатов Чехословакии Йозеф Давид, являвшийся также доверенным Бенеша. 30 июня

Остается выяснить, почему немецкая интрига попала в Москву именно через Прагу. Ее путь через Бенеша гарантировал Берлину, что Москва или с удовлетворением даст своему союзнику разъяснения по поводу этой аферы, или примет меры против Тухачевского и что Прага об этом проинформирует также и Париж. «Посвящение» Праги путем утонченного маневра, которому служили также все переговоры доверенных Гитлера с Бенешем в конце 1936 года, причем эти эмиссары о действительном смысле своей миссии не знали, гарантировало Берлину не только приобщение Москвой обвинения против Тухачевского к делу, но и вынужденную с ее стороны публичную реакцию на поступившую информацию. Конечно, национал-социалистские клеветнические обвинения против Тухачевского распространялись, по берлинским источникам, еще с осени 1935 года, и тогда ничего не случилось. Но тогда еще не начались московские процессы, а именно процессы (в августе 1936 и январе 1937 года) дали повод для надежд, что Сталин поверит в интригу против Тухачевского и советского генералитета или (как это и случилось в действительности) воспримет эту интригу даже как благоприятное обстоятельство. С психологической точки зрения национал-социалистская интрига очень точно была нацелена на то, чтобы субъективное стремление Бенеша укрепить Советскую Армию или соответственно не допустить ее ослабления объективно должно было привести как раз к снижению ее боевой мощи за счет массовых чисток, которые в атмосфере сталинского массового террора в Советском Союзе неизбежно должны были последовать. Немецкие источники, между прочим, задним числом однозначно доказывают, что заговор национал-социалистских кругов во главе с Гейдрихом в первую очередь преследовал эту цель²⁸.

1938 г. он открыто высказался, что Тухачевский «намеревался свергнуть Сталина и передать немцам Украину». См.: Сообщение Фирлингера от 26 марта 1938 г. // Фирлингер Зденек. На службе Чехословакии.— Т. 1.— Прага, 1951.— С. 54 и далее; Донесение поверенного в делах Хенке министерству иностранных дел Германии из Праги от 23 июля. — 1938. — V политическое управление /455, Рол. 2 по России // Политические отношения России с Германией. — Т. 1 // РА АА в Бонне.

²⁸ Чехословацкая печать в значительной мере разделяла оценку руководства чехословацкой внешней политики в отношении дела Тухачевского. Единственное различие между коммунистическими и некоммунистическими печатными изданиями состояло в ссылках либеральной и социал-демократической прессы на ослабление Красной Армии как следствие чисток, что страстно оспаривала коммунистическая пресса, иногда довольно агрессивно (Руде Право.— 1937.— 12, 13, 15 и 16 июня). Лишь очень редко в некоммунистической прессе появлялись ссылки на непредсказуемость и загадочность развития обстановки в Советском Союзе. Гораздо чаще в ней можно было найти всевозможные рассуждения о причинах снятия Тухачевского. Повсюду можно было встретить всевозможные интерпретации типа «Конец красного Наполеона» (Чешское слово. — 1937. — 12 июня) или «Борьба за возвращение императорской власти» (там же. — 7 февраля). Примечательной представляется статья «Жестокая, но необходимая услуга Сталина для Европы» (там же. — 23 июня). В ней отмечалось: «Разочарование политикой Сталина соединяло три элемента: троцкистских большевиков, правых меньшевиков и германский генеральный штаб. Соединение этих трех гетерогенных элементов привело затем к величайшей и самой циничной организации предательства, шпионажа и разложения. Не следует сомневаться в том, что казнями генералов-изменников Советское правительство спасло себя от переворота. Но не может быть также сомнений, что казни, которые спасают Советское правительство, спасают и мир в Европе». Только левые либералы нашли мужество поставить вызывающие беспокойство вопросы: какую же ценность имеет союзник, во главе армии которого сидели саботажники и шпионы (Лидове новини. — 1937. — 12 июня). Знаток обстановки в Советском Союзе и эксперт по трудам Ленина Ян Славик в некоторой степени приблизился к зерну истины: «Армия Советской России не имеет в настоящее время ни одного генерала, за которым последовало бы большинство. Напротив, в правительственный группе имеется личность, которая действительно пользуется в России большой популярностью. И этой личностью является Сталин. Он не относится к кадровым военным, но развитие событий вынудило его

Лишь после своего послания Сталину от 8 мая Бенеш информировал также и французского премьер-министра Блюма относительно имевшегося якобы заговора советского главного командования и просил его в частном послании от 10 мая при осуществлении французских «связей с советским Генеральным штабом соблюдать максимальную осторожность, поскольку члены руководства советского Генерального штаба поддерживают подозрительные контакты с Германией»²⁹. Поэтому также и усилия Советского Союза в Париже (май—июнь 1937 г.) закрепить характер и методы оказания французской помощи Чехословакии в качестве предварительного условия для ее координации с советской помощью не нашли никакого положительного отклика. В Советском Союзе чувствовали эту нерешительность и пыталисьнейтрализовать неблагоприятное впечатление, конечно, снова лишь в устном порядке. Уже в конце апреля посланник Павлу сообщил высказывание одного советского дипломата, не указанного по фамилии: «Если СССР не мог оказать эффективную помощь республиканской Испании из-за значительного удаления, то ситуация является совсем иной в случае с Чехословакией, где такие препятствия вообще не возникли бы»³⁰. То, что сопротивление Румынии против пропуска советских войск в Чехословакию и план Москвы производить переброски морским и воздушным транспортом лишь во Францию представляли собой не меньшее препятствие для оказания советской помощи, чем упоминавшееся выше пространственное удаление, чехословакий дипломат, по-видимому, не понял.

Из американского источника нам известно, что в апреле 1938 года даже Бенеш, как кажется, отказался от своих надежд на то, что на Советский Союз можно рассчитывать как на сильного союзника. Бенеш «больше уже не рассматривал Советскую Армию в качестве эффективной силы при акциях Запада в Европе»³¹. Конечно, невозможно че-

играть роль военного диктатора. Для этого как раз необходимо гарантировать себе поддержку со стороны армии за счет устранения ненадежных влияний, особенно тех, которые недовольны направлением, по которому ведет страну Сталин» (Народни освобозени. — 1937. — 12 июня). В период между концом июня и серединой июля Бенеш дал указание опубликовать в качестве официальной чехословацкой точки зрения свое убеждение, что Тухачевский поддерживал контакты с Германией, однако при этом давалось замечание, что союз с СССР никогда не был единственной возможностью внешней политики Чехословакии и что осторожная критика в оценке Советского Союза является, по-видимому, вполне допустимой (там же. — 25 июня и 13 июля).

²⁹ События во Франции в период с 1933 по 1945 год. Свидетельства и документы, собранные комиссией по парламентскому расследованию. Отчет, представленный от имени комиссии Национального собрания. — Т. 1. — Париж, 1946. — С. 128 и далее. Утверждение Черчилля и Рейно, что Бенеш информировал Блюма о «заговоре» Тухачевского еще в конце 1936 г. через сына французского премьер-министра, проезжавшего Прагу (см.: Ч е р ч и л л У. Указ. соч. — С. 224; Р е й н о П о л ъ. В центре событий 1930 — 1945 годов. — Париж, 1951. — С. 97), основывается на путанице с личным посланием Бенеша Блюму от 18 декабря 1936 г., касавшимся вопроса о военной конвенции. Кроме того, в конце 1936 г. Бенеш вообще ничего не мог знать о «вине» Тухачевского. Как уже указывалось, телеграмма Мастного от 9 февраля 1937 г. была его самой первой информацией. Эти ошибочные сведения использует также и Эриксон (см.: Э р и к с о н Джон. Высшее военное командование Советского Союза; Военно-политическая история 1918—1941 годов. — Лондон. — 1962. — С. 433).

³⁰ Мнение посланника, утверждавшего, что «как будто речь уже шла об идеологической и психологической подготовке Красной Армии и советской общественности к военным событиям в Центральной Европе», также не произвело в Праге никакого впечатления. Сообщение Павлу Крофте из Москвы от 29 апреля и 21 августа. — М., 1937. — № 35 и 69//Архив министерства иностранных дел в Праге.

³¹ Сообщение Биддла государственному департаменту США из Варшавы от 2 апреля 1938 г./DSDF/760, F. 62/191, NA Вашингтон. Однако здесь речь идет об одном-единственном высказывании Бенеша, который в остальном грубо недооценивал последствия чисток.

либо подтвердить, действительно ли Бенеш просмотрел тот факт, что Москва к моменту аншлюса Австрии была полностью поглощена процессом против Бухарина и Рыкова. Во всяком случае, видимо, твердо можно сказать, что Бенеш разделял всеобщее мнение, что Советский Союз отошел от европейской политики и оказался в изоляции; речи Литвинова представляли собой вряд ли что-либо большее, чем кулисы для собственной советской политики того времени, для концентрации сил с целью искоренения миллионов политически «неудобных» людей.

В конце 1937 — начале 1938 года германский посланник в Праге характеризовал отношения Чехословакии с СССР после процессов в Москве в целом, а после дела Тухачевского в особенности ни в коей мере не более интенсивными, а скорее несколько потускневшими. Подметив довольно правильно настроения в Праге, он, однако, сделал ошибочный вывод, что Чехословакия вообще не рассчитывает более на советскую помощь³². Ни при каких обстоятельствах чехословацкое руководство не могло отказаться от советской помощи, как это убедительно подтвердил Бенеш английскому посланнику еще в мае 1938 года. Он предупреждал о возможности катастрофических последствий в случае исключения Советского Союза из общеевропейских дел³³. То, что даже существенные чехословацкие оговорки в отношении советской внутренней и внешней политики не смогли вызвать в Праге пересмотра союза с Москвой, проявилось у Бенеша ретроспективно уже после 22 июня 1941 года: «Я вынужден был в течение трех лет маневрировать таким образом, чтобы задействовать в этих делах также и русских. И при этом я ругал их, поскольку они допускали страшные вещи, свинство... Бенеш ругал большевиков, все их позорные дела, ибо в любом... он видел, как Советский Союз устранился от своего жизненно важного для нас участия в этой войне»³⁴.

Приложение 1

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ЧЕХОСЛОВАКИИ
ДИВИЗИОННЫЙ ГЕНЕРАЛ БОГУМИЛ ФИАЛА
НАЧАЛЬНИКУ ВОЕННОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ПОЛКОВНИКУ ФРАНТИШЕКУ МОРАВЕЦУ

Прага, 9 ноября 1937 года

Совершенно секретно

9 ноября 1937 года

Брат полковник!

В смысле нашей вчерашней беседы я пересылаю тебе для свободного служебного использования обзор впечатлений, который привезла наша военная делегация в конце прошлого месяца из поездки в СССР.

Если вначале наше Верховное командование отказалось воспринять ликвидацию Тухачевского и высшего советского командного звена как тяжелый урон для Красной Армии и после начала чистки было убеждено, что «руssкая армия переживает мрачный этап, однако все еще имеет большую силу», то наша делегация, посланная для проверки состояния подготовки Красной Армии, возвратилась с тревожными итогами, превзошедшими самые мрачные ожидания.

Поток массовых репрессий — насколько мы могли определить, казнено не менее 2000 офицеров — вызывает опасения относительно внутреннего разложения ар-

³² Меморандум Айзенлора «Чехословацкая внешняя политика 1938 года» министерству иностранных дел из Праги от 12 января 1938 г.//АДАР, Сер. Д. — Т. II. — Баден-Баден, 1950. — № 47. — С. 79.

³³ Мюнхен в документах. — Т. II. — № 26.

³⁴ Запись посланника И. Смутного (Smutný), начальника канцелярии президента, его беседы с Бенешем. — Лондон, 1941. — 23 июня//Документы по истории чехословацкой политики в 1939—1943 годах. — Т. I.— Прага, 1966. — № 193. — С. 234.

ми, ослабления ее оперативной ударной силы, а также готовности к действию, относительно ее неспособности вести наступательные действия и далее из-за неимения тактического и стратегического опыта новых молодых командиров, которые тысячами в звании лейтенантов стали командирами полков, а майоров — командирами дивизий. Мы констатируем ужасную слабость в области управления войсками, стратегии и тактики, далее мы констатируем устаревшее оснащение, недостаток техники и вооружения, которые в нашей армии уже есть давно.

На заседании Высшего совета обороны 3 ноября, состоявшемся при участии президента республики, по рекомендации президента было принято решение попытаться восполнить недостатки крупными поставками специального оружия из нашей военной промышленности для Советской Армии, которая в значительной степени снизила свою боеспособность. Если бы это не было так трагично, то воспринималось бы как гротеск, что мы, небольшое государство, которому угрожают, должны ослабить свой военный потенциал, чтобы оснастить и модернизировать армию нашего величайшего союзника! В важнейшей области, в неспособности и неопытности нового командного корпуса, мы, к сожалению, ничего не можем предпринять: мы не в состоянии послать сотни, если не тысячи офицеров к русским, не говоря уже о том, будут ли они там принятые.

Характерно, что как раз в отношении чистки и ее последствий президент с огорчением констатировал, что СССР в последнее время сосредоточил свои интересы преимущественно на внутренних делах, а внешнеполитические проблемы, которыми он должен был бы заняться, он оставил на заднем плане.

Подумай, пожалуйста, о моей доверительной информации во время предстоящей второй конференции с представителями советской разведывательной службы.

ФИАЛА

Архив генерала Фиала,
частное владение в Праге
(перевод с чешского сделан автором)

Приложение 2

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК ФРАНЦ ФОН ПАПЕН
АДОЛЬФУ ГИТЛЕРУ

Чрезвычайный посланник
и полномочный министр
по особым поручениям
Содержание: директива Политбюро

Вена, 23. 12. 37
Совершенно секретно

В приложении я пересылаю новую, поступившую мне известным путем директиву Политбюро Советского Союза своим внешнеполитическим представительствам от 10 декабря 1937 года.

Самыми интересными кажутся мне не предположения о содержании бесед лорда Галифакса с фюрером и слухи о подготовке Германией актов насилия в отношении Чехословакии, а четко прослеживаемое из этой директивы горькое разочарование развитием франко-советских отношений. Демонстративный отказ Дельбоса от советского предложения посетить Москву, кажется, очень огорчил Советы. То, что Дельбос посетил практически все столицы стран Восточной Европы, а Москву — нет, должно вызвать в советской политике чувство оскорблений и изоляции.

Одновременно настоятельно следует указать на то, что рекомендованные в директиве Политбюро от 24 мая поездки Литвинова в Прагу и Крофты в Москву не состоялись и через семь месяцев и что проектировавшаяся тогда советской стороной военная конвенция СССР с Чехией не была заключена (по этому вопросу не велись даже переговоры). И это можно расценить как признак отчуждения Праги от Москвы, связанный в основном с негативным восприятием проводимой в СССР чистки, и расценить также как принципиальный пересмотр отношения к Советскому Союзу с чешской стороны.

Фюреру и рейхсканцлеру
Берлин
ПАПЕН

РА АА в Бонне: У политическое управление, Рол. 5
«Внутренняя политика, законодательная и
партийная деятельность в России»
том 4. заключение

(Окончание следует)

«Я ИЗ ЗАГРАДОТРЯДА»

В ЭТОМ ГОДУ в августовском номере журнала впервые полностью помещен приказ наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года. Реакция читателей на эту публикацию была мгновенной. В редакцию сразу же пошли письма. Многие из них заканчивались просьбой рассказать об упоминаемых в приказе заградительных отрядах. Предлагаемый материал капитана 2 ранга С. Г. ИЩЕНКО раскрывает одну из малоизвестных страниц Великой Отечественной войны.

НАВЕРНОЕ, сейчас у нас не сыщешь равнодушного к истории. Мы пристально вглядываемся в минувшее, и словно туман рассеивается. То, о чем вчера не говорили вообще, недоговаривали или шептались, сегодня открыто обсуждается. Среди прочего является вдруг такое, что многих повергает в шок. Сколько подобного мы слышали или читали в последнее время, к примеру, из истории минувшей войны! Не счастье. Сколько истин, казавшихся незыблемыми, поставлено под сомнение! Уж и не победителями, а побежденными готовы во всеуслышание объявить нас некоторые в разоблачительном азарте.

Один товарищ недавно признался в том, что не может отделаться от ощущения, что многое в прочитанных им мемуарах наших уважаемых военачальников — полуправда. Похоже, в чем-то он прав. Но если это полуправда, почему нет полной правды в книгах умных и честных генералов и маршалов? За ответом на этот вопрос можно обратиться хотя бы к опубликованным журналом «Огонек» воспоминаниям А. Д. Миркиной, одного из редакторов мемуаров Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Ей-то, конечно, лучше других известно, как мучительно трудно боролся Георгий Константинович за каждую строчку рукописи, однако верх брал не всегда. То, что не вписывалось в рамки разрешенного сверху, вычеркивалось беспощадно. Горькая и кровавая, война в наших энциклопедиях и учебниках истории, мемуарах и художественной литературе была покрыта густым слоем лака. Сегодня, когда настало время раскрыть всю правду, в том числе и о войне, многое, что было доселе под лаком, пугает и возбуждает бурные страсти. Например, заградотряды.

Нынешним летом в одной из передач московской программы Центрального телевидения принимали участие работники архивов. Они справедливо сетовали на излишнюю закрытость их ведомств. Дело доходит до того, сказал один, что видные историки не могут добиться опубликования памятного многим приказа № 227, известного под названием «Ни шагу назад!». Ведущий понимающе кивнул: «Ну да, про заградотряды». Сказано это было таким тоном, что стало ясно: заградотряды — это нечто настолько жуткое, настолько бесчеловечное и дискредитирующее нас и нашу армию, что вспоминать о них страшно. Хотя, дескать, уж мы-то знаем...

Вот этот лейтмотив: «Уж мы-то знаем» — достаточно часто встречается в письмах именно о заградительных отрядах. Возьмем некоторые. «Заградотряды сталинские были созданы из НКВД. Они присыпались из тыла и стреляли своих без всяского разбора. Сами сидели в тылу, наедали морды. Они искусственно заталивали людей в мясорубку...» «Из-за приказа № 227 часто бывало, что войсковое подразделение, у которого кончились боеприпасы либо вышло из строя орудие, вынуждено было погибнуть или сдаться в плен. Ведь при отступлении бойцов ждали стволы заградотрядов. Это ли не глупая смерть людей?»

Самое примечательное в этих письмах, на мой взгляд, тон. Без сомнений, возражений не допускающий: «Уж мы-то знаем...» Но откуда авторы знают «всю правду» о заградительных отрядах? Об этом ведь даже не упоминается в нынешних книгах и энциклопедиях. Известно, что там, где нет фактов, их место занимают эмоции. И еще, полагаю, подобная «правда» черпается из чьих-то устных воспоми-

наний, сочиненных не без злого умысла. Ведь о чём, по сути, эти письма? Какой вывод из них напрашивается? Вполне очевидный. Вы говорите о массовом героизме и самопожертвовании наших бойцов? Не щадили себя в бою? С гранатами бросались под танки? А что им оставалось делать, если в затылок смотрели стволы автоматов заградотрядчиков? Своя пуля не слаще немецкой... Так под сомнение становится святое.

Ежегодно в редакции газет и журналов приходят тысячи писем фронтовиков. Пишут минометчики и моряки, пехотинцы, летчики и танкисты... Пишут многие, но ни разу — ни разу! — не слышал, чтобы кому бы то ни было из коллег довелось встретить письмо, в котором были бы слова: «Я из заградотряда». При всеобщем-то «знании» о заградотрядах. Кто же решится? Презрительный взгляд — самая безобидная из всех ожидаемых реакций.

Что ж мы молчали-то столько лет? Эта мысль не раз мелькала у меня, когда знакомился в Подольске с архивными материалами, относящимися к действиям заградительных отрядов в годы Великой Отечественной войны. Формуляры этих желавших от времени дел девственно чисты. Никто из исследователей никогда с ними не работал. Впрочем, понятно почему. В официально одобрённой военной истории заградительных отрядов у нас как бы не существовало. Между тем страницы дел хранят свидетельства не только человеческих драм и горьких трагедий, но и подлинного героизма. Без того и другого какая же правда о войне?

Чего мы боялись? Признать, что на фронте были не только герои, но и трусы, малодушные, шкурники, мародеры и дезертиры? Но на какой, скажите, войне, в какой армии их не было? Такого сорта людей и в мирные дни достаточно. Что уж говорить о фронте, где стреляют, калечат, убивают, а случается, приказывают идти на смерть. Однако в нашей армии шкурников и дезертиров было гораздо меньше, чем у врага, героев же во сто раз больше. Поэтому победили мы, а не фашисты.

Когда у нас появились заградотряды? После выхода приказа № 227 в июле 1942 года? Да ничего подобного! Есть вот такой любопытный документ: «Организация заградительных отрядов представляет собой одну из важнейших задач командиров и комиссаров. Каждое крупное воинское соединение должно иметь за свою спиной хотя бы тонкую, но прочную и надежную сетку заградительных отрядов... Легкость и безнаказанность дезертирства способны разъесть самую лучшую часть. Молодой солдат, пытающийся вырваться из огня, в который попал впервые, должен встретить твердую руку, которая властно возвратит его назад с предупреждением о суровой каре всем нарушителям боевого долга. Удирающий шкурник должен наткнуться на револьвер или напороться на штык...» Это приказ № 213 Реввоенсовета Западного фронта от 1920 года. С трусами и паникерами боролись всегда, на всякой войне, во всех армиях мира. Если боролись недостаточно решительно — армии терпели поражение.

Что за обстановка была на фронте, когда вышел приказ № 227? Мне удалось разыскать несколько человек, которые воевали в заградительных отрядах. Один из них — Николай Антонович Сухоносенко, член КПСС с мая 1943 года, награжденный орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и несколькими медалями. Он написал: «В то время, когда зачитывался приказ № 227, я был курсантом школы младших специалистов топографической службы, которая после эвакуации из Харькова находилась в Ессентуках. Был свидетелем и участником того страшного отступления наших войск (если можно так назвать беспорядочный отход массы людей в военной форме) от Ростова-на-Дону на Кавказ. Тогда, совсем еще юношей, я воспринимал это страшное бегство под натиском вооруженного до зубов фашистского войска как катастрофу. Теперь, по прошествии стольких лет, становится еще страшней от одной мысли: что могло бы произойти, если бы не были приняты суровые, но необходимые меры по организации войск, оборонявших Кавказ? С созданием заградотрядов курсанты школы, в том числе и я, привлекались к их действиям. Мы участвовали в задержании бегущих с фронта солдат и командиров, а также охраняли находившиеся в Ессентуках винный погреб-склад, консервный завод и элеватор, которые подвергались набегам этой неорганизованной массы военных людей. Двое суток под Ессентуками останавливали мы отступавших. По

мере комплектования групп примерно человек по 100 отступающие сопровождались на сборные пункты. Затем ставились в оборону».

Я просмотрел немало документов, разговаривал не с одним фронтовиком, знающим о заградотрядах не понаслышке, и утверждаю: то, о чем пишет бывший помкомвзвода топоразведки Н. А. Сухоносенко, и было главным делом заградотрядчиков — ободрить дрогнувшего, помочь обрести уверенность растерявшемуся, пригрозить трусу, вернуть всех в окопы и заставить стоять до последнего. Лучше всего, на мой взгляд, сказал об этом старший лейтенант в отставке Дмитрий Евгеньевич Цветков, служивший вначале в полковой разведке, а затем в заградительном отряде: «Это был заслон. Как стику подпирают, которая может завалиться, так и мы подпирали фронт».

Возможно, те, кто наслышан о расстрелях на месте без суда и следствия, о прочих ужасах, якобы связанных с заградительными отрядами, к этим воспоминаниям ветеранов отнесутся недоверчиво. Мало ли кто что помнит и кто что видел. А может, другие видели и помнят совсем другое? В таком случае, думаю, нет ничего убедительнее документов, писанных в окопах. Передо мной журнал боевых действий 4-го отдельного заградительного отряда 52-й армии. Начат он 5 августа 1942 года, когда армия входила в состав Волховского фронта. Чем занимался отряд летом и осенью этого года? Формировался. Согласно приказу № 227 в заградительные отряды должны были направляться лишь самые опытные и обстрелянные бойцы. Однако, оказывается, в чем-то жизнь на фронте была похожа на нашу, нынешнюю. Кто ж, какой директор по добре воле отпустит хорошего работника со своего завода или фабрики? Командиры тоже не хотели отдавать лучших бойцов. Ежедневно, пока шло формирование, в заградотряд прибывали двадцать — тридцать бойцов и командиров. Каждый день одного-двоих отправляли назад, как не отвечающих строгим требованиям. Только абсолютно надежным и отчаянно храбрым солдатам фронт мог доверить свой ближайший тыл. Две трети в отряде были коммунистами и комсомольцами.

Что еще? Отряд учился. Нет, не тому, как стрелять по своим бегущим, а тому, как обороняться и наступать. В его задачу также входила охрана переправ через реку Волхов. На всех дорогах, ведущих от передовой, были выставлены заградительные посты из двух-трех человек. Опять же, судя по документам, не проходило дня, чтобы заградотрядчиками не был задержан десяток-полтора заблудившихся, потерявших свои части. Тот, кому доводилось бывать в лесах под Волховом, знает, что запутаться там немудрено, тем более когда стреляют, а вокруг минные поля. Таких сбившихся с пути возвращали в части. Скажете, для подобных дел не надо быть обстрелянным солдатом. Но ведь задерживали и дезертиров, а те, как известно, часто были вооружены и знали, что, если попадутся, им грозит трибунал.

А вот, к примеру, боевые донесения 3-го отдельного заградительного отряда 8-й армии Волховского фронта. Разница в них только в датах, фамилиях, цифрах да географических названиях. Поэтому приведу одно — за 27 сентября 1942 года: «1. За истекшие сутки противник вел слабый артиллерийский огонь. 2. Отряд расположен на старом месте. 3. Отряд занимается несением службы заградительных постов.. 5. За 27 сентября отрядом задержано 38 человек без документов. Направлены в свои части»¹.

Я намеренно пропустил четвертый пункт, потому что он, наверное, совсем уж удивителен для тех, кто жаждет разоблачительной правды о заградительных отрядах. А правда в 3-м отдельном заградительном отряде в тот день была такова: «4. При отражении вражеской атаки пали смертью храбрых во второй роте сержанты Таракюк Алексей Савельевич, Белашев Семен Васильевич, красноармеец Кулешов Иван Васильевич. При артобстреле в районе платформы Русановской были убиты сержант Истомин Ефим Гаврилович, старшина Николаев Василий Лаврентьевич, красноармейцы Гордеев Василий Александрович и Косаченко Василий Евдокимович»². Лучшие и надежнейшие бойцы армии. Кого ж, как не их, бросать на самые

¹ ЦАМО СССР, д. 10, оп. 36256, л. 37.

² Там же.

опасные участки? И бросали. В конце донесения вывод: особенно велики потери во второй роте за последние дни потому, что командир 265-й стрелковой дивизии, которому временно подчинили роту, использует ее для ведения разведки боем.

Мне трудно удержаться от частого цитирования документов. Как иначе переубедить тех, кому кажется, что он знает о заградотрядах «всю правду», тех, чьи злые письма приведены выше? Поэтому позволю себе еще одну выдержку из журнала боевых действий 4-го отдельного заградительного отряда 52-й армии. Сделана эта запись 30 мая 1944 года. Армия тогда уже дошла до Румынии, вела бои на реке Прут. «В 9.00 началось наступление немцев на высоту 197,0. Часть бойцов из разных частей армии устремилась к реке Прут на переправы, где и задерживалась заградостями нашего отряда. В результате было задержано и возвращено на передний край около 300 человек. Во время несения службы у переправы были убиты ст. сержант Николаев А. Г., мл. сержант Юрченко И. Т., контужены ст. лейтенант Михалев Н. Г., ефрейтор Офицеров С. И.»³.

Никаких пояснений к этому нет. Но представьте на минуту охваченную паникой толпу в три сотни человек, оставившую окопы и рванувшую к переправе в едином стремлении спастись. Представьте, что стоило ее, вооруженную, вернуть в окопы, повернуть лицом к врагу, заставить биться. Какая это была свалка, если в заградотряде двое убито, еще двоих контузило. А теперь скажите: нужны ли были заградотряды?

Удивительные совпадения случаются в жизни. В газете «Красная звезда» за 11 июня 1988 года опубликовано письмо подполковника в отставке В. Монастырского «Бой на высоте». Высота та самая — 197,0. И тот самый бой. В письме рассказано о подвиге группы наших бойцов, которыми командовал старший лейтенант С. Я. Степанов. На них вышло более десятка вражеских танков. Гранатами наши подбили пять из них. Остальные шесть все же прорвались через позиции. Тогда коммунист С. Я. Степанов, обвязавшись гранатами, бросился под одну из машин. Подвиг командира тут же повторили старший сержант И. С. Назаров, красноармейцы В. А. Тумор и С. И. Кулешов. Четыре «тигра» замерли, охваченные пламенем. Оставшиеся поползли назад.

Для них, для Степанова и его бойцов, что ли, был поставлен на переправе 4-й отдельный заградотряд? Или для тысяч солдат 254-й стрелковой дивизии, отстоявших все же в тот день высоту 197,0? Да нет, конечно. Для тех трех сотен, что не выдержали атаки и побежали с позиций. А не побеги они, может, и не пришлось бы Степанову и его бойцам кидаться с гранатами под гусеницы. Кто знает? Но все вместе: Степанов и его подчиненные, те триста прогнувшихся, заградотрядчики — немцев все же остановили и плацдарма не отдали. Такова правда.

Меня, да и многих других, интересует вопрос: так стреляли ли бойцы заградительных отрядов по своим? По бегущим, отступающим, дезертирам — стреляли? Или нет? Прямое свидетельство на этот счет удалось найти лишь одно. В письме Н. А. Сухоносенко. Он пишет: «Оружие было применено один раз, когда легковая машина не остановилась по нашему сигналу. Огонь был открыт по колесам. В результате нами оказались задержаны командиры, сидевшие в машине, старший в чине полковника. Других случаев я не знаю».

Больше ничего — ни в архивных документах, ни в воспоминаниях. Правда, заставляет задуматься та запись в журнале боевых действий 4-го отдельного заградительного отряда, которая относится к 30 мая 1944 года. Как удалось задержать на переправе три сотни струсивших и бросивших окопы? Может быть, силой оружия? Не знаю. Но если даже и так? Неужто и это должно нас шокировать? Неужто этого стыдиться? Не того, что бежали, что бросили фронт, а того, что привели в чувство трусов всеми доступными средствами? Нет, надо было остановить труса любой ценой, иначе Родина могла погибнуть. Война-то шла уже у Волги. А полковник, видимо, готов был тормозить лишь за Уралом. Трусов и паникеров расстреливали всегда, во всех армиях мира. Или мы этого не знаем? Что ж тогда молчали о заградительных отрядах?

³ Там же, д. 12, оп. 41259, л. 48.

Еще одну запись из журнала 4-го отдельного заградительного отряда позволю себе привести. Она сделана 7 августа 1944 года, незадолго до расформирования отряда. В ней—итог большей части пройденного заградотрядом пути: «Готовились к празднованию дня образования части. Личный состав помыт в бане, сменил белье и привел в порядок оружие и обмундирование... В 18.00 было проведено торжественное собрание, на котором с докладом выступил командир отряда майор Борисичев, осветив итоги работы отряда за год. За год отряд задержал 1415 человек, в том числе 30 шпионов, 36 старост, 42 полицейских, 10 переводчиков и др. За отличное выполнение заданий командования в отряде награждено 29 человек орденами и 49 медалями. Отряд прошел путь от Дона до реки Прут, покрыв расстояние в 1300 километров.. За год прочесано 83 населенных пункта, в том числе 8 городов. Личный состав вел и наступательные, и оборонительные бои в районе Днепра, села Белозерье, города Смола и других. В результате освобождено 7 населенных пунктов.. За год отряд потерял убитыми 11 человек, ранеными 40. Выросла партийная организация отряда. Принято в члены ВКП(б) 29 человек, в кандидаты—30»⁴.

Я не вижу тут ничего недостойного нашей славной военной истории. Кого и от чего загораживали заградительные отряды? В конечном счете нас с вами, страну свою загораживали от врагов и трусов, которые, впрочем, на фронте тоже враги. Кого и почему должно это шокировать?

Обо всем не расскажешь. Но в деталях помню рассказ бывшего заградотрядчика Д. Е. Цветкова о том, что происходило в ноябре 1942 года на Калининском фронте. Вижу, почти явственно вижу подсвеченный заходящим солнцем сказочной красоты сосновый бор, каких много в России. На опушке залег заградотряд. Позади никого, лишь открытая дорога в наш тыл. Впереди, за кустарником, жидкая линия окопов, грохот стрельбы и рев вражеских танков. Задача перед Цветковым и его товарищами стояла в соответствии с приказом № 227: «Ни шагу назад!» Если наши, те, что впереди, побегут, не выдержат — остановить, вернуть назад, в оборону. Но никто не побежал. Оборона перед заградотрядом была смята. На заградотрядчиков через кусты ломились танки с крестами. Цветков рукой ощупывал ребристый бок гранаты...

Дальше было страшно. Как именно — не знаю. Цветков дважды принимался рассказывать, да так и не смог: душили спазмы и слезы. Махнув рукой, собрался уходить. Надел пиджак, висевший на стуле. На нем орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, медали и нашивки за ранения — четыре тяжелых и два легких. А кто-то говорит: «Отсиживались в тылу...» Не верьте!

⁴ Там же, л. 52.

Так ли это было?

В СЕНТЯБРЬСКОМ номере журнала за этот год опубликован приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года. В нем говорится: «...мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам». И далее почти весь приказ посвящен именно этим некоторым генералам, якобы добровольно сдавшимся врагу.

«Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам».

«Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника... поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги».

«Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск... дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу».

Так ли это было? Анализ материалов расследования, проведенного в 1941 году, показывает, что обвинения против генералов, выдвинутые в приказе № 270, составлены поспешно и без всяких на то оснований. Об этом красноречиво говорят факты. Генерал-лейтенант В. Я. Качалов погиб в бою еще 4 августа. Допущена ошибка в приказе даже в воинском звании генерал-майора П. Г. Понеделина (в приказе он назван генерал-лейтенантом).

Мы предлагаем читателям некоторые документы по делу генералов В. Я. Качалова, П. Г. Понеделина и Н. Г. Кириллова. Они свидетельствуют о том, что выдвинутые против генералов в августе 1941 года обвинения были необоснованны. Это показало обстоятельное расследование, проведенное значительно позже. Материалы подготовлены к публикации с помощью сотрудников Военной коллегии Верховного суда СССР.

Из материалов предъявленного обвинения следует, что 4 августа 1941 года бывший командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов Владимир Яковлевич сдался в плен неприятелю.

В этот день во время боевых действий частей 28-й армии на Западном фронте в районе Рославля к командному пункту Качалова под деревней Старинкой были доставлены две листовки, сброшенные с неприятельского самолета.

Качалов прочитал вслух содержание листовок, из которых одна служила пропуском к неприятелю, и спросил бывших с ним командиров, кому нужна листовка.

Все ответили молчанием, приняв вопрос Качалова за неуместную шутку. Тогда Качалов, сложив листовку вчетверо и положив ее в карман гимнастерки, сказал: «Авось мне пригодится».

После этого он, оставаясь около часа на командном пункте и видя беспорядочный отход некоторых частей армии из д. Старинки, никаких мер к наведению порядка не принял. Затем на глазах у окружающих его военнослужащих Качалов сел в танк и направился в д. Старинку, занятую неприятелем...

На основании изложенного генерал-лейтенант Качалов Владимир Яковлевич, бывший командующий 28-й армией, 1890 года рождения, происходящий из граждан с. Городище одноименного района Стalingрадской области, бывший член ВКП(б), награжденный 2 орденами Красного Знамени и медалью «XX лет РККА», депутат Верховного Совета РСФСР, бывший офицер царской армии, женат, несудимый, обвиняется в том, что 4 августа 1941 года в боевой обстановке на Западном фронте, в районе Рославля, под д. Старинкой, изменил Родине, перешел на сторону врага. На основании действовавшего Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 27 сентября было принято решение о заочном осуждении В. Я. Качалова.

* * *

Как следует из приговора от 29 сентября 1941 года, бывший командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов Владимир Яковлевич был заочно осужден к расстрелу.

В основу столь сурового наказания в отношении Качалова В. Я. лег приказ № 270 Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 года, в котором указывалось, что командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов В. Я. проявил трусость, дезертировал и перешел на сторону немецких фашистских войск.

Произведенным в 1941 году расследованием было установлено, что 4 августа 1941 года немецкие войска в районе деревни Старинка Стодолищенского района Смоленской области, прорвав оборону войск нашей 28-й армии, вклинились между ее 122-й и 145-й дивизиями. В конце дня 4 августа Качалов находился со своим штабом в расположении войск 122-й дивизии и готовился к прорыву из окружения, а затем неожиданно на танке уехал в сторону войск противника, и с тех пор никто из военнослужащих штаба армии его больше не видел.

В связи с жалобами родственников Качалова и письмами генералов и офицеров, знавших Качалова и высказывавших сомнение по поводу возможности измены Качалова, было произведено дополнительное расследование, которым установлено, что генерал-лейтенант Качалов в плен фашистским войскам не сдавался, а 4 августа 1941 года, следя в танке в районе деревни Старинка, где вели бой разрозненные части и подразделения 28-й армии, вместе с экипажем погиб от огня немецкой артиллерии и был похоронен местными жителями в общей могиле.

Это обстоятельство подтверждается показаниями свидетелей — жителей деревни Старинка Кузьмина Н. В., Мучкина В. К., Андреева А. В., Зайцева Ф. В., а также актом комиссии от 6 ноября 1952 года, производившей перезахоронение останков и приведение в порядок могил.

В обзоре 9-го немецкого армейского корпуса, захваченного нашими войсками, указано:

«К этому моменту пал командующий 28-й армией Качалов со своим штабом, вместе с особо мощной танковой группой пытался прорваться через Старинку, но в конце концов был задержан и не прошел».

Генералы и офицеры, знавшие Качалова на протяжении многих лет службы в армии и на фронте, характеризуют его положительно.

Дополнительным расследованием установлено, что Качалов в период боя не проявлял растерянности, трусости, а выезд его в сторону противника, вклинившегося в расположение частей 28-й армии, следует полагать, был вызван желанием прорваться к своей 145-й дивизии, отрезанной от штаба армии.

Таким образом, генерал-лейтенант Качалов Владимир Яковлевич, по неполным материалам следствия, не установившего факта сдачи Качалова в плен, в 1941 году был необоснованно заочно осужден за измену Родине к расстрелу...

* * *

Произведенным в 1952 году дополнительным расследованием установлено, что генерал-лейтенант Качалов в плен противнику не сдавался, а 4 августа 1941 года в районе деревни Старинка Смоленской области во время боя погиб от огня немецкой артиллерии и был похоронен местными жителями в общей могиле.

Это обстоятельство подтверждено показаниями свидетелей — жителей деревни Старинка Мучкина, Зайцева... и других, актом комиссии от 6 ноября 1952 года, производившей перезахоронение останков и приведение в порядок могил, а также трофейным документом 9-го немецкого армейского корпуса, захваченного советскими войсками.

Опрошенные в процессе проверки генералы и офицеры Советской Армии, знавшие Качалова на протяжении многих лет службы в армии и на фронте, характеризуют его, Качалова, положительно.

Таким образом, Качалов в сентябре 1941 года необоснованно был осужден заочно за измену Родине, и 23 декабря 1953 года приговор был отменен.

Также отменено и определение от 29 сентября 1941 года о привлечении к ответственности членов семьи Качалова.

* * *

АВТОБИОГРАФИЯ

Генерал-лейтенанта КАЧАЛОВА Владимира Яковlevича

Родился я в мае 1890 года в селе Городище Сталинградской обл., родители мои занимались сельским хозяйством, потом переехали в г. Сталинград и в течение 25—30 лет до 1917 года занимались сапожным делом, сначала отец несколько лет работал сапожником по найму, потом работал самостоятельно, один, без наемного труда, и примерно последние 17—18 лет до революции имел сапожную мастерскую и лавку на базаре, где и продавал изготовленную обувь. В начале 1917 года за неплатежи сапожная мастерская и лавка были ликвидированы кредиторами, и отец снова с 1917 года поселился на хуторе в 10 км от города и стал заниматься сельским хозяйством, каковым и занимался до 1931 года. Отец умер в 1940 году, мать умерла в 1928 году.

Женат, имею сына рождения 1932 года. Жена моя Елена Николаевна Ханчин — дочь врача, который последнее время работал врачом в Казахстане, мать жены — учительница. С ранних лет я помогал отцу в его работе и с 12 лет я пошел в школу, окончил церковно-приходскую школу, городское училище и в 1910 году окончил Харьковское коммерческое училище. После окончания учения я был призван на военную службу вольноопределяющимся и в 1912 году демобилизован в запас. После военной службы больше года я проработал счетоводом, одновременно готовясь для поступления в высшее учебное заведение.

В августе 1914 года по мобилизации был призван из запаса в армию и в конце 1914 года при Казанском военном округе выдержал испытание на прапорщика запаса и был направлен младшим офицером в 712-ю пехотную дружину, далее в 23-й Сибирский запасной полк и оттуда с маршевой ротой был направлен в действующую армию на румынский фронт в 58-й полк, где я и пробыл до 1918 года февраля месяца в должностях младшего офицера, командира роты, а в период революции на выборных началах заведующим хозяйством полка и последующее время командиром полка. В феврале 1918 года уехал с фронта в Сталинград и в июле 1918 года добровольно вступил в ряды 10-й Красной Армии (Царицынский фронт) во 2-ю сводно-казачью дивизию, помнаштадивом. В сентябре 1918 года назначен командиром группы на Царицынском участке в районе Карповка — Кривец Музя и далее боевого участка Вороновка — Песчанка. В январе 1919 года был назначен начальником штаба 3 бр. 38 сд и в июле начальником штаба отдельной кавалерийской бригады 38 сд, с сентября 1919 года по февраль 1920 года был начальником штаба сводного конного корпуса и 1-го конного корпуса 9-й армии. При развертывании конного корпуса во 2-ю Конную армию (июль 1920 г.) назначен начальником полевого штаба 2-й Конной армии и в октябре 1920 года назначен командиром кавдивизии этой армии, каковой и командовал до сентября 1922 года. С сентября 1922 года... учился на ВАК в Москве, откуда был направлен на Туркестанский фронт в Восточную Бухару, где командовал 1-й отдельной кавалерийской бригадой и 11-й кавалерийской дивизией до октября 1924 года. После ранения назначен инструктором кавалерии Западного военного округа, в должности, на которой был до 1925 года. С ноября 1925 по январь 1931 года командовал 14-й кавдивизией и с января 1931 по ноябрь 1933 года был командиром-комиссаром 6-й стрелковой дивизии, с ноября 1933 по декабрь 1935 года учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе на особом факультете, после окончания академии до мая 1936 года был в Управлении боевой подготовки КА, с мая 1936 по июль 1937 года был командиром-комиссаром 22 сд и с июля по декабрь включительно 1937 года командовал 9 ск. С января 1938 года по апрель был замкомвойсками Северо-Кавказского военного округа, с апреля 1938 по июнь 1940 года командующий Северо-Кавказским военным округом, с июля 1940 года по настоящее время командующий войсками Архангельского военного округа.

Участвовал в боях против белых:

1. На Царицынском фронте в составе 10-й Красной Армии с июля 1918 по сентябрь 1919 года в должности командира отряда, начальника штаба 3 бригады 38 сд и отдельной кавбригады 38 сд.

2. В составе 9-й армии с сентября 1919 по апрель 1920 года по ликвидации Деникина в должности начштакора конного корпуса.

3. В составе 13-й армии и 2-й Конной армии с июня по ноябрь 1920 года по ликвидации Врангеля в должности начштаба конного корпуса и командира 2-й кавдивизии.

Участвовал в боях по ликвидации бандитизма:

На Украине против Махно, с ноября 1920 по март 1921 года; на Дону по ликвидации банд в районе станиц Каменец, Морозовская, Цимлянская, Чирская, с марта по май 1921 года; на Северном Кавказе, по ликвидации банд в районе Ставрополь — Пятигорск, Моздок, Святой Крест, с мая 1921 по сентябрь 1922 года. Все время в должности командира 2-й кавдивизии. В Восточной Бухаре по ликвидации басмачества с октября 1923 по ноябрь 1924 года в должности командира 11-й кавдивизии.

Имею 5 ранений: 1. В бою под Варламовской, сентябрь 1918 года. 2. В бою под Вороново, январь 1919 года. 3. Контузия в бою на реке

Маныч, май 1919 года. 4. В бою с бандами в районе г. Ставрополь, август 1922 года. 5. В бою с басмачами в Бухаре в районе Миршаде, декабрь 1923 года.

Награжден двумя орденами «Красное Знамя», Юбилейной медалью «XX лет Красной Армии», двумя золотыми именными часами от Наркома обороны.

Член ВКП(б) с июня 1927 года, партбилет № 1013639, принят в члены партии партийной организацией 10-й кавдивизии (ныне 14-я кавдивизия), в кандидаты принимался парторганизацией 2-й кавдивизии (ныне 5-я кавдивизия). Партийных взысканий не имею. В других парторганизациях не состоял. В троцкистской правой национал-шовинистической и прочих контрреволюционных организациях не состоял. Отклонения от генеральной линии партии не имел, ни в каких антипартийных группировках не участвовал.

В белой армии не служил и на территории, занятой белыми, не проживал. За границей не был и из близких родственников за границей никого нет.

Под судом и следствием не был.

Депутат Верховного Совета РСФСР первого созыва.

Генерал-лейтенант

19.4.41 г.

(КАЧАЛОВ)

* * *

П. Г. Понеделин был признан виновным в том, что, будучи командующим 12-й армией и попав в окружение войск противника, не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике и 7 августа 1941 года, нарушив воинскую присягу, изменил Родине: без сопротивления сдался в плен немцам и на допросах сообщил им сведения о составе 12-й и 6-й армий.

Находясь в лагере военнопленных, Понеделин вел дневник, в котором возводил клевету на одного из руководителей партии и Советского правительства, подвергал антисоветской критике политику Советской власти в отношении коллективизации сельского хозяйства, восхвалял врагов народа и клеветал на боеспособность советских войск.

В судебном заседании Понеделин виновным себя признал, но показал, что он принимал все меры к выводу войск 12-й и 6-й армий из окружения, что с поля боя он не дезертировал, но не нашел силы воли, чтобы покончить с собой в момент захвата его в плен немцами, что никаких сведений о частях армии немцам не сообщал и антисоветской агитацией не занимался.

В последнем слове Понеделин заявил, что он не был врагом народа и не способен им быть. Просил суд вернуть его к обществу и дать ему возможность работать и радоваться вместе со всем обществом.

Обвинение Понеделина было основано на показаниях допрошенных на предварительном следствии свидетелей. Оно сводилось к тому, что он якобы не принял необходимых мер к выводу войск из окружения и без сопротивления сдался в плен немцам, основано на предположительных показаниях бывшего начальника штаба 12-й армии Арушаняна Б. И., бывшего командира 99-й стрелковой дивизии Опякина П. П. и бывшего командира полка 99-й стрелковой дивизии Жевнера Р. Ф., которые на предварительном следствии показали, что приказ Понеделина от 1 августа 1941 года о переходе войск армии в районе села Подвысокое к обороне, а затем указания о порядке выхода из окружения они считали неправильными, а после того, как им стало известно о сдаче Понеделина в плен, указанные решения они оценили как предательские.

Жевнер, кроме того, показал, что со слов других лиц ему стало известно, что в момент окружения группы офицеров немцами кто-то из офицеров хотел стрелять, но Понеделин якобы не разрешил стрелять и поднял руки вверх, заявив: «Мы сдаемся в плен».

Допрошенные в процессе дополнительного расследования в декабре 1955 года Арушанян и Олякин изменили свои показания, данные ими в 1941—1942 годах, и заявили, что квалификацию и оценку действий Понеделина дали следователи на основании их показаний о том, что они распоряжения Понеделина считали неправильными. Кроме того, в то время еще был свеж в памяти приказ Ставки об объявлении врагами народа Понеделина, Кириллова и других бывших командиров, плененных немецкими войсками.

Олякин, кроме того, показал, что, когда его на следствии спросили, являются ли действия Понеделина и Кириллова вредительскими, он ответил положительно, основывая этот ответ на том факте, что среди офицеров его дивизии (фамилии которых он не помнит) ходили якобы разговоры о том, что Понеделин и Кириллов оставили свои войска на произвол судьбы, а сами сдались в плен.

Показания Арушаняна, Олякина и Жевнера, данные ими на предварительном следствии в 1941—1942 годах, опровергаются также допрошенными в 1955 году в качестве свидетелей: бывшим начальником штаба 6-й армии гвардии генерал-майором Ивановым Н. П., бывшим командующим войсками 6-й армии генерал-лейтенантом в отставке Музыченко И. Н., бывшим членом военного совета армии генерал-майором Поповым Н. К., бывшим членом военного совета 12-й армии полковником в отставке Куликовым И. П. и бывшим командующим артиллерией 12-й армии генерал-лейтенантом Гавриленко Н. В.

Все эти лица показали, что Понеделин, как командующий группой войск 6-й и 12-й армий, сделал все возможное, чтобы в исключительно тяжелой обстановке прорваться из окружения;

что остатки войск не удалось вывести из окружения в результате тяжелой обстановки;

что приказ от 1 августа 1941 года об организации обороны в районе Подвысокое Понеделиным был издан с ведома военного совета по указанию командования фронта, а указания о порядке выхода из окружения также были даны Понеделиным на основании решения военного совета;

что Понеделина они считают честным советским офицером.

Из показаний бывшего командира 13-го стрелкового корпуса генерал-майора Кириллова и бывшего начальника особого отдела корпуса Шишацкого усматривается, что Понеделин был пленен немцами неожиданно для него и других офицеров, находившихся вместе с ним на опушке леса в период боевых действий на выход из окружения пре-восходящих немецких войск.

Из показаний лиц, находившихся в плену совместно с Понеделиным, видно, что представители немецко-фашистского командования и изменники Родины (Власов и другие бывшие офицеры Советской Армии) неоднократно пытались склонить Понеделина к борьбе против СССР, однако последний категорически отверг эти предложения.

По поводу антисоветских записей в дневнике Понеделин объяснил, что его записи, именуемые дневником, были написаны им в плену. В этих записях он старался отразить боевые операции 6-й и 12-й армий, но, к сожалению, эти записи отобрали немцы. В записях он действительно написал антисоветскую клевету на колхозный строй, но делал это исключительно в целях маскировки, чтобы немцы не могли разобраться в действительном назначении записей и не отобрали их у него.

Лично он не распространял антисоветских взглядов, но Музычен-

ко, прочитав его записи, стал о них говорить в камере, и отсюда пошли разговоры о якобы его, Понеделина, антисоветских взглядах.

Эти утверждения Понеделина ничем не опровергнуты.

На допросе 13 декабря 1955 года свидетель Музыченко подтвердил лишь то, что он лично видел дневник, в котором Понеделин, излагая причины неудач Советской Армии в 1941 году, клеветнически отзывался о колхозниках.

Будыхов, Артеменко и Кириллов при рассмотрении их дел в суде показаний об антисоветских высказываниях Понеделина не дали.

Органами предварительного следствия Понеделину было предъявлено обвинение также в том, что он являлся участником антисоветского заговора.

Это обвинение основывалось на весьма неконкретных и противоречивых показаниях Ветлина, Пантелеева, Лебедева и Морского-Державца, которые ими были даны после их ареста в 1937 году.

Показания этих лиц, исходя из их содержания, не внушают никакого доверия.

Это обвинение Понеделина было отвергнуто еще в 1939 году, когда в ЦК КПСС обсуждался вопрос о выдвижении кандидатуры Понеделина на должность начальника штаба Ленинградского военного округа.

Изучением партийного и служебного личных дел на Понеделина устанавливается, что он по службе и по партийной деятельности характеризуется положительно.

За активное участие в гражданской войне и за боевые действия в войне с белофиннами Понеделин был награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

Дополнительным расследованием были вскрыты новые обстоятельства, свидетельствующие о необоснованном осуждении Понеделина. На основании вышеизложенного приговор в отношении П. Г. Понеделина отменен 13 марта 1956 года.

* * *

По приговору суда Кириллов признан виновным в том, что, являясь командиром 13-го стрелкового корпуса и попав в окружение противника, изменил Родине, сдавшись 7 августа 1941 года без сопротивления в плен немцам, и что при допросе сообщил немецким офицерам секретные сведения о составе частей корпуса.

На предварительном следствии и в суде Кириллов виновным себя в измене Родине не признал и показал, что с тяжелыми боями 13-й стрелковый корпус вышел 2 августа 1941 года в район г. Умань, где и был окружен немецкими войсками. В результате длительных боев с превосходящими силами противника к 7 августа 1941 года части корпуса имели 90% потерь в личном составе и материальной части. Под сильным пулеметным и минометным огнем он, Кириллов, в числе других офицеров залег в канаву на опушке леса. Когда немецкие войска стали прочесывать лес и обнаружили их, он, Кириллов, растерялся, потерял силу воли, не оказал немцам сопротивления и сдался в плен, чем и совершил преступление перед Родиной.

В последнем слове Кириллов заявил, что врагом Советской власти он не был и никогда им не будет.

В качестве доказательств вины Кириллова к делу приобщены показания Потапова, Герасимова, Сиваева, Абрамидзе, Добросердова, Скугарева, Артеменко, Зыбина, Кудрявцева, Меандрова, Опякина и Арушаняна.

За исключением Опякина, никто из названных лиц компрометирующих Кириллова показаний не дал.

Опякин же показал на предварительном следствии в августе 1941 года, что командующий армией Понеделин и командир 13-го стрелкового корпуса Кириллов 1 августа приняли неправильное решение о переходе к обороне вместо того, чтобы отвести войска за реку. Не зная полностью обстановки на фронте и на флангах, Понеделин и Кириллов якобы допустили окружение войск и не организовали выхода из их окружения.

Далее Опякин показал, что хотя он очевидцем пленения не был, но со слов других лиц ему известно, что Понеделин и Кириллов без боя сдались в плен немцам. После этого ему стало ясно, что указанные выше действия командования 12-й армии являлись вредительскими.

Бывший начальник штаба 12-й армии Арушанян в 1942 году показал, что приказ Понеделина от 1 августа 1941 года о переходе к обороне он считал неправильным, а когда узнал о сдаче Понеделина в плен, сделал вывод о предательском характере этого приказа.

Таким образом, обвинение Кириллова в измене Родине было основано на показаниях Опякина и Арушаняна, данных ими на предварительном следствии.

Вновь допрошенные в 1955 году Опякин и Арушанян изменили свои показания, а ряд других свидетелей, допрошенных в процессе проверки, не подтвердили показаний Опякина и Арушаняна, данных ими в 1941—1942 годах.

Так, Опякин на допросе 13 декабря 1955 года показал, что Понеделин и Кириллов меры к выводу своих войск из окружения принимали, но на его, Опякина, взгляд, распоряжение, которое они давали в августе, имело ряд недостатков.

Далее Опякин показал, что, когда его спросили в 1941 году, являются ли действия Понеделина и Кириллова вредительскими, он ответил положительно и сделал этот вывод под впечатлением разговоров офицеров его, Опякина, дивизии (фамилий офицеров не помнит) о том, что Понеделин и Кириллов якобы оставили свои войска на произвол судьбы, а сами сдались в плен.

Арушанян на допросе 16 декабря 1955 года показал, что квалификация и оценка действий Понеделина в 1942 году дана не им, а следователем.

Что Кириллов считался лучшим командиром корпуса в армии и до самого последнего момента, когда Кириллов подготовливал лично последний прорыв из окружения, он, Арушанян, о Кириллове остался самого лучшего мнения.

В процессе проверки были допрошены: бывший начальник штаба 6-й армии гвардии генерал-майор Иванов Н. П., бывший командующий 6-й армией генерал-лейтенант в отставке Музыченко И. Н., бывший член военного совета 6-й армии генерал-майор запаса Попов Н. К., бывший член военного совета 12-й армии полковник в отставке Куликов И. П., бывший начальник артиллерии 12-й армии генерал-лейтенант Гавриленко Н. В., бывший начальник штаба 99-й стрелковой дивизии генерал-майор запаса Горохов С. Ф. и бывший командир полка 72-й стрелковой дивизии генерал-майор запаса Хватов М. Е.

Все названные лица показали, что к моменту пленения Кириллова войска, которыми он командовал, находились в тяжелой боевой обстановке и что командование армии (Понеделин) и корпуса (Кириллов) приняло все необходимые меры к выводу войск из окружения.

Очевидец пленения Кириллова бывший начальник особого отдела 13-го стрелкового корпуса полковник в запасе Шишацкий Т. К. на до-

просе 30 декабря 1955 года показал, что он лично видел, как во время боя при выходе из окружения на Кириллова, находившегося с адъютантом, комиссаром корпуса и несколькими другими офицерами на опушке леса, неожиданно набросилось около 30 немецких солдат, которые и схватили Кириллова и других офицеров. Обстановка боя была такова, что выручить группу Кириллова не было возможности.

Лично он, Шишацкий, ничего отрицательного за Кирилловым не замечал, и такими данными особый отдел не располагал.

Таким образом, в деле нет никаких доказательств того, что Кириллов сдался в плен немцам добровольно и преднамеренно.

Обвинение Кириллова в выдаче немецкому командованию военной тайны основано только на его показаниях о том, что, когда его немцы спрашивали о частях, входивших в состав 13-го корпуса, их номерах и дислокации в мирное время, он долго молчал, а когда допрашивавший его немецкий офицер вынул карту и назвал все части корпуса, их номера и дислокацию в мирное время, он, Кириллов, подтвердил правильность этих сведений.

На вопрос, куда девалась материальная часть войск корпуса, он ответил, что она уничтожена по его, Кириллова, приказу перед боем на выход из окружения.

Эти показания Кириллова не дают оснований для признания его вины в измене Родине.

Из партийного и служебного личных дел на Кириллова видно, что он по службе и по партийной деятельности характеризуется положительно.

В служебной характеристике от 27 июля 1941 года указано, что в боях с германским фашизмом Кириллов проявил себя волевым, решительным командиром корпуса, что боевые задачи военного совета 12-й армии стрелковый корпус выполняет честно и в установленный срок. 23 февраля 1956 года приговор в отношении Н. К. Кириллова отменен.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Государственная библиотека имени В. И. Ленина издает и рассыпает подписчикам систематический печатный каталог «Иностранная военная литература».

Каталог ставит целью информировать военнослужащих Вооруженных Сил СССР и других советских граждан о новых поступлениях в эту библиотеку зарубежных книг и статей из иностранных журналов по военной тематике. В нем даются библиографическое описание поступающих изданий и аннотации к ним на русском языке.

В каталоге перечисляется литература, в которой раскрываются как общие темы военной науки, истории войн и военного искусства зарубежных стран, так и конкретные вопросы строительства и развития различных видов и родов войск вооруженных сил капиталистических и развивающихся стран. Самые обширные в нем разделы включают перечень публикаций по военной политике и экономике, касающиеся стратегических концепций и вопросов оперативно-тактической подготовки войск, идеологической обработки личного состава вооруженных сил, модернизации вооружения и боевой техники и военных научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ. Выделены темы по организации и деятельности пограничных войск, гражданской обороны, тыловой, медицинской и юридической служб вооруженных сил.

Ряд журнальных статей о развитии военно-политических тенденций в странах Запада в связи с договоренностью СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности приводится в последних номерах каталога.

С 1989 года в каталоге будет представлена информация об иностранных книгах, возвращенных из спецхранения библиотеки, и новых зарубежных изданиях, освещающих со своих позиций военное строительство в СССР и историю Советских Вооруженных Сил.

Книгами и журналами, указанными в каталоге, можно пользоваться в читальных залах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, а также заказать копии интересующих материалов. Об условиях приема заявок на копирование сообщается в предисловии каждого выпуска.

По вопросам подписки на систематический печатный каталог «Иностранная военная литература» следует обращаться по адресу: 101000, Москва, проспект Калинина, 3. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, Военный отдел.

В армиях социалистических стран

СЛОВЕНИЯ: НЕСОГЛАСИЕ С ОТДЕЛЬНЫМИ ОЦЕНКАМИ ЮГОСЛАВСКОГО ВОЕННОГО СОВЕТА

PУКОВОДСТВО Словении выступило 20 мая с сообщением по поводу слухов о том, что эта наиболее развитая в экономическом отношении югославская республика в марте «едва убереглась от военного путча».

Республиканский секретариат по делам информации в отдельном сообщении напомнил, что словенское партийное руководство в свое время выразило несогласие с отдельными позициями Президиума ЦК Союза коммунистов Югославии и югославского Военного совета, в которых утверждалось, что нападки одной части словенской печати на югославскую армию представляют собой часть специальной войны против Югославии и ее армии и что в данном случае журналисты явились лишь исполнителями...

Белградская газета «Политика экспресс» в сообщении собственного люблянского корреспондента категорически опровергла слухи о том, что Военный совет вооруженных сил СФРЮ подготавливал военный переворот в Словении. Командующий Люблянской военной областью генерал-майор Светозар Вишнич в заявлении этой газете назвал «ерундой и вымыслами» то, что писала люблянская молодежная газета «Младина», а также слухи о подготовке якобы военного путча, которые распространяются по Словении.

(Югославские новости. — 1988. — № 5. — С. 3).

ИОЖЕ СМОЛЕ ОБ ОТНОШЕНИЯХ СЛОВЕНИИ И ЮНА

IРЕДСЕДАТЕЛЬ Социалистического союза югославской республики Словении Иоже Смоле самым решительным образом осудил «некультурные и нецивилизованные» попытки вызвать антиармейское настроение и какой бы то ни было вид недоброжелательного настроения в отношении других югославских народов и народностей в Словении. И несмотря на то что речь идет о единичных эксцессах, их надо в корне пресечь...

Он предупредил в этой связи, что речь идет не только о различиях во взглядах на события в Словении и на процессы демократизации, но и о некоторых эксцессах явлениях, в том числе опубликовании оскорбительных статей против ЮНА в словенской молодежной печати. На это мы отреагировали и осуждаем это, сказал И. Смоле...

(Югославские новости. — 1988. — № 6—7. — С. 3).

АРМИЯ СОХРАНИЛА ЕДИНСТВО

BОПРЕКИ кризису, который общество переживает уже много лет, Югославская народная армия сохранила свою мощь и морально-политическое единство, сказал союзный секретарь по народной обороне генерал-полковник Велько Кадиевич на конференции организации СК в ЮНА.

Армия должна и впредь развивать свой народный и общеюгославский характер. Для этого необходимы усилия не только ее воинов, но и всех прогрессивных сил югославского общества, подчеркнул союзный секретарь по народной обороне.

Существенной характеристикой нынешнего положения в стране, по оценке В. Кадиевича, являются поиски социалистически настроенными силами общества во главе с СКЮ конкретных путей выхода из кризиса и дальнейшего общественного развития.

Одновременно противники и социализма, и федеративного строя Югославии, причем всех мастей, выступают все более организованно, все более дерзко и агрессивно, чтобы воспрепятствовать нахождению таких путей.

(Югославские новости. — 1988. — № 6—7. — С. 3).

МЫ ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ

**(На советско-германском фронте:
из опыта боевых действий вермахта)***

P. Дж. КЕРШО ПАРА

Противник — Советская Армия

Успех немцев в мае 1944 года под Яссами объяснялся главным образом их правильной оценкой советской тактики... Девиз «Познай своего противника» остается неизменным и по сей день. Советская Армия по-настоящему верит, что уроки Великой Отечественной войны актуальны и сегодня.

Тактика

Немецкие исследователи часто отмечали замедленную реакцию и безынициативность русских на тактическом уровне. Все это приводило к неизбежным последствиям. Мобильные контратаки давали больше преимуществ потому, что советских командиров легко можно было застать врасплох. Атаки осуществлялись настолько стереотипно, что их проведение удавалось предсказать с точностью до часа. Страх ошибиться сковывал инициативу. 230 советских генералов расстреляно,уво-лено и отдано солдатами в штрафные батальоны за ошибки в ходе войны (1941—1945 гг.)¹.

Русский являлся стоиком, безразличным к потерям. Генерал Балк отмечал «стадное чувство» советского солдата, которое делало его поступки непредсказуемыми: то он отчаянно сражался не на жизнь, а на смерть, то легко поддавался панике и обращался в бегство². Смекалка была еще одной его отличительной чертой. Советский солдат пре-небрегал техникой, если были в наличии подручные средства...

Бойцы армий Варшавского Договора являются наследниками тех, кто покорил Восточную Европу в 1944—1945 гг.³. Опыт боевого мастерства передается потомкам, потому что уроки войны важны и актуальны сегодня. Во время войны русскими были разработаны приемы боевой подготовки при отработке вопросов атаки эшелонами. Приме-нение этих приемов диктовалось низким уровнем образования и не-достатком учебного времени. Затем им следовали по старинке⁴. Их рассмотривали как «готовые» решения задач тактики мелких подраз-делений. Все это в дополнение к закоренелому консерватизму (рус-

* Окончание. См.: Военно-исторический журнал. — 1988. — № 10.

¹ International Defense Review. — 1981. — N 12. — P. 1596.

² General Balck. — 1979. — January. — P. 26.

³ К весне 1945 г. благодаря упорной борьбе Советского Союза и его доб-лестных Вооруженных Сил были освобождены от фашистского порабощения, об-рели национальную независимость и политическую свободу народы Польши, Ру-мынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Финляндии, а также значительная часть народов Чехословакии, Австрии и Норвегии (См.: Освободительная миссия Со-ветских Вооруженных Сил во второй мировой войне. — Изд. 2-е. — М.: Полит-издат, 1976.— С. 361). — Ред.

⁴ Dick G. J. Soviet Battle Drills//International Defense Review. — 1985. — N 5.— P. 663.

ских.— Ред.) дает командирам НАТО такие же преимущества с точки зрения тактического руководства, какими обладали командиры вермахта. Советские комбаты были молодыми, относительно неопытными капитанами. В свою очередь они подчинялись полковым штабам, которые оказались недостаточно укомплектованы, чтобы управлять общевойсковыми подразделениями.

Виды Вооруженных Сил Советской Армии

Советские танковые войска стали мощным родом войск в конце войны. Русские овладели техническими приемами борьбы. Техника постановки радиопомех, в чем сильны были немцы, теперь была направлена против них. Танковое наступление осуществлялось волнами. Теперь... происходила эффективная замена бронетанковых частей в ходе сражения новыми соединениями. Была разработана эшелонная система прорыва оборонительных линий в глубине обороны противника. В период после 1942—1943 гг. появилась мобильная группа — предвестник отдельной маневренной групп (ОМГ), создаваемая для развития успеха прорыва⁵.

За время войны сильно возросла мощь советской артиллерии. Однако немецкие специалисты критиковали русских за то, что они страдали отсутствием гибкости при управлении последней. Артиллерии редко удавалось достигать концентрации огня на главном направлении. Интенсивность огня (хотя и высокая) распылялась по фронту. Но артиллерия могла создавать коридоры для атакующих танков и пехоты.

Сегодня 50 проц. всего учебного времени в советской академии отводится на общевойсковую подготовку и лишь 10 — на общественные дисциплины. Несмотря на это, недостатки существуют. Отсутствует боевая подготовка с участием крупных соединений. Мало проводитсяочных занятий, начиная с батальона и выше. Полковые учения редки. Батальонных учений больше, чем положено. Поддержка с воздуха, как правило, шаблонна. Есть проблемы и в руководстве ВВС. Остается проблема выбора между техническим прогрессом и традиционными, старыми методами. Широкомасштабные маневры для отработки вопросов маневра эшелонами на уровне фронта или армии не проводятся ввиду отсутствия надлежащих полигонов⁶.

Оперативный уровень

Основной урок, который следует извлечь из опыта второй мировой войны, — это изучение оперативного искусства «противника». К 1943 году Советская Армия имела высокоподготовленных командующих и первоклассную штабную систему⁷. Гибкость широко практиковалась на оперативном уровне: армия или фронт. Всю силу таланта они (русские.— Ред.) направляли и направляют по сей день на оперативное искусство. Вопросами тактики командующие предпочитают не заниматься. Вот почему, несмотря на успехи в войне, вермахт ее проиграл. Двумя факторами, определившими успех Советов, были внезапность и непредсказуемость.

Внезапность контрнаступления зимой 1941/42 года и ввод в бой своих резервов из Сибири развеяли миф о непобедимости вермахта. И в дальнейшем каждое контрнаступление русских достигало внезапности, например разгром 6-й армии немцев под Сталинградом, контрнаступление под Курском в июле 1943 года и широкое наступление, в результате которого была ликвидирована группа армий «Центр» в 1944 году. Ничего не изменилось сегодня. Ж. Дик обращает внимание на то, что внезапность и утонченная техника дезинформации, которая

⁵ Donnelly G. The Soviet Operational Manoeuvre Group//International Defense Review. — 1982. — N 9. — P. 1177.

⁶ Gefcht der Verbundenen Waffen Ost/West. Lecture by OTL. I. G. Rump. Kommandeurstagung der Bundeswehr. — 1986. — 22 Apr.

⁷ Lucas. — P. 53—59.

используется Советской Армией, могут застать и НАТО врасплох⁸. Непредсказуемость проявлений боевых качеств Советской Армии, продемонстрированных во время войны, должна служить предупреждением Западу. Ему не следует быть слишком самоуверенным в оценке боевых качеств Советов. Несмотря на плачевые результаты русско-финской зимней кампании 1940 года, поражения в окружениях 1941—1942 гг., Советская Армия разгромила вермахт в 1945 году. Оккупация Чехословакии в 1968 году осуществлена в считанные дни. Однако, несмотря на неограниченные военные возможности, русские не могут справиться с бандами в Афганистане в течение шести лет. (Статья опубликована в 1986 г.— Ред.)

Последствия изменений с 1945 года

Можно утверждать, что положение вермахта в ходе войны с Россией нельзя сравнивать с конфронтацией НАТО с Варшавским Договором, потому что существует большая разница в размере ТВД и боевом составе обороняющихся армий. Эта разница огромна. В дивизиях НАТО имеется около 300 боевых танков, в то время как в 11-й танковой дивизии генерала Балка на реке Чир было 25 танков. На Центрально-Европейском ТВД пехота Варшавского Договора и пехота НАТО полностью механизированы. Вермахт был уже заорганизован, когда пытался защитить восточные границы рейха. Поэтому тот период, в течение которого приобретался главный военный опыт Советов, может оказаться непоучительным.

Боеспособность

Боеспособность — фактор довольно неопределенный, но не менее важный при определении боевого соотношения сил, чем точный подсчет танков и орудий. Мотивация играет важную роль в достижении эффективной боеспособности. Будут ли солдаты НАТО так же хорошо сражаться, как солдаты вермахта, если у них окажутся лучшие офицеры, чем у противника?

Весьма вероятно, что Советская Армия внутренне не претерпела коренных изменений. Советский солдат имеет репутацию хорошего воина, которым негибко управляют. Впервые после 1945 года младшие офицеры и сержанты приобретают настоящий боевой опыт в Афганистане.

Фон Меллентин окрестил Красную Армию «армией без багажа». Это означает не только то, что количество тыловых машин сведено к минимуму, но и то, что сама организация не предусматривает «безделушек» мирного времени. Фон Меллентин приводит интересный пример, описывая бойцов вермахта, собиравшихся в тылу у полевых кухонь в поисках утешения и дружбы после катастрофических потерь. Советский солдат не таков. У него не было психологического убежища в тылу. Неотвратимость наказания или даже смертный приговор удерживали его на передовой¹². Дж. Донелли поразила решительность взглядов современных советских авторов военных статей на цели войны. Их точка зрения в этом вопросе остается неизменной с 1945 года: «Основная цель войны заключается в быстром и эффективном уничтожении противника»¹³.

Что побудило немецких солдат продолжать сражение на советско-германском фронте зимой 1943/44 года, несмотря на огромные потери и неотвратимость поражения? Умелое командование и организационные преимущества были бы бессмысленны, если бы солдат не удалось удержать в строю. Какова же мотивация поступков в этом случае?

⁸ Catching NATO Unavares, Soviet Army Surprise and Deception Techniques//International Defence Review. — 1986/1.

¹² Panzer Battles. — P. 303—304.

¹³ Donnelly G. // Defense Review. — 1981/12. — P. 1586.

Преданность фюреру и Германии, верность товарищам по службе, желание выжить толкали их (немецких солдат.— Ред.) на неслыханное по современным меркам самопожертвование. Война велась с беспрецедентной идеологической непримиримостью с обеих сторон. Пропаганда, хотя и не всегда эффективная, внушала ненависть и страх к противнику. Надежда на «секретное оружие» и отпуск временно поднимали солдатский дух. Многое в этом отношении давала также система наград и поощрений, к которым была большая тяга. А если все это не срабатывало, тогда «драконовская» система военного правосудия заставляла подчиняться.

Проблемы мотивации

Концепции «солдатского долга», наверное, мало применимы в отношении современного новобранца Запада. Бундесвер приходит в ужас от зверств вермахта и не приемлет его методов, как бы эффективны они ни были¹⁴. Армии Запада вряд ли пойдут на такие людские потери, которые мог позволить себе вермахт на советско-германском фронте. Следует считать, что НАТО будет полагаться на солдата нового типа, которого тем не менее тоже надо готовить ко всем неожиданностям современного боя. Он (солдат.— Ред.) теперь городской житель, связанный с техникой. Однако солдаты вермахта и кайзеровские солдаты, которых призывали из деревень, были более приспособлены к тяготам полевой жизни. Успехи вермахта также можно объяснить тесной спайкой между офицерами и унтер-офицерами, которая появилась в огне почти шестилетней тотальной войны. Такое явление возможно только во время войны. Свое отставание в численности вооруженных сил военный блок НАТО должен восполнить за счет достижений современной техники¹⁵. Кризисные ситуации на советско-германском фронте часто удачно разрешались благодаря использованию в бою «небоевого состава», т. е. поваров, писарей и пр. Основы боевой подготовки крайне необходимы личному составу тыловых и административных частей и подразделений, потому что прорывы бронетанковых сил противника просто неизбежны. Солдату-новобранцу после прохождения курса молодого бойца следует постоянно совершенствовать боевое мастерство, чтобы успешно сражаться в общевойсковом бою. В итоге требуется найти правильную оценку той роли, которую играет тыловое и техническое обеспечение как в мирное время, так и в бою, с тем чтобы технический персонал не считал, что он не имеет никакого отношения к бою, который ведет пехота.

Пространства

У командования военного блока НАТО нет в наши дни тех пространств, которые успешно использовало командование вермахта для маневра на советско-германском фронте. Фон Манштейн во время контрудара под Харьковом в 1943 году преодолел путь, равный расстоянию от Франкфурта до Ганновера. Имеется ли сегодня компромиссное решение сохранить принцип *auftragstaktik*, чтобы решить эту проблему?

Гитлер противопоставил идею внезапности и непредсказуемости действий противника концепцию «укрепрайонов» (УРОВ), направлен-

¹⁴ Вся система боевой и идеологической подготовки личного состава свидетельствует о том, что бундесвер все больше становится орудием в руках крайне правых сил, все откровеннее походит на гитлеровский вермахт (см.: Бундесвер — армия реванша.— М.: Воениздат, 1969.— С. 10.).— Ред.

¹⁵ Здесь просматривается стремление автора изобразить существующее ныне примерное военное равновесие как некое «отставание» США и НАТО в военной области от СССР и других стран — участниц Варшавского Договора и тем самым добиться от общественности Запада безропотного согласия на увеличение военных бюджетов на дальнейшую гонку вооружений, прежде всего ядерных. (см.: Откуда исходит угроза миру.— Изд. 4-е.— М.: Воениздат, Изд-во АПН, 1987.— С. 15). — Ред.

ную на сохранение ключевых позиций. Требовалось сражаться за них до последнего человека и удерживать как можно больше территории. Как ни парадоксально, но согласно концепции «передовых рубежей» НАТО также необходимо удержание территорий. Один из уроков, который можно извлечь из доктрины УРОв, заключается в том, что немцам ценой немалых потерь удалось временно задержать продвижение войск противника. Но эта задержка не имела смысла потому, что вермахт не мог рассчитывать на существенную помощь извне. НАТО всегда может рассчитывать на такую помощь (от США или, возможно, Франции). Доктрина оказалась бесплодной еще и потому, что в общем плане не было сделано даже попытки включить города и застроенные районы в систему обороны.

«Круговая оборона» городов

Если застроенные районы будут более полно включены в натовскую доктрину «передовых рубежей», то в случае внезапного нападения противника его продвижение будет задержано. Географическое положение Западной Европы может быть использовано при ликвидации численного преимущества Советских Вооруженных Сил. В настоящее время 9,4 проц. всей территории ФРГ застроено городами, а 28,9 проц. занято лесами. Каждый год открытая местность, удобная для ведения танковых сражений, сокращается в результате роста лесонасаждений (1,8 проц.), строительства дорог (300 кв. км), промышленных и жилых построек¹⁶. Это не та местность, на которой проводят учения в системе боевой подготовки вооруженные силы государств — членов Варшавского Договора. Если учесть тот факт, что боевая эффективность противника снижалась в прошлом, когда он сталкивался с непредвиденными обстоятельствами, то такое географическое преимущество может быть использовано в будущем.

Осуществляя внезапное нападение, Варшавский Договор¹⁷ тем самым вынудит блок НАТО вести встречные бои, но к ним последний подготовлен. Однако ввиду дефицита пространства НАТО не сможет полностью использовать свое превосходство в тактике подразделений и частей. Но если города превратить в важные районы обороны, а при обходе противником сделать их очагами сопротивления, то в случае отхода с боями к западу, сохраняя при этом мобильные средства, можно будет отмобилизовать фронт до подхода подкреплений. В то же время опыт вермахта показывает, что потери были слишком велики для быстрого восполнения. Оборону городов могут осуществлять нерегулярные войска или формирования бронетанковых войск. Специально подготовленные части территориальных сил и легкая пехота могут использовать тактические преимущества обороны городов. Принимая в расчет небольшие издержки боевой эффективности, эти части будут в состоянии вести боевые действия, если у них будет надежда на помощь.

Исходя из опыта войны, можно сделать вывод, что Варшавский Договор будет придавать большое значение городам даже в ущерб успеху операций. Огромные силы, брошенные в 1943 году в Сталинград, могли бы быть сокращены и переброшены на Кавказ, чтобы тем самым сковать там целую группу армий противника. Даже когда решалась судьба вермахта, никто не подумал использовать войска, обронявшие Берлин, в другом месте, чтобы изменить сложившееся положение.

¹⁶ Das Gefcht der Kampftruppen in Bebauten Gelände. Para 104, taken from Statistischen Jahrbuch der Bundesrepublik.

¹⁷ Военная доктрина Варшавского Договора, как и каждого из его участников, подчинена задаче недопущения войны — как ядерной, так и обычной. В силу самой природы социалистического общественного строя эти государства не связывали и не связывают свое будущее с военным решением международных проблем. Они выступают за решение всех спорных международных вопросов лишь мирным путем, политическими средствами (см.: Правда.— 1987.— 30 мая).

жение. И в будущей войне политики станут придавать большее значение захвату или потере городов, нежели территорий.

Даже пассивное сопротивление любого города предпочтительнее его беззащитности («открытый город»). Чтобы навести порядок в Праге в 1968 году, потребовалось 100 тыс. солдат и 2 тыс. танков¹⁸. Во всех конфликтах, начиная с 1945 года, немногие города смогли остаться независимыми («открытыми»), несмотря на их культурное или религиозное значение. Иерусалим в 1967 году явился классическим примером, подтверждающим это положение.

Концепция «круговой обороны» городов дает толчок для дальнейших исследований. Действительно, города представляют собой препятствия, которые не принимались в расчет по этическим соображениям. Для того чтобы отстоять передовые рубежи, НАТО нужно здесь пойти на компромисс, чтобы компенсировать территориальные пространства, которых у НАТО нет. Реально эти географические особенности могут дать такие же преимущества НАТО, какие в свое время дали вермахту огромные территориальные пространства в России.

Действия вермахта на советско-германском фронте (1943—1945 гг.) преподносят ряд уроков, которые окажутся актуальными в условиях приобретения повседневного опыта НАТО и стран — участниц Варшавского Договора. Германская армия на советско-германском фронте показала, что общевойсковые перегруппировки, осуществляемые быстро и гибко на тактическом уровне, могут свести на нет численное превосходство противника. Она полностью подчинила свою организацию и структуру оперативным нуждам. Подобного трудно достичь в мирное время, хотя у Варшавского Договора таких проблем нет. Вермахт действовал успешно потому, что знал своего противника и применял в соответствии с этим знанием тактику. Но что же игнорировал вермахт? Это тот самый важный урок, который нужно извлечь. Любая искусная тактика, применяемая в рамках неверного оперативного плана, приведет вас к поражению. К счастью, опыт советских войск в разгроме рейха не имеет аналогов при современной расстановке сил НАТО и Варшавского Договора. Существует огромная разница в территориальных пространствах и составе обороняющихся армий. Территориальные пространства в сочетании с тактическим мастерством срабатывали в пользу вермахта в борьбе с русскими. Тактические новшества возможны и сегодня, если выработать реальный план по срыву внезапного нападения.

Компромисс здесь предложен в рамках доктрины «передовых рубежей». Однако компромиссный план ведет и к компромиссному результату. Для того чтобы достичь решительного успеха — уничтожить, а не блокировать первые эшелоны войск Варшавского Договора, как опыт подсказывает, можно пойти дальше, чем это будет политически приемлемо. И последний урок, который нужно извлечь, — это фактор риска, о котором часто забывают в мирное время. Вторя фон Меллентину, можно сказать, что нужны крепкие нервы для достижения решительных результатов. Мы не можем всецело полагаться на тактику и технологию. «Школе «осторожных» генералов... не место в наш век бензиновых двигателей и аэропланов»¹⁹.

Предисловие и перевод подполковника И. Т. ФАТЕЕВА

¹⁸ В Чехословакии к августу 1968 г. возникла реальная угроза завоеваниям социализма, прямая опасность контрреволюционного переворота... В этих условиях вступление союзнических войск в Прагу 21 августа 1968 г. было необходимым и единственным правильным решением (см.: Б е й д а В. Политика и идеология.— М.: Прогресс, 1979.— С. 14—15).— Ред.

¹⁹ Panzer Battles.— Р. 254.

Научные сообщения и информация

Военная история в США

В НАСТОЯЩЕЕ время среди населения США, особенно студенческой молодежи, возрос интерес к военной истории. «Интернейшнл геральд трибюн» назвала это явление «ростом интеллектуальной моды на военную историю», «взрывом интереса к историческим и военным аспектам политики». Газета сообщила также, что за последние десять лет в американских университетах и колледжах число специалистов по этой дисциплине увеличилось в три раза¹. Если во время войны во Вьетнаме курс военной истории читался лишь в нескольких десятках американских университетов и колледжей, то в середине 80-х годов его ввели более чем в 400 учебных заведениях.

Американские студенты с большим желанием посещают лекции и семинары по военной истории. Так, в Принстонском университете для участия в семинаре по проблемам войны во Вьетнаме, рассчитанном на 25 человек, записалось 50. Желающих было еще больше, но кафедра истории ввиду ограниченных возможностей преподавательского состава прекратила запись. Много слушателей привлек осенью 1985 года и цикл лекций по военной истории, которые транслировались радиостанцией города Нью-Хейвен. Готовились и читались они преподавателями Йельского университета. Тематика была весьма разнообразной: от «Большой стратегии Римской империи» до «Уроков второй мировой войны». В связи с проявшимся интересом к радиолекциям трансляция их была продолжена. К передаче новых циклов подключились и другие радиостанции².

Более активно стали заниматься военной историей преподаватели и аспиранты высших учебных заведений. Количество ежегодно защищаемых в США докторских диссертаций по этой специальности увеличилось приблизительно со 100 (середина 70-х годов) до 300 (середина 80-х годов) и составляет сейчас более 10 проц. всех диссертаций на исторические темы³.

Огромный интерес к изучению военной истории проявляют и американские школьники. Их, например, не удовлетворяют те несколько страниц в учебниках, которые посвящены войне во Вьетнаме. Они хотят знать о ней значительно больше. С этой целью в школах организуются специальные лекции, приглашаются для выступлений ветераны войны. Многие школьные преподаватели подбирают материалы по истории вьетнамской войны из периодической печати и книг, а затем используют их для проведения дополнительных занятий со своими учениками. Весной 1987 года в старших классах 273 школ из 46 штатов США в опытном порядке были организованы факультативные учебные курсы на тему «Уроки войны во Вьетнаме». В ряде американских школ по инициативе преподавателей истории проводится сбор памятных предметов, связанных с войной во Вьетнаме, включая образцы оружия, снаряжения и обмундирования, дневники участников войны, антивоенные плакаты и т. д. Эти предметы использовались затем в качестве наглядных пособий на занятиях по истории⁴.

Большой интерес у американцев вызвали новые журналы по военной истории: «Арми хисториан», («Историк армии»), «Аэроспейс хисториан» («Историк авиации и космоса»), «Журнал американского авиационного исторического общества», «История гражданской войны», «Минерва» и другие. Привлек внимание читателей и издаваемый с апреля 1988 года журнал «Нэйвл хистори», посвященный военно-мор-

¹ International Gerald Tribune. — 1986. — May 24—25.

² I b i d.

³ I b i d.

⁴ U. S. News and World Report. — 1987. — February 2. — P. 58—59.

ской истории⁵. Стремясь удовлетворить читательский спрос, гражданские и особенно военные периодические издания больше места на своих страницах стали отводить военной истории.

В США выходит много книг на военно-исторические темы. Все они быстро расходятся. Продолжают, например, публиковаться труды из многотомной серии «Армия США во второй мировой войне». Массовым тиражом издаются книги о локальных войнах и военных конфликтах, имевших место после 1945 года, прежде всего о войне во Вьетнаме. Если в 1980 году американские книжные магазины могли предложить покупателю 2—3 книги о вьетнамской войне, то через пять лет 15—20, и все они находили спрос. Не залеживаются такие издания и на полках библиотек. «10 лет тому назад, — заявил Ричард Кейн, коммерческий директор издательства «Пресидио пресс», расположенного в калифорнийском городе Новато и специализирующегося на выпуске военно-исторической литературы, — мы не могли найти магазинов, которые бы согласились продавать книги о Вьетнаме, а сейчас они сами звонят нам, требуя такие книги»⁶. За весь период с 1960 по 1979 год в США было издано менее 25 книг по исследованию вьетнамской войны, а ныне их число превысило 300 названий. В дополнение к 15-томной серии трудов на эту тему, опубликованных в первой половине 70-х годов, центр военной истории армии США начал с 1983 года издавать новую серию книг об этой войне под рубрикой «Армия Соединенных Штатов во Вьетнаме», рассчитанную на более широкий круг читателей. Серию работ об участии американских вооруженных сил в военных действиях в Индокитае публикуют также военно-исторические службы BBC, ВМС и морской пехоты США. Издательское объединение «Тайм-Лайф» объявило о выпуске подписной серии из 20 книг о войне во Вьетнаме. На них уже подписалось более 500 тыс. американцев⁷.

Возросший интерес населения США к военной истории побудил издательство «Валор паблишинг» (г. Аллентаун, штат Пенсильвания) начать публикацию серии популярных, красочно иллюстрированных книг под названием «Кто сражался во второй мировой войне». В них детально описываются группировки войск, история частей и соединений, их организация, дислокация,дается характеристика офицерского состава и т. д. Читателям уже предложено более двух десятков книг из этой серии. Среди них: «Группировка армии США в Европе», «Сухопутные войска Германии и их офицерский корпус», «Вооруженные силы Японии: группировка», «Группировка армии США на Тихом океане» и др.⁸.

Наряду с книгами в США широкое распространение получили военно-исторические фильмы, записанные на видеопленку. Американцам, например, предлагается видеофильм продолжительностью 110 минут «Победа в Европе», повествующий о действиях англо-американских войск в Западной Европе после высадки в Нормандии, видеофильм «Вьетнам в году свиньи», рассказывающий об операции войск США против вьетнамского народа, видеофильмы «Сняться с якоря» и «Наследие славы», прославляющие военно-морской флот и морскую пехоту США, а также многие другие записи подобного рода⁹.

Значительно больше внимания стало уделяться различным знаменательным датам в военной истории США. Например, 350-я годовщина создания национальной гвардии США (12 декабря 1986 г.) была отмечена изданием специальной почтовой открытки. В конце 1986 года в Форт-Блисссе (штат Техас) в течение недели торжественно отмечалось 140-летие 3-го бронекавалерийского полка. В качестве почетных гостей на празднества были приглашены все живущие ныне бывшие командиры полка, а также другие ветераны. По заказу полка известный художник написал большую картину, изображающую действия передового отряда 3-го бронеполка в начале 1945 года на территории Германии после форсирования американскими войсками р. Саар. За сравнительно небольшую цену каждый ветеран и военнослужащий полка мог получить ее копию¹⁰.

⁵ Military Review. — 1987. — September. — P. 96.

⁶ Army Times. — 1986. — September 29. — P. 41, 44.

⁷ I b i d.

⁸ Military Affairs. — 1986. — April. — P. 112.

⁹ Armor. — 1987. — January/February. — P. 49.

¹⁰ Military Affairs. — 1986. — January. — P. 65.

Печать в последнее время стала призывать федеральные и местные власти восстановить идеально-воспитательное значение американских военно-исторических памятников. Вызвано это тем, что из-за стремления бизнесменов получить от населения как можно больше прибылей имеющиеся в США национальные парки и мемориалы, связанные с отдельными войнами и сражениями, превратились в места развлечений и во многом утратили свое воспитательное значение. На их территории было построено большое количество мотелей, гостиниц, стоянок для автомобилей, ресторанов, магазинов и других коммерческих предприятий. Для военно-исторических памятников и сооружений просто не осталось места. Такая картина наблюдается, например, на Вирджинском памятном поле боя недалеко от Вашингтона. Американские журналисты считают, что, если так будет продолжаться, через несколько лет подобная судьба ждет Геттисбергский национальный военный парк, национальное поле битвы при Манассасе и многие другие мемориалы. Журнал «Армии» призвал федеральные власти назначать руководителями таких мемориалов лица, которые бы осознавали воспитательную роль военно-исторических памятников и препятствовали бы их превращению в коммерческие предприятия¹¹.

Еще одним свидетельством возрастаания интереса американцев к военной истории является активизация в последние годы различных общественных военно-исторических организаций. Сейчас в США их действует более десятка. Это «Американский фонд военно-воздушных сил», «Совет военного прошлого Америки», «Общество военных историков», «Военно-морской исторический фонд», «Американское авиационное историческое общество» и другие. Основаны они на принципе добровольности. Каждая из организаций имеет свой печатный орган и ежегодно проводит съезды или собрания¹².

Причины возрастаания в США интереса к военной истории американские академические круги видят в политике администрации Рейгана, ее курсе на рост военной силы. Профессор Чикагского университета У. Макнейл заявил представителю газеты «Интернейшнл геральд трибюн», что наблюдаемое сейчас в США «пробуждение интереса к военной истории» связано с «милитаризацией американского общества». Английский профессор П. Кеннеди, приглашенный в Америку читать курс военной истории в Йельском университете, отметил, что в Соединенных Штатах появилось много ученых, которые рассматривают «военные действия как потенциальное разумное средство для достижения национальных интересов» и что «возрастание роли» военной истории является следствием «возрастания роли» военной силы¹³.

Главное внимание в исследованиях стало уделяться все усиливающейся связи военных проблем с политикой, идеологией, экономикой, морально-психологическими и демографическими факторами, с различными проявлениями общественной жизни. Многие работы посвящаются не действиям войск на поле боя, а их материально-техническому обеспечению, функционированию военной экономики, воздействию войны и подготовки к ней на производительные силы страны, миграцию населения, расовые отношения, народное просвещение, постановку обучения в гражданских высших учебных заведениях. Характерна в этом отношении книга Дж. Нэша «Трансформация американского Запада: Импульс второй мировой войны», опубликованная в 1985 году издательством Индианского университета¹⁴. В ней на основе богатого фактического материала показывается, какое влияние оказала вторая мировая война на развитие экономики и науки в западных штатах США. Автор подчеркивает, что именно с этого периода началось превращение Калифорнии в основной авиационный, а затем и ракетно-космический центр.

Новые тенденции отразились не только в содержании публикуемой военно-исторической литературы, но и в тематике проводимых научных конференций и симпозиумов. Например, в июне 1986 года в военном училище Вест-Пойнт состоялась научная конференция, посвященная влиянию войны во Вьетнаме на хозяйственное развитие стран Юго-Восточной Азии. Все выступавшие на конференции говорили об «экономическом подъеме», который якобы вызывала в восточно-азиатском регионе

¹¹ Army. — 1987. — December. — P. 15.

¹² Military Affair. — 1986. — January. — P. 65.

¹³ International Gerald Tribune. — 1986. — May 24—25.

¹⁴ Nash G. The American West Transformed: The Impact of the Second World War. — Bloomington, 1985. — P. 304.

многолетняя агрессия США против вьетнамского народа. Прежде всего подчеркивалось, что война во Вьетнаме явилась, мол, «огромным стимулом» для развития экономики Японии, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и стран АСЕАН. Она, по словам выступавших, способствовала также увеличению внешнеторгового оборота США со странами АСЕАН со 100 млн. долларов в начале 60-х годов до 700 млн. долларов в 1977 году. С помощью подобных аргументов американские исследователи стремились преподнести агрессию своей страны, стоившую вьетнамскому народу 7 млн. жизней¹⁵, в качестве некоего благородного и весьма полезного акта.

Тенденция к оправданию американской агрессии во Вьетнаме прослеживается также в большинстве исследовательских и публицистических работ, изданных в Соединенных Штатах в последнее время. Авторы этих трудов используют прежде всего стандартные антикоммунистические и антисоветские вымыслы об «экспорте революции», «коммунистической экспансии» и т. д. Так, американский генерал Б. Пальмер, бывший в середине 60-х годов заместителем командующего вооруженными силами США во Вьетнаме, а после ухода в отставку занявшийся военной историей, в своей книге «25-летняя война: военная роль Америки во Вьетнаме», вышедшей в 1984 году, утверждает, что сам по себе Вьетнам имел для Соединенных Штатов «второстепенное значение», но существовала, мол, «явная угроза» со стороны коммунизма. Именно поэтому, заявляет Пальмер, для Вашингтона очень важно было «противостоять этой угрозе», «сдержать проникновение коммунизма» в Южный Вьетнам и этим «обезопасить» союзников США в Азии и Океании, особенно таких, как Япония, Южная Корея и Тайвань. «Если бы США не воевали на стороне Южного Вьетнама, — пишет он, — то позиции этих тихоокеанских союзников Америки были бы серьезно подорваны». Положительным для США результатом Пальмер считает и то, что после войны во Вьетнаме Китай занял «антивьетнамскую позицию», приведшую, по его словам, к «ослаблению влияния коммунизма в Азии»¹⁶.

В интервью газете «Арми таймс» в сентябре 1986 года сотрудник издательства «Морроу» подчеркнул, что основная цель публикуемых сейчас в США книг о вьетнамской войне — представить ее благородной и показать, что американцы сражались во Вьетнаме «за правое дело». Ей служат в первую очередь работы по истории вьетнамской войны представителей так называемого ревизионистского течения. Один из них, Т. Ломперис, автор книги «Война, которую все проиграли и выиграли», считает большой заслугой Соединенных Штатов то, что вмешательством в гражданскую войну во Вьетнаме они сумели предотвратить распространение коммунизма на другие части земного шара, подорвали у народов веру в идею «непрерывной революции». Он делает вывод, что, несмотря на потерю Южного Вьетнама, действия Америки в Индокитае были «подлинным триумфом», ознаменовали собой «войennyj успех»¹⁷.

Во многих последних работах о войне во Вьетнаме прославляются действия отдельных американских военнослужащих, подразделений, частей и соединений, а также родов войск и видов вооруженных сил. Так, Р. Армитадж в статье «Вьетнам в ретроспективе» приводит слова президента Р. Рейгана, который в мае 1984 года назвал американских участников агрессии во Вьетнаме «такими же героями, как все те, кто когда-либо сражался за благородное дело». Следуя за президентом, автор статьи поет дифирамбы всем тем, кто, выполняя приказы Вашингтона, безжалостно истреблял вьетнамских патриотов. Хвала морским пехотинцам воздается в книгах, подготовленных управлением истории и музеев морской пехоты США. К их числу относятся: сборник статей «Морские пехотинцы США во Вьетнаме в 1954—1973 годах», работа майора Г. Тэлфера «Морские пехотинцы США во Вьетнаме», «Борьба против северовьетнамцев в 1967 году» и другие¹⁸. Восхвалению американской авиации посвящена книга «BBC США в Юго-Восточной Азии, 1961—1973», вышедшая под

¹⁵ B u d a h n P. Vietnam War Seen as Boom for Southeast Asia Economy//Army Times. — 1985. — June 30. — P. 17; Раны сознания: Американские писатели и журналисты об агрессии США во Вьетнаме: Пер. с англ. — М.: 1985. — С. 10.

¹⁶ Palmer B. The 25—Year War: America's Military Role In Vietnam. — Lexington, 1984. — P. 173, 189—190.

¹⁷ Army Times. — 1986. — September 29. — P. 41; Lomperis T. The War Everyone Lost—and Won: America's Intervention In Vietnam's Twin Struggle. — Baton Rouge. — 1984. — P. 175—186.

¹⁸ Armitage R. Vietnam Retrospective//U.S. Naval Institute Proceedings. — 1985. — November. — P. 76—82; The Marines In Vietnam 1954—1973. — Washington, 1985; Telfer G. a. o. U.S. Marines In Vietnam: Fighting the North Vietnamese, 1967. — Washington, 1984.

редакцией С. Вергера в 1984 году. Ш. Стэнсон в книге «Зеленые береты на войне, 1956—1975» с восторгом описывает деятельность во Вьетнаме войск специального назначения армии США, подчеркивает их «высокое воинское мастерство», показывает, в каких якобы «очень трудных условиях» им приходилось действовать, когда они обучали «противоповстанческим методам войны» сайгонские марionеточные войска или направлялись в гористую местность Южного Вьетнама, чтобы там обманутым путем завербовать себе сторонников из числа национальных меньшинств¹⁹.

В 1985 году нью-йоркское издательство «Краун паблишерс» выпустило в свет книгу о тех американских военнослужащих, которые за участие во вьетнамской войне были удостоены высшей награды Соединенных Штатов — ордена Почета. В ней восхваляются «подвиги» и «добрость» лиц, сражавшихся против свободолюбивого народа Вьетнама, рекомендуется брать с них пример «верности американским идеалам»²⁰.

Не все американцы разделяют взгляды тех авторов, которые пытаются всячески «облагородить» участие США во вьетнамской войне. Как среди исследователей, так и среди читателей есть и такие, которые продолжают осуждать военное вмешательство США во внутренние дела Вьетнама, считают, что вьетнамская война нанесла «большой моральный урон» американскому народу. В письме в журнал «Ю. С.ニュース энд уорлд репорт» миссис К. Смит из штата Миссури, сын которой воевал во Вьетнаме, называет вьетнамскую войну «адом». Она осуждает руководителей США за участие в войне и считает, что полной правды о ней пока еще не сказано. «Боже, прости тех, — заканчивает она свое письмо, — кто так равнодушно решил принять участие в ней, принеся в жертву из-за ничего наших детей»²¹.

Пентагон стремится использовать возрастание в США интереса к военной истории для повышения профессионального уровня американских военнослужащих. В интервью журналу «Армд форсиз джорнал» в 1986 году генерал У. Ричардсон, возглавлявший командование учебных и научных исследований по строительству сухопутных войск, говоря о задачах боевой подготовки в армии США, заявил: «Еще более важно, чтобы наши офицеры, а также сержанты изучали военную историю, разбирались в ней, воспринимали бы ее с точки зрения своей профессии»²².

Военная история, по мнению руководителей Пентагона, помогает развивать творческое мышление у военнослужащих, вселяет в американский народ уверенность в необходимости и значимости военной силы для Соединенных Штатов на нынешнем этапе их развития. По инициативе министерства обороны США в последнее время курс военной истории введен в учебные планы всех высших военно-учебных заведений, школ и курсов родов войск и служб по повышению квалификации и переподготовке офицерского и сержантского состава вооруженных сил США. В американских военно-учебных заведениях создан ряд новых кафедр военной истории, а имеющиеся расширены. К преподаванию военной истории военнослужащим, особенно из состава национальной гвардии и резервов вооруженных сил США, стали шире привлекаться гражданские профессиональные историки.

Необходимость усиленного изучения военной истории обосновывается и боязнью якобы «советской военной угрозы». По тому, утверждает майор ВВС США Э. Тилфорд, как американские офицеры справятся с этой угрозой, будут судить об их профессиональной пригодности. Советский Союз, по мнению этого офицера, пре-восходит США по численности вооруженных сил и количеству военной техники, поэтому для достижения успеха при столкновении с таким противником надо действовать «более искусно, чем он». Одним из важнейших путей достижения «интеллектуального превосходства» над Советским Союзом в военной области Тилфорд считает изучение военной истории. «Для овладения военным мастерством необходимо прежде всего овладеть историей,— пишет он.— Основы нашей профессии базируются не на технике или технологии. Наше прошлое является основным фактором, определяющим, что мы собой представляем...». Он подчеркивает, что в Корее и

¹⁹ The United States Air Force in Southeast Asia, 1961—1973: An Illustrated Account. — Washington, 1984; Stanson Sh. Green Berets at War: U.S.Army Special Forces in Southeast Asia, 1956—1975. — Novato, 1986.

²⁰ Lowry T. Those Who Were Awarded the Medal of Honor in Vietnam. — N.Y., 1985.

²¹ U.S. News and World Report. — 1987. — March 2. — P. 9.

²² Armed Forces Journal. — 1986. — May. — P. 44.

Вьетнаме американцы имели «очень большое технологическое превосходство» и, несмотря на это, потерпели поражение. «Если когда-нибудь мы выступим против Советов, — заключает Тилфорд, — мы должны лучше овладеть военным искусством, иначе история окажется на их стороне»²³.

Руководство Пентагона рекомендовало всем кадровым военнослужащим США изучать военную историю самостоятельно. С этой целью военные министерства, штабы видов вооруженных сил, объединенных и специальных командований, а также военно-исторические центры ежегодно стали издавать специальные списки рекомендуемой литературы, а видные военные руководители США, включая министров и начальников штабов видов вооруженных сил — проводить с офицерами консультативные занятия. В последнее время командование вооруженных сил США уделяет большое внимание совершенствованию методов изучения военнослужащими военной истории. В военной печати, например, широко освещалась коллективная поездка 1 мая 1986 года всех генералов и полковников командования учебного и научных исследований по строительству сухопутных войск во главе с командующим генералом У. Ричардсоном из Вашингтона в район Геттисберга, где в июле 1863 года состоялось одно из крупнейших сражений гражданской войны в США. В беседе с корреспондентами в Геттисберге генерал Ричардсон подчеркнул, что подобные поездки дают возможность изучать военную историю не в аудитории, а на поле боя, ознакомиться с оборонительными сооружениями, образцами оружия, предметно представить события прошлого. Руководство армии США, сказал он, намеревается распространить такой метод обучения офицерского и сержантского состава на все американские вооруженные силы и подготовить с этой целью специальную инструкцию для штабов по организации коллективных выездов военнослужащих на места былых битв. Заместитель Ричардсона генерал-лейтенант Р. Форман отметил связь военной истории с современностью. «Состоявшаяся 120 лет тому назад битва при Геттисберге, — сказал он, — имеет отношение и к нынешней воздушно- наземной операции (сражению), так как она подтверждает все принципы войны. Она заставляет нас думать о факторах времени и местности, о необходимости разведки и четкого управления. Сегодня мы не будем сражаться так, как тогда, но Геттисберг заставляет нас творчески мыслить»²⁴.

Совершенствованию методов и форм преподавания военной истории американским военнослужащим была посвящена статья «Военная история должна волновать, заставлять слушателей ставить вопросы», помещенная в журнале «Арми». В ней подчеркивалось, что «наблюдающееся сейчас в армии США оживление в изучении военной истории является ободряющим признаком», что армейские школы и курсы стали «по-новому подходить к оценке военной истории как важного средства развития интеллектуальных способностей офицеров»²⁵. Одновременно отмечался ряд недостатков в преподавании военной истории: излишний академизм, обучение в основном на примерах успешных действий вооруженных сил США в различных войнах. В этой связи указывалось, что известные немецкие военные теоретики Шарнхорст и Клаузевиц написали свои пользующиеся популярностью труды главным образом на основе изучения причин поражения Наполеона в 1812 году и неудач войск в других сражениях. По утверждению журнала, американский офицер «всегда должен ставить под сомнение концепции и установки своей армии, даже если он преданно пытается их выполнять». Именно поэтому, подчеркивается в статье, для обучения наиболее показательными являются не те операции, сражения и бои, которые в наибольшей степени соответствуют последним американским концепциям, а те, которые заставляют американских офицеров «глубоко задумываться над мудростью принятых ныне концепций». В публикации предлагается в значительной степени изменить программы курса военной истории для военно-учебных заведений США с тем, чтобы ликвидировать имеющуюся еще в них тенденциозность и дать большую возможность для изучения событий прошлого, когда войскам приходилось действовать в

²³ Tilford E. Know History... or Become History // Air University Review. — 1986. — November/December. — P. 14—15.

²⁴ Army Times. — 1986. — May 19. — P. 33.

²⁵ Army. — 1986. — February. — P. 14.

сложных условиях, а военнослужащим проявлять максимум выдержки, умения и самоотверженности, хотя при этом и не всегда они добивались успеха²⁶.

Журнал «Армии» рекомендует отказаться от педантичности и бесстрастности в преподавании военной истории, дабы не потушить у слушателей интерес к изучаемому предмету. Первая задача преподавателя — заинтересовать своих слушателей, говорится в статье. С этой целью предлагается создавать более яркую картину прошлых войн, операций и сражений, освещать своеобразие возникавшей в ходе их обстановки, особенности поведения и характеров сражавшихся людей, выделять главное и делать глубокие, обоснованные выводы. Офицер, который усвоил основные идеи, но, возможно, не имеет представления о некоторых деталях, подчеркивает журнал, будет полезнее того, который блестяще знает все мелкие факты, но не может связать опыт прошлого с настоящим. Журнал ратует за творческий подход к изучению военной теории американскими военнослужащими²⁷.

Аналогичные идеи проводит и журнал BBC США «Эир университи ревью». В современной войне с ее технически сложным и совершенным оружием, утверждают его авторы, решающую роль играет не само оружие, а способность правильно его использовать. Поэтому для совершенствования интеллектуального потенциала американских войск, всего их личного состава, особенно командиров, считают они, первостепенное значение имеет изучение военной истории, извлечение правильных уроков из прошлого²⁸.

О том, как используется военная история для повышения профессионального уровня американских офицеров, рассказал на страницах журнала «Армии» подполковник армии США М. Заис. В 1-м армейском корпусе, где он служил, регулярно проводились со всеми офицерами научно-практические конференции по оперативному анализу и планированию, каждая из которых продолжалась 1—3 дня. Их работа строилась на основе изучения и обобщения исторического опыта прошлых войн и военных конфликтов. Например, на одной из них были заслушаны научные сообщения о действиях в период корейской войны 10-го американского корпуса в ходе Инчхонской десантной операции и при взятии Сеула, об опыте 1-го армейского корпуса США при высадке его на северное побережье острова Лусон в 1945 году, о совместных с частями американских BBC и ВМС действиях 7-й пехотной дивизии в боях за Алеутские острова в годы второй мировой войны. Участники другой конференции детально проанализировали действия американских войск в ходе вторже-

²⁶ Ibid. — P. 15.

²⁷ Ibid. — P. 14—15.

²⁸ Air University Review. — 1986. — September/October. — P. 104—107.

«Мудрых слушать...»

(О дисциплине войска Древней Руси)

О СНОВЫ дисциплины войска Древней Руси были заложены в период общинно-родового строя. Тогда перед угрозой военного нападения или выступлением в поход собиралось народное вече, на котором определялись численность войска и маршруты его движения, выбирался военачальник. Во время похода или накануне битвы военачальник созывал военный совет из представителей дружины и народного ополчения. Решения веча должны были неукоснительно выполняться всеми без исключения воинами. Стоять на смерть за брата и отца, за Отечество являлось неписанным правилом. Русский во-

ин был готов к самопожертвованию и взаимовыручке, плен считал для себя позором. Основными боевыми качествами его были стойкость и решительность. Наиболее ярко эти черты проявились в войне (968—971 гг.) русских и болгар против агрессивной Византийской империи, в армии которой существовала древнеримская дисциплина с ее жестокой системой наказаний (даже за утерю щита воин подвергался увечью — ему отрезали нос).

Более двух месяцев византийская армия осаждала крепость Доростол, где находилась часть русско-болгарского войска под руководством киевского князя Святослава. Греческий флот блокировал крепость. В гарнизоне возникли трудности с питанием, ряды защитников таяли от болезней и ран. Следуя древнему обычаю, Святослав 21 июля 971 года собрал военный со-

ния на Гренаду в 1983 году. Наряду с офицерами 1-го корпуса на конференции приглашались видные военные историки, а также участники рассматриваемых событий. Так, отставной адмирал Дж. Расселл, участвовавший во второй мировой войне на Тихом океане, рассказал о действиях патрульной авиации во время боев за Алеутские острова. Заместитель начальника управления по изучению Советской Армии общевойскового центра вооруженных сил США полковник Д. Глэнтц, известный в США специалист по советско-германскому фронту, выступил с лекцией о Висло-Одерской операции. Для выступлений приглашались также представители израильской и египетской армий. Опыт офицеров 1-го корпуса журнал «Арми» считает поучительным для всех вооруженных сил США²⁹.

Знания по военной истории распространяются в США не только среди военнослужащих. Чтобы привлечь гражданскую молодежь к изучению этой дисциплины, военные министерства США ежегодно выделяют средства на премии для исследователей. Так, в 1986 году при Центре исторических исследований ВВС США (военно-воздушная база Максуэлл) было выделено несколько таких премий размером 2500 долларов для подготовки исследований по истории ВВС, развитию их тактики и стратегии, организации материально-технического обеспечения, эволюции технических средств и вооружения ВВС. Подобные же премии установлены и при военно-историческом институте армии США (г. Карлайл-Бэрракс)³⁰.

С целью популяризации среди населения военной истории и привлечения к ней новых исследователей военно-историческими службами США, а также некоторыми кафедрами военной истории, библиотеками и архивами постоянно публикуются указатели имеющихся на хранении в Национальном архиве США, мемориальных библиотеках, центрах военной истории видов вооруженных сил и других хранилищах документов и материалов.

Наблюдаемый в настоящее время в США интерес к военной истории является составной частью общего неоконсервативного курса, ориентированного на все более широкое использование насилия в интересах внешней политики Вашингтона. Военная история в США все в большей степени ставится на службу стратегическим интересам американского империализма, используется для усиления военной мощи Соединенных Штатов, повышения профессионального уровня американских военнослужащих.

*Полковник А. С. ЯКУШЕВСКИЙ,
кандидат исторических наук*

²⁹ Агту. — 1987. — December. — P. 34—38.

³⁰ Military Affairs. — 1986. — April. — P. 99.

вет, чтобы решить, как быть дальше: дать решительное сражение, начать мирные переговоры или пробиваться на ладьях по Дунаю к Черному морю. Последнее слово оставалось за полководцем, и Святослав сказал: «Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не принимают позора¹». Русские воины ответили: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим²».

Острое чувство воинской чести и долга, ответственность перед своим народом сплотили воинов. Это была древняя форма клятвы-присяги накануне битвы, которая разгорелась на следующий день. Уступавшие в количественном отношении, но спаянные добровольной клятвой, русские воины не дрогнули и с честью вышли из сра-

жения. Киевский князь заключил почетный мир с византийским императором.

В раннефеодальном государстве совместное решение воинов и военачальника являлось залогом дисциплины в бою. Помимо устной присяги (в древнерусских законах — «крота»), существовали клятвы: на оружии (мече), богам языческого пантеона (Перуну, Велесу и др.), а с принятием христианства (988 г.) еще и крестоцеловальная. Слово чести высоко ценилось в Древней Руси. Нарушавшие его «выбивались из земли вон» — изгонялись с территории рода, общины, племени³.

В эпоху феодальной раздробленности дружина князя приобрела самостоятельное значение. Она набиралась, как правило, из всех желавших служить свободных людей.

¹ Повесть временных лет. — Ч. I. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 248.

² Там же.

³ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. — М.—Л.: Изд-во АН СССР. — 1945. — С. 23.

Дружинники владели мечом и копьем в конном и пешем строю, строго соблюдали присягу на верность князю, который в свою очередь советовался со старшими дружинниками («боярами думающими»). Кодекс феодальной чести осуждал измену, перебежчики или покинувшие поле боя держались в «нужде», могли быть осуждены вплоть до смертного приговора. Самой же страшной карой для всех по-прежнему было изгнание с родной земли и смерть на чужбине. «Лучше в своей стране лечь костьми, нежели быть славным на чужбине», — гласила народная мудрость.

Несмотря на укрепление княжеской власти, народное вече не потеряло своего значения. Собиралось оно в исключительных случаях, когда речь шла о защите территории от иноземного нашествия. Так, в 968 году, когда князь Святослав находился в походе, печенеги осадили Киев. Горожане собрали вече, вооружились и отбили степняков от стен города.

После смерти Ярослава Владимира Мудрого в 1054 году единое древнерусское государство формально распалось на ряд самостоятельных княжеств, имевших свою администрацию и войско. В 1055 году русскому народу вновь пришлось отстаивать неприкосновенность своих земель. К границам Руси подступили орды кочевников-половцев. Борьба с ними требовала единства действий всех русских князей. Владимир Мономах (1053—1125 гг.), выступая против степняков, призывал русских князей к единению для совместных действий. Готовясь к походам, он уделял большое внимание составлению планов, организации разведки и дисциплине войска. Объединяя усилия княжеств, Мономах привлек к походам не только княжеские дружины, но и широкие слои населения — ополчения из горожан и крестьян. Результаты походов русского войска против половцев (1103, 1107, 1111 гг.) были впечатляющими. Часть орд откочевала на Северный Кавказ. «Победы Владимира Мономаха над половцами обеспечили безопасность Руси на несколько десятилетий»⁴.

В военной и государственной деятельности Владимир Мономах широко использовал поддержку народных масс. В военных советах участвовали представители трудового населения. В решениях учитывались интересы простого народа. Этим

достигалось единство действий княжеских дружин и народного ополчения, обеспечивалась дисциплина в бою.

Владимир Мономах зарекомендовал себя не только как талантливый полководец, но и мыслитель. Огромный интерес представляет его «Поучение», в котором была сделана попытка широкого обобщения военного опыта того времени, затронуты вопросы воспитания воинов. В этом труде Мономах нарисовал образ твердого духом, закаленного телом, обладающего высокими моральными качествами воина. И если в странах Западной Европы ратное мастерство рыцарей оттачивалось на турнирах, русские дружинники основной подготовкой к сражениям считали охоту на диких зверей. Для русского воина, особенно ополченца, ратное дело было лишь вынужденным занятием, а не профессией. Бой за правое дело, за родную землю в отличие от престижных турниров и грабительских походов, столь занимавших умы средневековых рыцарей Запада, являлся испытанием физических и моральных качеств воина.

Много места в «Поучении» уделялось организации войска, дисциплине воинов и военачальников. Анализируя печальный опыт неудачников-князей, Мономах указывал: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не повторствуйте, ни сну; сторожевую охрану сами наряжайте, и ночью, расставив воинов со всех сторон, ложитесь, а рано вставайте; а оружия снимать с себя не торопитесь, не оглядевшись, из-за лености, внезапно ведь человек погибает»⁵. Полководец требовал от воевод, чтобы они лично все организовывали и проверяли в бою, всегда и везде были в боевой готовности, проявляли бдительность и подавали пример дисциплинированности. Если от командира Мономах требовал умения организовать победу, то от младших воинов дисциплинированности и беспрекословного выполнения приказаний: «...при старших молчать, мудрых слушать, старейшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать»⁶.

Владимир Мономах верил, что не страх наказания заставляет воина подчиняться командиру, а высокое понятие чести. Военачальник должен быть примером для своих воинов, требуя подчинения, он обязан виникать в их нужды.

⁴ Будовниц И. У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. — Т. 22. — Изд-во АН СССР. 1947. — С. 92.

⁵ Повесть временных лет. — Ч. I. — С. 358—359.

⁶ Там же. — С. 356—357.

Несмотря на феодальную раздробленность, а соответственно и разобщенность воинских сил, в XII веке (1132 г.) в воинских формированиях русских княжеств продолжали действовать организационные и дисциплинарные отношения, характерные для единого древнерусского государства. По-прежнему главой войска являлся князь, ядром — его дружины. Большое значение имели городское и крестьянское ополчения. Как и раньше, решение князь принимал совместно с воеводами, представителями дружины и ополчения на военном совете. Защита княжества простым народом отождествлялась с защитой всей Руси. Поэтому чаще всего звучал призыв: «братья моя милая Русы! Потягните за едино сердце»⁷. Такое обращение свидетельствовало о том, что все воины признавали себя братьями и по древнерусским законам обязаны были поддерживать друг друга в сражении.

Преемственность боевых традиций на Руси проявлялась во многих сражениях. Русских воинов отличали дисциплинированность и самоотверженность в бою, презрение к трусам. Польские, венгерские и немецкие военачальники особенно ценили «русский бой» по обычаям «отцов своих»⁸. Выражение «по отцу и сыну честь» — и пословица, и характеристика отношений, сложившихся на Руси. Общественное мнение осуждало нарушение слова, неисполнение воинского долга, с особой непримиримостью относилось к измене Отечеству. Понятие о чести являлось фундаментом дисциплины. В среде русских воинов было высоко развито чувство товарищества — трудно воевать, если нельзя положиться на собрата по оружию. Понимание этого вошло в кровь и плоть каждого воина — от князя до простого ополченца.

В 1185 году дружины северских князей под руководством князя Игоря Святославича задумали совершить поход против половцев, не поставив в известность других русских князей. Замысел похода был не продуман, войско малочисленно, несмотря на привлечение ополчения. Дружины были окружены превосходящими силами противника и оказались в крайне тяжелом положении. На военном совете князья решили пробиваться к Северскому Донцу, чтобы затем прорваться в русские

земли. При этом договорились, что все, включая князей, сойдут с коней. Обращаясь к войску, князь Игорь сказал: «Братья и дружины, лучше быть сраженными, нежели полоненными»⁹. Русская рать, отбиваясь, двигалась к р. Каяле, где 12 мая 1185 года произошло сражение. Отряд черниговских ковуев (оседлые кочевники, входившие в состав русского войска) не выдержал и побежал. Раненый князь Игорь на коне помчался за ними, пытаясь остановить. Он оторвался от войска, был окружен половцами и захвачен в плен. Русские воины остались верны клятве: сражались стойко, до последней капли крови, все они полегли на поле боя. Чувство долга перед товарищаами для них было сильнее страха смерти.

Ярким примером выполнения воинского долга и дисциплины в бою явились действия псковского ополчения в 1343 году. Отряд ливонских рыцарей совершил нападение на Изборск. Накануне сражения псковичи, собрав вече, дали клятву: «Братья, мужи псковичи, не посorомим отцов своих и дедов, кто стар то отец, а кто млад то брат; се же братья предлежит нам живот и смерть, потягнем... за отчество»¹⁰. Ливонские рыцари были разбиты и отброшены от русской границы.

В 20-х годах XIII века на границах русских земель появилось войско монголо-татар. На военном совете русские князья решили совместно выступить против врага. Силы противников были примерно равными, но управление войсками, состояние дисциплины военачальников резко отличались. В монголо-татарском войске, разделенном на десятки, сотни, тысячи и тумы (10 тысяч воинов), царила жестокая дисциплина. За трусость в бою одного воина умерщвлялся весь десяток, за трусость десятка наказывалась сотня. Этот закон распространялся и на высший командный состав. Никто не имел права ослушаться своего начальника. Всякий начальник, поставленный с войском в указанном месте, не мог покинуть его без разрешения даже для оказания помощи другому. Никто не должен был и принимать помощь. Нарушитель приговаривался к смертной казни. Как правило, сам предводитель завоевателей не участвовал в битве. Он управ-

⁷ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.: Изд-во АН СССР 1947. — С. 127.
⁸ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. — Л.: Наука, 1976. — С. 9.

⁹ В кн. Исследование «Слова о полку Игореве». Сборник статей. — Л.: Наука, 1986. — С. 76.

¹⁰ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Псковские летописи. — Вып. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 97.

лял войсками, следя за ходом сражения с возвышенности.

В русском же войске каждый князь принимал самостоятельное решение и дружины, подчиняясь феодальному кодексу чести, обязаны были сохранять ему верность. Если князь ставил свой стяг, явившийся не только средством управления, но и символом чести и славы, его дружины вступала в бой и защищала знамя до последнего. Подрубленное древко означало гибель военачальника или поражение. Если князь наклонял свой боевой стяг, дружины не вступали в бой. Разобщенность действий князей сказалась на результате битвы с монголо-татарами на реке Калке в 1223 году. Дружины действовали несогласованно. Киевский князь Мстислав не поставил свой стяг. Он и его сильнейшая дружины безучастно следили за тем, как гибли воины других русских князей. После их поражения киевляне самостоятельно вступили в бой. Несмотря на то что они храбро защищались, победу одержали захватчики. Битва на Калке еще раз показала, насколько опасно действовать разрозненно. Отсутствие дисциплины и единства явилось причиной жестокого поражения русских дружин. Однако князья не усвоили урок. В 1237 году на Русь обрушилось монголо-татарское войско Батыя. Русские княжества, несмотря на героическое сопротивление народа, были разгромлены. Из-за раздробленности вооруженных сил Русь стала жертвой завоевателей. Русский демократ Н. В. Шелгунов справедливо отмечал: «Народ сделал свое дело, стоял мужественно против врага, погиб по частям; но князья, призванные страной для предводительства, не исполнили своего обязательства и погубили Русь»¹¹.

Свержение иноземного гнeta стало наущной исторической задачей русского народа. Во второй половине XIV века Москва начала открытую борьбу за свержение ордынского ига. Этую задачу успешно решил московский князь Дмитрий Иванович Донской (1350—1389 гг.). Опираясь на поддержку народных масс, он твердо проводил политику объединения. В 1371 году все жители города присягнули на верность князю. Через четыре года (в 1375 г.) под давлением тверского веча князь Михаил Тверской признал себя младшим братом московского князя. Знатный московский вельможа И. В. Вельяминов после попыт-

ки разжечь междуусобицу ушел в Золотую Орду. В 1378 году он тайно вернулся на Русь, но был схвачен в Серпухове и затем публично казнен в Москве. Такое наказание за подобные действия было применено впервые.

В 1377 году к границам Нижегородского княжества с юга-запада двинулся крупный отряд золотоордынцев под начальством Араб-шаха (Арапши). Навстречу ему была послана русская рать. Однако воеводы проявили беспечность — пренебрегли разведкой и охранением: «Феодальный характер войны сказывался... в пренебрежении воинской дисциплины со стороны бояря»¹². Пользуясь этим, ордынцы скрытно вышли в тыл русским и на реке Пьяне нанесли им внезапный удар. Застигнутые врасплох, ратники потерпели поражение.

Дмитрий Иванович Донской учел жестокий урок. В 1378 году ордынцы под водительством мурзы Бегича предприняли еще один набег на русскую землю. Княжеское войско встретило их на реке Воже во всеоружии и наголову разбило. Усиление Москвы тревожило фактического правителя Золотой Орды Мамая. Он стал готовиться к большому походу на Русь. В грозный час Дмитрий Донской проявил исключительную энергию в организации отпора Орде. Он сумел для отражения нашествия объединить силы народа. По призыву князя в Москве стали собираться воинские отряды, ополчения крестьян и горожан. Вся Русь поднялась на борьбу с ненавистным врагом. Великий князь московский умело использовал высокий моральный дух и силу народа. Его войско пополнило новгородское ополчение, пришедшее вопреки воле своих феодалов, бывших в натянутых отношениях с Москвой.

Поход русских навстречу врагу проводился образцово. Монголо-татары узнали о приближении войск князя лишь тогда, когда они стали форсировать Дон. В Куликовской битве 1380 года управление боем, дисциплина, выбор момента удара, расположение войск (общий и частный резервы) и своевременное вступление их в битву свидетельствовали о превосходстве русского военного искусства. Перед началом битвы в Большом полку было поставлено великолкняжеское красное знамя — символ чести и славы объединенного русского войска. Сам Дмитрий Иванович объ-

¹¹ Шелгунов Н. В. Россия до Петра I // Русское слово. — 1884. — № 1—2. — С. 25.

¹² Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII—XV веков. — Ч. 1. — М.: Изд-во МГУ, 1969. — С. 383.

ехал полки, призывая воинов стоять на смерть, защищая свое Отечество. На Куликовом поле Золотой Орде был нанесен сильнейший удар, положивший начало полному освобождению от монголо-татарского ига русского и других народов Восточной Европы. В этой битве проявились выдержанка и дисциплинированность русских воинов, моральный дух и нравственная энергия которых являлись фундаментом воинской дисциплины, основанной не на предписаниях, а на воспитании и пробуждении чести.

Русское государство складывалось в борьбе с кочевыми народами, немецкими и шведскими интервентами, с монголо-татарским игом. В испытаниях зарождались военные традиции, вырабатывались патриотизм, стойкость и выносливость, воспитывалось чувство товарищества и взаимовыручки — основные элементы дисциплинированности и боеспособности любого войска. Эти качества получили свое отражение в русском военном искусстве.

Зарождение и существование древнерусского государства, становление единого Русского государства проходило в непрестанной борьбе с враждебным окружением. Сама обстановка вынуждала русского человека всегда быть в готовности к защите Отечества, к отпору нашествия. По древнему обычаю в минуты опасности каждая семья посыпала сыновей, за исключением младшего, на бой. Отказ служить Отечеству считался позором. Среда формировала воинов-защитников родной земли. Однородное по своему национальному составу, сплоченное единой целью, русское войско не нуждалось в специальных военных законодательствах, регламентирующих поведение воина в бою. Дисциплина поддерживалась устным обещанием-клятвой, в основе которой лежали решения народного вече и военных советов, доведенные до каждого воина. Дисциплина была крепка сознанием долга перед народом, Родиной.

В минуты грозной опасности, нависав-

шей над Русским государством, ярко проявилась активность народных масс. Когда на страну напали польско-шведские интервенты, нижегородское вече в 1612 году провозгласило: «Стоять за истину всем безызменно, к начальникам быть во всем послушным и покорливым и не противиться им ни в чем...»¹³. Опираясь на поддержку народа, патриоты Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский очистили от интервентов русскую землю.

Военные традиции оказали огромное влияние на систему воспитания русской регулярной армии в петровское и последующие времена. Сознательная дисциплина была проявлена народами нашей страны в годы тяжких испытаний. Каждое поколение нашей Родины имело свое Ледовое побоище, Куликово поле, разъезд Дубосеково. Победа советского народа в гражданской и Великой Отечественной войнах была бы немыслима без воинской дисциплины, ибо «война есть война, она требует железной дисциплины»¹⁴. Качественно новый тип дисциплины был основан прежде всего на сознательности трудящихся Страны Советов, защищающих свое Отечество. Об этом говорил В. И. Ленин: «Основным условием применения и сохранения нашей строжайшей дисциплины является преданность: все старые средства и источники применения дисциплины разрушены, в основу своей деятельности мы кладем только высокую степень продуманности и сознательности»¹⁵.

Обращение к далекому военному прошлому имеет не только научно-познавательное, но и практическое значение. «Хранить наследство, — учил В. И. Ленин, — вовсе не значит еще ограничиваться наследством...»¹⁶.

Ю. Ф. СОКОЛОВ, кандидат исторических наук

¹³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). — Т. XIV. — М.: Наука, 1965. — С. 116—117.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 40. — С. 178.

¹⁵ Там же. — С. 282.

¹⁶ Там же. — Т. 2. — С. 542.

Совет Рабочей и Крестьянской Обороны

(К 70-летию со дня образования)

30 НОЯБРЯ 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) принял постановление по поводу образования Совета Рабочей и Крестьянской Обороны. В нем, в частности, говорилось: «Не только в армии и во флоте, но и в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен военный режим... отвечающий положению страны, которую бандиты империализма вынудили превратить в военный лагерь... необходимо теснейшее объединение военного ведомства, Чрезвычайной Комиссии по производству, ведомств путей сообщения и продовольствия на общей работе во имя общих практических задач... С этой целью Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановляет учредить Совет Рабочей и Крестьянской Обороны под председательством тов. Ленина... Совету Обороны предоставляется вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств страны в интересах обороны. Для всех ведомств и учреждений центральных и местных, для всех граждан постановления Совета Обороны безусловно обязательны!».

Членами Совета были: от ВЦИК — И. В. Сталин, от Реввоенсовета Республики —

Э. М. Склянский, от Наркомата путей сообщения — В. И. Невский, от Наркомата продовольствия — Н. П. Брюханов, от Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии — Л. Б. Красин. В зависимости от повестки дня на заседания совета приглашались представители различных ведомств, а в целях большей оперативности при урегулировании отдельных вопросов создавались комиссии, решения которых после подписи В. И. Лениным и представителем соответствующего ведомства приобретали силу постановлений Совета Обороны². Когда же требовалась неотложные и крайние меры, последний подбирал, утверждал и посыпал своих чрезвычайных уполномоченных туда, откуда шли тревожные сообщения.

Добиваясь оперативного выполнения руководящими работниками поставленных задач, В. И. Ленин настаивал на применении крайних мер, требуя беспощадно наказывать недобросовестных и нечестных сотрудников. В письме к члену РВС Каспийско-Кавказского фронта 12 декабря 1918 года В. И. Ленин дал такое указание: «Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили»³.

Уже на первых заседаниях в декабре 1918 года обсуждался вопрос «Об определении численности Красной Армии в соответствии с ресурсами республики»⁴. Был утвержден план формирования полуторамиллионной армии. Результатом плодотворной деятельности Коммунистической партии и Советского правительства явилось неуклонное повышение численности Красной Армии (к лету 1919 года она составляла более 2 млн. человек, а к концу 1919 года — свыше 3 млн.). На заседаниях Совета Обороны систематически рассматривались вопросы, связанные с формированием частей Красной Армии и Флота и их переброской на решающие участки гражданской войны.

Колоссальную работу проделал Совет Обороны по подготовке боевых резервов, командных кадров и привлечению на службу в Красную Армию и на Флот генералов, адмиралов и офицеров старой армии и флота. К примеру, 12 января 1919 года в повестку дня его заседания был включен пункт «Об использовании военспецов», 3 марта — «О призывае в Красную Армию офицеров старой армии и их расстановке», 7 апреля — «О призывае бывших офицеров Флота и корпусов Морведа». В июне 1919 года издается постановление, согласно которому бывшие офицеры из всех без исключения учреждений подлежали мобилизации в Красную Армию и на Флот.

Особенно серьезное внимание Совет Обороны уделял вопросам роста производства вооружения и боеприпасов. Информацию о работе Тульских патронного и оружейного заводов, Ижевского, Сим-

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. — 1918. — 22 декабря. — № 91—92. — С. 1144.

² ЦПА ИМЛ. ф. 19, оп. 3, д. 1, л. 5.

³ Ленинский сборник. — XXXIV. — М.: Госполитиздат, 1942. — С. 65.

⁴ ЦПА ИМЛ. ф. 19, оп. 3, д. 5, л. 1.

бирского и Луганского патронных заводов рассматривал систематически. 5 декабря 1918 года создается специальная комиссия в целях улучшения снабжения патронами и принимается решение об увеличении производительности оружейных и патронных заводов Тулы, Подольска, Симбирска. 18 декабря выносится постановление о постройке нового пушечного завода в Поволжье, а 25 декабря заслушивается доклад начальника Главного артиллерийского управления «О состоянии обеспеченности нашей армии орудиями и о производственной возможности». 19 мая 1919 года по докладу Ф. Э. Дзержинского принимается решение «Об извлечении из страны оружия». Перечисленные меры дали положительные результаты. Если, например, Тульский завод в июле 1918 года выпускал винтовок чуть более 8 тыс., то в феврале 1919-го — уже 24 тыс. Среднемесячный выпуск патронов на заводе увеличился с 13,2 млн. штук в ноябре 1918 года до 20,3 млн. в 1919-м⁵. Так же быстро росло производство винтовок и патронов на других заводах страны.

Занимаясь решением проблем военно-экономических и организационных, Совет Обороны непосредственно осуществлял стратегическое руководство войсками на фронтах, внимательно следил за своевременностью сосредоточения и правильным использованием резервов на важнейших стратегических направлениях.

Благодаря активному вмешательству Совета Обороны удалось предотвратить тяжелые последствия, которые могла бы повлечь неправильная политика Петроградского Комитета Обороны, возглавляемого Зиновьевым, отдавшего распоряжение об эвакуации работавших на оборону Петрограда заводов и фабрик и обсуждавшего вопрос о потоплении флота. Совет категорически запретил эвакуацию и отменил преступный план потопления Балтийского флота⁶. Одновременно он отдал распоряжение о посыпке на Петроградский фронт лучших частей с Восточного фронта. Узнав, что Реввоенсовет Республики несвоевременно выполнил это указание, В. И. Ленин в записке к Э. М. Склянскому 11 июня 1919 года потребовал: «Обязательно сейчас же назначить (и довести до конца) расследование, кто Вас ввел в заблуждение, уменьшая бедствие. Это ведь измена... Надо принять все меры и особо следить за быстротой продвижения 6 полков с Восточного фронта»⁷.

О непримиримости Совета Обороны и лично В. И. Ленина к тем, кто пытался не выполнить его коллективные решения и

директивы, свидетельствует письмо, направленное 17 июня 1919 года в ЦК РКП(б). В нем резко критируется Л. Д. Троцкий, выступивший против решения ЦК РКП(б) от 15 июня об укреплении Ставки Главного Командования, указывающееся на недопустимость игнорирования воли большинства членов ЦК. 6 сентября Совет Обороны осуждает предложение Л. Д. Троцкого, Л. П. Серебрякова и М. М. Лашевича изменить принятый Советом Обороны и одобренный Центральным Комитетом партии стратегический план борьбы с Деникиным. В письме члену Реввоенсовета Республики С. И. Гусеву от 16 сентября 1919 года В. И. Ленин, отмечая крупные упущения в руководстве военными операциями со стороны РВСР, подчеркивает недопустимость ослабления контроля за исполнением принятых решений и указывает: «Если это общий наш грех, то в военном деле это прямо гибель»⁸. В начале сентября 1919 года, когда резко ухудшилось положение на Южном фронте, он пишет записку зампредреввоенсовета Республики Э. М. Склянскому с предложением «изо всех сил ускорить посылку 2-х дивизий из-под Перми», «следить за югом, 2 раза в день говоря с Гусевым»⁹.

Многогранная деятельность Совета Обороны, как и других органов власти, осуществлялась под непосредственным руководством Центрального Комитета партии. Подчеркивая роль ЦК в руководстве обороной страны, В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б) говорил: «На каждом заседании ЦК по каждому крупному вопросу стратегии, — не было ни разу, чтобы не было заседания ЦК, либо Бюро ЦК, — ни разу не было, чтобы мы не решали основные вопросы стратегии»¹⁰.

После окончания гражданской войны Совет Рабочей и Крестьянской Обороны по инициативе В. И. Ленина был преобразован в Совет Труда и Обороны, о чем он сообщил 31 марта 1920 года на IX съезде РКП(б). Богатейший опыт деятельности Совета Обороны творчески был использован в годы Великой Отечественной войны в работе Государственного Комитета Обороны, сыгравшего огромную роль в достижении победы над фашистской Германией и империалистической Японией. В современных условиях на основе статьи 121 Конституции СССР в стране и Вооруженных Силах действует Совет Обороны, деятельность которого направлена на дальнейшее укрепление обороноспособности нашего государства, совершенствование Вооруженных Сил СССР.

Подполковник В. Н. МАЛЬЦЕВ

⁵ ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 72, лл. 124, 167.

⁶ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. — Т. 7. — М.: Политиздат, 1976. — С. 194.

⁷ Ленинский сборник. — XXXV. — М.: Госполитиздат, 1945. — С. 67—68.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 51. — С. 50.

⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. — Т. 7. — С. 483.

¹⁰ Ленинский сборник. — XXXVII. — М.: Политиздат, 1970. — С. 137.

Спрашиваете — отвечаем

Во время Великой Отечественной войны были случаи, когда личному составу целых подразделений присваивали звание Героя Советского Союза. Не могли бы вы рассказать об одном из них, просит В. М. Власов из Краснодара.

За образцовое выполнение боевой задачи и проявленные при этом отвагу, мужество и массовый героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1943 года звание Героя Советского Союза было присвоено всем воинам 1-го стрелкового взвода 8-й стрелковой роты 78-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии.

Героями стали гвардии лейтенант П. Н. Широнин (командир взвода), гвардии старшины сержанты И. Г. Вернигоренко, А. Н. Тюрин (командир приданныго взводу расчета 45-мм пушки), гвардии рядовые И. П. Букаев, А. Ф. Торопов.

Звания Героя Советского Союза посмертно были удостоены гвардии старшины С. Г. Зимин, С. В. Нечипуренко, гвардии старший сержант А. П. Болтушкин, гвардии сержанты В. С. Грудинин, Н. И. Кирьянов, И. В. Седых, А. И. Сухин, гвардии рядовые И. П. Визгалин, П. А. Гертман, Я. Д. Злобин, В. Л. Исахов, А. И. Крайко, В. М. Павлов, И. Н. Силаев, А. А. Скворцов, В. Д. Танцурунко, С. П. Фаждеев, И. М. Чертенков, Н. И. Субботин, П. Т. Шкодин.

Утром 2 марта 1943 года 25 отважных воинов у железнодорожного разъезда южнее Тарапоновки, что недалеко от Харькова, вступили в бой с 25 танками и 15 бронетранспортерами врага, поддержаными артиллерией и авиацией. В неравном единоборстве гвардейцы подбили и сожгли 14 танков, два самоходных орудия, бронетранспортер, уничтожили более 100 вражеских солдат.

Гвардии лейтенант П. Н. Широнин, будучи дважды раненным, продолжал руководить боем. Лишь после третьего тяжелого ранения его вынесли с поля боя. Гвардейцы А. П. Болтушкин, И. В. Седых, А. А. Скворцов, В. М. Павлов гранатами подорвали по одному танку противника и сами пали смертью храбрых. В схватке с танками и бронетранспортерами погиб гвардии старшина С. В. Нечипуренко, успев уничтожить два из них. Победителями в единоборстве с танками вышли гвардейцы И. Г. Вернигоренко и П. Т. Шкодин. Отважно действовали и другие воины взвода. Противнику так и не удалось захватить обороняемый широнинцами железнодорожный переезд, мало того, ему пришлось отойти.

Рассказать об истребительных батальонах, действовавших в годы Великой Отечественной войны, просит В. Г. Рябых из Харькова.

Истребительные батальоны — военизированные добровольческие формирования граждан. Создавались они в соответствии с постановлением СНК СССР от 24

июня 1941 года для охраны важных народнохозяйственных объектов в тылу советских войск, борьбы с десантами и диверсионными группами противника. Первоначально были образованы в западных областях СССР, затем в других районах, близких к полосе военных действий. Всего насчитывалось около 2000 батальонов.

Истребительные батальоны комплектовались из населения, не подлежащего призыва в армию. Батальон, включавший чаще всего 100—200 человек, вооруженных стрелковым оружием и гранатами, делился на роты и взводы. Командирами батальонов назначались работники органов НКВД и районных отделов милиции, заместителями по политической части — партийные работники.

Подготовкой батальонов и их деятельностью занимались специальные штабы, создававшиеся при управлениях и отделах НКВД районов, областей и краев. Наряду с решением своих задач истребительные батальоны участвовали в боевых действиях, использовались для пополнения частей Советской Армии. На их базе нередко создавались партизанские отряды.

Одна из улиц Москвы носит имя Павлика Андреева. Это же имя значится и в списках борцов революции, похороненных в братской могиле у Кремлевской стены. Не могли бы вы рассказать об этом мальчике, просит москвич В. С. Соколов.

Сын рабочего Павлик Андреев (1903—1917) был подручным кузнеца на заводе Михельсона (ныне имени Владимира Ильича). Еще до Октября 1917 года он вступил в Союз рабочей молодежи «III Интернационала», распространяя большевистские листовки, помогал вести пропагандистскую работу среди солдат расквартированного в Замоскворечье 55-го пехотного запасного полка. В дни октябрьских боев в Москве 14-летнего Павлика не взяли в красногвардейский отряд, но он тайком от родителей пробрался к своим рабочим-красногвардейцам, наступавшим по Остоженке на штаб Московского военного округа. Под вражеским огнем юный герой подносил патроны, бинты, продовольствие. Когда в часы затишья красногвардейцы уходили погреться, оставив часть оружия на бруствере окопа, мальчик перебегал от винтовки к винтовке и стрелял по юнкерам, создавая впечатление, что все бойцы находятся на своих местах.

Одна из винтовок упала за бруствер. Юный красногвардеец, потянувшись за ней, высунулся из окопа. Ударил вражеский пулемет, и тело московского Гавроша пронзили 42 пули. Через трое суток он умер от ран.

Помимо улицы имя Павлика Андреева носит бригада кузнецов завода Ильича, Дворец пионеров Советского и Дом пионеров Москворецкого районов столицы. Его имя занесено в Книгу почета Московской городской пионерской организации.

ВСТРЕЧИ В РЕДАКЦИИ

В СЕНТЯБРЕ этого года в Москве по приглашению Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) находилась делегация в составе профессора Джона Эриксона, директора Центра оборонных исследований Эдинбургского университета, Фрэда Болайя, полковника BBC США, старшего научного сотрудника Центра стратегических исследований национального университета обороны в Вашингтоне. Цель ее пребывания у нас в стране — проведение переговоров об очередной встрече представителей общественности СССР, Великобритании и США «Эдинбургские беседы», ознакомление с состоянием дел в области военной истории, новыми моментами и положениями советской военной доктрины.

По просьбе профессора Эриксона члены делегации были принятые в редакции «Военно-исторического журнала». Состоялся интересный и продуктивный разговор.

Профессор Эриксон обещал, в частности, прислать в редакцию материалы о Я. Джугашвили, хранящиеся в английских военных архивах.

НАША СПРАВКА

ЕЖЕГОДНО, начиная с 1980 года, поочередно в Москве и Эдинбурге проходят встречи представителей общественности СССР и Великобритании, на которых обсуждаются вопросы мира, разрядки и разоружения, — «Эдинбургские беседы. Как выжить в ядерный век». Организаторами их с советской стороны являются ССОД и общество «СССР—Великобритания», с британской — Эдинбургский университет и общество «Шотландия — СССР». В них принимают участие видные политические и общественные деятели, эксперты в военной области, ученые, члены парламента от лейбористской и консервативной партий.

С советской стороны в «Эдинбургских беседах» принимали участие академик Г. А. Арбатов, главный редактор газеты «Правда» академик В. Г. Афанасьев, Председатель правления АПН В. М. Фалин, ответственные работники аппарата ЦК КПСС В. С. Шапошников, Д. А. Шариф, И. А. Соколов, А. С. Грачев, сотрудники Министерства обороны СССР — ад-

мирал Н. Н. Амелько, генерал-полковник В. В. Коробушин и другие; с британской — видные военачальники: фельдмаршалы лорд Карвер и сэр Джон Стэнли, генерал армии сэр Хью Бич, бригадный генерал Джон Хэмсли, директор Королевского института международных отношений адмирал Дж. Эберли, члены парламента: консерватор Николас Соамс (внук У. Черчилля), лейборист Джон Смит и другие; с американской — посол США по особым поручениям М. Кампельман, директор агентства по контролю над вооружениями Ю. Ростоу, заместитель руководителя делегации США на Стокгольмской конференции по мерам доверия, безопасности и разоружения в Европе Л. Хансен, директор Центра научно-стратегических исследований Техасского университета профессор Ричард Томас и другие.

«Беседы» проходят в непринужденной обстановке, позволяющей представительной и высококвалифицированной группе участников обсудить общие пути решения назревших проблем, возможные

договоренности по актуальным вопросам международных отношений, разоружения. Повестка дня свободная, однако по предварительной договоренности определяется направленность обсуждения.

Дискуссии прошедших встреч включали такие вопросы, как снижение риска возникновения ядерной войны, всеобщая безопасность, СОИ и предотвращение милитаризации космоса, проблемы европейской безопасности и другие.

Каждую из состоявшихся «бесед» в той или иной степени характеризовал определенный позитив, зафиксированный в совместных коммюнике и выражавшийся в сближении советской и западной точек зрения на проблемы войны и мира, конкретные пути укрепления доверия и снижения уровня конфронтации как в Европе, так и во всем мире.

Так, VII раунд «бесед», проходивший в Москве с 28 по 30 сентября прошлого года (центральная тема — «Взаимозависимость и всеобщая безопасность в ядерный век — новое мышление»), в своем коммюнике зафиксировал целый ряд положений, отражающих современную позицию Советского Союза во внешнеполитической области.

В последнее время ряд объективных факторов подтверждает рост интереса к «Эдинбургским беседам» как со стороны правительства Великобритании и лично М. Тэтчер, так и со стороны высших политических эшелонов Вашингтона и НАТО. А некоторые из высказанных в процессе «бесед» идей нашли свое отражение в решениях последующих межгосударственных переговоров.

Боевой приказ

В ПОСЛЕДНЕЕ время некоторые историки, журналисты и писатели акцентируют всеобщее внимание на приказе № 227 народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 года. Создается впечатление, что до его появления в действующей армии не задумывались над словами «Ни шагу назад» и их смыслом. Однако нам, участникам войны, известны и более ранние приказы такого рода, которые отдавались в сложных условиях ведения стратегической обороны.

Такие приказы отдавались во фронтах, армиях, дивизиях, в низших звеньях письменно и даже устно. Обстановка, которая вынуждала к этому, обычно характеризовалась возникновением особо кризисной ситуации, когда у исполнителей не оставалось времени для раздумий, а нужно было немедленно и точно выполнить указания командира или командующего, чтобы не провалить бой или не сорвать операцию. И естественно, слова для этого подбирались суровые, жесткие, как сурова и жестока сама действительность вооруженной борьбы, вплоть до слов: «Стоять насмерть», «Умрем, но выполним задачу» и др. Иногда нужно было выстоять, удержать рубеж во что бы то ни стало в одном месте, чтобы достигнуть успеха в другом.

Что значит «Стоять насмерть»? Это означало выполнить задачу, свой долг при любых обстоятельствах, а если нужно, то и ценой собственной жизни. И выполняли. И добивались побед, напрягая все свои силы, проявляя стойкость духа в сочетании с воинским умением. Так было в 1941 году и под Брестом, и под Одессой, и под Ленинградом, и под Севастополем, и под Москвой, и на многих других участках фронта.

Известно, какая тяжелая обстановка сложилась в середине сентября 1941 года под Ленинградом, где мне пришлось быть участником и свидетелем событий¹, связанных с отражением первого штурма города войсками 4-й танковой группы и 18-й армии противника. Воины фронта и флота проявляли, казалось бы, все усилия, чтобы не допустить врага к Ленинграду, и все же под его ударами шаг за шагом отступали, сдавая позицию за пози-

цией. Почему? Вроде бы силы для успешного ведения обороны были немалые, вооружения хватало, но недоставало то организованности, то дисциплины и стойкости, то более умелого применения оружия, то своевременного вскрытия намерений противника... А отступление все более и более «засасывало», становилось «хронической болезнью», в ходе которой имели место и самовольный отход, перераставший иногда в бегство с поля боя отдельных бойцов или даже групп, и недостаточно энергичные действия командиров (политработников) при возникновении паники. А враг все ближе и ближе подходил к городу...

И вдруг последовала смена фронтового командования: вместо К. Е. Ворошилова был назначен Г. К. Жуков, известный уже тогда по событиям на Халхин-Голе, талантливый военачальник. С ним прибыли новый начальник штаба фронта М. С. Хозин и ставший командующим 42-й армией герой Халхин-Гола И. И. Федюнинский.

Принявший дела 10 сентября Жуков, несмотря на пессимистическую оценку положения под Ленинградом московским руководством, считал, что еще не все потеряно. Он оценивал «положение хотя и как критическое, но полагал, что имеются еще не использованные возможности, и решил защищать Ленинград до последней капли крови»².

Опыт подсказывал Жукову, что средства есть, но не хватает морально-психологического настроя. Некоторые командиры не проявляли нужной решительности для пресечения негативных поступков подчиненных. Необходим был психологический перелом! Нужно было вернуть войскам уверенность в своих силах и возможностях, чтобы остановить врага. Начало такому перелому положил суровый приказ военного совета фронта от 17 сентября 1941 года³.

¹ Автор по излечении после ранения в августе 1941 г. был назначен помощником начальника штаба артиллерии 3-й гвардейской дивизии народного ополчения (затем 44 сд) Ленинграда.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — Т. 2. — 2-е изд. — М.: Издво АПН, 1974. — С. 395.

³ ЦАМО СССР, ф. 249, оп. 1544, д. 112, л. 144. Подлинник.

ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 42-Й И 55-Й АРМИЙ

Боевой приказ войскам Ленинградского фронта 17.9.41

Карта 100 000

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верх. Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный Совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, оборонояющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

3. Исполнение приказа донести шифром к 12.00 18.9.41.

Командующий войсками ЛФ
Герой Советского Союза
генерал армии ЖУКОВ

Начальник штаба ЛФ
генерал-лейтенант ХОЗИН

Член военного совета ЛФ
секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ

Член военного совета ЛФ
дивизионный комиссар КУЗНЕЦОВ

Однако дело не ограничилось только отдаием приказа. Одновременно требования приказа были подкреплены рядом мер по повышению искусства организации и активности обороны на южных подступах к городу. Это отрывка (оборудование) окопов полного профиля и ходов сообщений, усиление противотанковой обороны (ПТО) и создание централизованно управляемой артиллериейской группировки с широким привлечением мощной артиллерии флота, умелое применение авиации и средств ПВО страны, формирование новых соединений и создание глубины обороны, повышение активности войск 8-й армии на ораниенбаумском плацдарме и др.

Особое внимание уделялось созданию непреодолимой ПТО. С этой целью к борьбе с вражескими танками привлекли все зенитные батареи первой линии, входившие в систему ПВО города. Это был риск, но риск оправданный. В результате в полосе 42-й армии, находившейся на направлении главного удара противника, была создана небывалая для того периода средняя плотность: 10—15 противотанковых орудий на 1 км, что позволило нанести тяжелый урон 4-й танковой группе. Одновременно удалось повысить живучесть противотанковых орудий, несмотря на захват противником господствующих высот. Для каждого из них было оборудовано укрытие типа аппарели с перекрытием.

В результате стойкой, упорной и активной

обороны советских войск противник нес потери, борьба приняла затяжной характер и последние 4—5 км до стен города оказались для фашистов непреодолимыми на все последующие два с половиной года войны.

Командование германского вермахта, убедившись в бесперспективности борьбы и провале замысла по захвату Ленинграда с ходу, вынуждено было свою основную ударную силу — 4-ю танковую группу перебросить на московское направление. Таким образом, обстановка под Ленинградом резко изменилась в пользу войск фронта и флота.

Итак, враг был окончательно остановлен! Немалая роль в этом принадлежит тому суровому приказу, отданному 17 сентября 1941 года, в один из критических дней при отражении первого штурма неприятеля. Этот приказ был нужен тогда под Ленинградом, чтобы помочь сорвать затем планы гитлеровцев под Москвой.

Был ли я свидетелем наказания нарушавших требования приказа?

Да! Дважды. Но это являлось строгим предупреждением для многих — уметь найти в себе силы, волю, не поддаться панике, не струсить и выполнить свой воинский долг до конца.

**Полковник Г. Т. ХОРОШИЛОВ,
лауреат Государственной премии СССР
и премии М. В. Фрунзе,
кандидат военных наук, доцент**

НАМ ПИШУТ

С БОЛЬШИМ удовлетворением прочитал в «Военно-историческом журнале» (№ 8, 1988 г.) статью полковника А. А. Гурова «Боевые действия советских войск на юго-западном направлении в начальный период войны». Наконец-то стали появляться статьи, пожалуй, о самом трудном периоде наших сражений, о людях, которые вынесли на своих плечах все тяготы страшных испытаний начального периода войны. Это надо знать нам, ветеранам, и нашей молодежи. Есть у меня пожелания.

Мне кажется, было бы более справедливым указать, что в первых сражениях на границе 87-ю стрелковую дивизию водил в бой ее командир генерал-майор Алябушев Филипп Федорович. А когда он, прорываясь из окружения, 25 июня погиб в бою, остатки дивизии возглавил и вывел из окружения начальник штаба полковник Бланк Михаил Ильич. Уже потом командиром стал полковник Васильев Н. И. — зам. командира 87-й стрелковой дивизии.

От лица ветеранов войны прошу вас больше писать о начальном периоде войны, о героях сражений на границе. Большинство из них погибли, но они сражались как Герои, хотя и не получили этого высокого звания.

Б. П. КУДРЯВЦЕВ (г. Владивосток)

* * *

ПРОЧИТАЛ в газете «Красная звезда» сообщение о том, что в вашем журнале в октябрьском номере будет опубликована работа о первых генералах и адмиралах Красной Армии. Эта тема меня, да и многих других любителей военной истории, очень интересует. У меня есть свои списки о присвоении генеральских званий. И ждем мы, читатели, не только списки, но и краткие биографические данные. Думаю, что это повысит интерес к вашему журналу.

Хочу обратить ваше внимание на тот факт, что некоторые военные товарищи, а также историки собираются опубликовать свои работы в других журналах. А ведь эти работы имеют прямое отношение к военной истории. Поэтому я считаю, что они должны публиковаться в вашем журнале.

Думаю, неплохо было бы привлечь людей, у которых имеется интересный военно-исторический материал. А такие есть. Есть подготовленные материалы, которые не было разрешено печатать в застойные годы. Теперь это разрешили многим печатать. Какой интерес представляла раньше, в 60-х годах, публикация мемуаров Г. К. Жукова? Огромный! И какой популярностью пользовался ваш журнал до 1967 года! Правда, после он утратил свои позиции. Считаю, что следует восстановить былую славу. Надо устранять «белые пятна» в военной истории. Есть много еще героев гражданской войны, крупных военачальников, о которых мало кто знает. Можно об их героической жизни на страницах журнала рассказать? Можно! Если в каждом журнале рассказывать об одном человеке, и то будет хорошо.

Л. И. НЕСТЕРОВ (г. Минск)

Адрес редакции:

103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал»

Тел. 147-40-39,
147-44-47,
147-51-17.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Филатов (главный редактор),
Н. Т. Аксенов (отв. секретарь), В. В. Гуркин, И. С.
Даниленко, К. Ф. Калашников, И. Е. Крупченко,
П. Н. Лещенко, Ю. К. Лоскутов (зам. главного ре-
дактора), А. М. Майоров, А. П. Марышев, Б. В. Па-
нов, В. А. Соколов, А. Н. Федорченко, В. П. Хро-
ботов.

Художественный редактор Л. П. Демахина

Сдано в набор 9.09.88.
Бумага 70×108^{1/16} — 8,4 усл. печ. л.

Подписано к печати 26.10.88.

Г-21327

9,3 учет.-изд. л.

Высокая печать

Зак. 1877.

Цена 60 коп.

Ордена «Знак Почета» типография газеты «Красная звезда»,
Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Военно-исторический журнал

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

НАПОМИНАЕМ, ЧТО ВСЕ ПОЧТАМТЫ, ОТДЕЛЕНИЯ СВЯЗИ И ПРЕДПРИЯТИЯ „СОЮЗПЕЧАТИ“ ПРОДОЛЖАЮТ ПРИНИМАТЬ ПОДПИСКУ НА „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ“, СООБЩАЕМ, ЧТО В ЖУРНАЛЕ ВВОДЯТСЯ НОВЫЕ РУБРИКИ: „ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ“, „ИЗ АРХИВОВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР“, „ЭПОХА В АВТОБИОГРАФИЯХ“, „В ПОИСКАХ ПРАВДЫ“. В БУДУЩЕМ ГОДУ РЕДАКЦИЯ НАЧНЕТ ШИРОКУЮ ПУБЛИКАЦИЮ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, КОТОРЫЕ ДО ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ БЫЛИ СЕКРЕТНЫМИ. В ИХ ЧИСЛЕ ПРИКАЗЫ СТАЛИНА ВРЕМЕН ВОЙНЫ, ДИРЕКТИВЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА, ДОКЛАДЫ КОМАНДУЮЩИХ ФРОНТАМИ СТАВКЕ. ПРОДОЛЖИМ ДИСКУССИЮ О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ. ГОТОВЯТСЯ ЦЕЛЕВЫЕ НОМЕРА, СОСТАВЛЕННЫЕ ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, КАК СОВЕТСКИХ, ТАК И ЗАРУБЕЖНЫХ, ПОСВЯЩЕННЫХ БИТВЕ ПОД МОСКОВЬЮ, ХАРЬКОВСКОМУ СРАЖЕНИЮ 1942 ГОДА, БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ В АФГАНИСТАНЕ, КОРЕЕ, ЕГИПТЕ... С КОММЕНТАРИЯМИ ИСТОРИКОВ НАЧНЕМ ПУБЛИКОВАТЬ ФОТОСНИМКИ ИЗ ЛИЧНОГО АЛЬБОМА ГИТЛЕРА. БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ ВОСПОМИНАНИЯ ГЛАФИРЫ ЛУКИНИЧНЫ БЕЗВЕРХОВОЙ-БЛЮХЕР «С В. К. БЛЮХЕРОМ ШЕСТЬ ЛЕТ».

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА НАШ ЖУРНАЛ МОЖНО С ЛЮБОГО МЕСЯЦА, НО НЕ ПОЗДНЕЕ 12-ГО ЧИСЛА.